

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

КОНТРАФЕВРАЛЬ

ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК

БФ-коллекция

Дмитрий Зурков

**Игра без правил: Игра без правил.
Контрфевраль. Последний рывок**

«Издательство АСТ»

2019, 2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зурков Д. А.

Игра без правил: Игра без правил. Контрфевраль. Последний
рывок / Д. А. Зурков — «Издательство АСТ», 2019,
2020 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-133660-8

Центральные державы... Антанта... Враги... Союзники... Никому из них не нужна сильная Россия. Все смотрят на неё, как на лакомство, сгорая от нетерпения, когда же можно будет урвать кусок и жевать, давясь слюной от жадности. А русский народ?.. Какое дело просвещённым европейцам до этих грязных дикарей? Пусть мрут в окопах, пусть вгрызаются друг другу в глотки за идеалы Свободы, Равенства и Братства. Уже достаточно среди них вожаков, готовых повести эту толпу к Светлому Будущему, и их не волнует, что эта дорога будет вымощена костями несогласных. А если такой вожак для достижения Великой Цели не гнушается посягнуть на самое дорогое, что есть у каждого мужчины – его Единственную и ребёнка, пусть он ещё и не родился?.. Ответ только один!.. И быстрая смерть от пули в голову считается неоправданной милостью...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133660-8

© Зурков Д. А., 2019, 2020
© Издательство АСТ, 2019, 2020

Содержание

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев	5
Игра без правил	6
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев
Игра без правил: Игра без правил.
Контрфевраль. Последний рывок (сборник)

© Дмитрий Зурков, 2020,

© Игорь Черепнев, 2020,

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Игра без правил

Авторы выражают свою искреннюю благодарность участникам форумов «*В Вихре Времени*» и «*Самиздат*», чья помощь сделала книгу именно такой, какая она есть, и лично:

Светлане Полозковой, Элеоноре и Грете Черепневым, Ольге Лащенко, Анатолию Спесивцеву, Владимиру Геллеру, Игорю Мармонтову, Виктору Дурову, Виталию Сергееву, Александру Колесникову, Владимиру Черменскому, Андрею Метелёву, Валерию Дубницкому, Алексею Дягилеву, Виталию Томилову.

Глава 1

Жизнь действительно похожа на тельняшку. За темной полосой рано или поздно следует светлая. Достававшая весь день до самых печенок вагонная тряска стихает, гудок паровоза, лязг буферов, и долгожданная остановка на перроне становящегося уже привычным гомельского вокзала. Подхватываю дорожную сумку от подаренного «мебельного гарнитура», набитую подарками и необходимыми на мой взгляд в ближайшие дни вещами. В дорогу собирался, естественно, не как в рейд по вражеским тылам, но в меру разумного взял достаточное количество прибабасов на все случаи жизни. Теперь – в привокзальную гостиницу – забронировать номера для моих друзей. Завтра с утра в качестве «мотовзвода огнестрельного сочувствия» должны приехать Анатолий с Михалычем. Портье любезно согласился оставить два одноместных номера напротив друг друга рядом с лестницей для ожидаемых господ офицеров до утра, теперь хватаем извозчика – и к Даше!

Лихач, оправдывая свое название, быстренько несется по вечерним улицам. Притормаживаю его на перекрестке, рассчитываюсь за гонку и почти неторопливо иду к нужному дому, стараясь унять волнение и учатившийся пульс. Вот и знакомый забор, почти спрятавшийся в густой зелени, за которым слышны задорные мальчишеские голоса – наверное, Сашка с Матюшей о чем-то спорят. Толкаю калитку, делаю несколько шагов, и моему взору предстает финал чемпионата по скоростной колке дров. Оба участника пытаются превратить небольшие полешки в кучу щепы для растопки самовара, отвлекаясь только на подначивание друг друга. В роли судьи выступает Александр Михайлович, сидящий в беседке рядом с тем самым агрегатом, на который сейчас усиленно батрачит молодежь. Он-то первый и замечает дорогого гостя в моем лице:

– Денис Анатольевич?.. Добрый вечер, голубчик!.. Какими судьбами?.. Откуда?.. – Здравствуйте, Александр Михайлович! Заслужил в качестве поощрения отпуск к семье... Извините, что без приглашения, надеюсь, не стесню?..

Дальше продолжить разговор нам мешает молодое поколение. Сашка с восторгом подсакивает ко мне:

– Здравствуйте, Денис Анатольевич!

Матюша, стеснительно улыбаясь, с секундной задержкой дублирует ту же фразу.

– Здравствуйте, молодые люди!..

– Здоров будь, командир! – сзади раздается голос неслышно появившегося из ниоткуда Семёна.

– И тебе поздорову, земляк-сибиряк!

Закончив ритуал традиционными мужскими рукопожатиями, причем разрешая юношеству участвовать в этом наравне со взрослыми, рассаживаемся в беседке. Александр Михайлович сразу сообщает мне интересную новость:

– Даша с моей супругой ушли на прогулку, должны вернуться через полчаса...

И этим заставляет всё внутри похолодеть! А если с ними... Если этот урод сейчас... Нет, холодная логика подсказывает, что со стороны противника опрометчивых действий пока не последует. Слава богу – не то время, чтобы посреди бела дня на улице кого-то похищали... Или убивали. Но для некоторых, гадам буду, оно теперь скоро наступит!.. Вымучиваю на лице вежливую улыбку:

– Что ж, жаль... Тогда разрешите пока вручить всем присутствующим маленькие сувениры.

Александру Михайловичу достается один из трофейных несессеров, небольшая такая шкатулка, обтянутая кожей, с золингенской бритвой и прочими приспособами для бритья, которую он принимает с понимающей улыбкой. Александр-младший и Матвей получают по швейцарскому складному ножу, один из которых достался мне в качестве трофея, а другой Котяра якобы для себя выменял у кого-то из бойцов на кучу ненужных мне зажигалок. А теперь... Давно вынашивал эту идею, потом офицерское собрание батальона приняло решение воплотить в жизнь...

– Семён, а это – тебе. На память. – Вручаю сибиряку подарочный вариант «оборотня» – кожаные ножны, наборная ручка из бересты, на торце бронзового навершия – маленький серебряный крестик, повторяющий форму Георгиевского, на полированном лезвии – надписи. На одной стороне – «Семён Игнатовъ», на другой – «1-й отдѣльный Нарочанскій батальонъ» и крестик оптического прицела на фоне пикельхельма. Семён поднимает на меня, как мне показалось, повлажневшие глаза, молчит несколько секунд, тербя ножны, затем хрипло произносит:

– Спаси тебя Бог, командир...

Сентиментальность прерывается нетерпением подрастающего поколения, которое, уже позабыв про свежеподаренные «Виктории», рвется посмотреть Семёнов клинок, клянча наперебой. Сибиряк останавливает их короткой фразой:

– А ну-ка, вьюноши, выворачивай карманы! – Затем, покопавшись у себя, достает старый затертый рубль и протягивает мне, отвечая на мое непонимание. – Примета такая, командир, нельзя ножи дарить без отдарка. Судьба порезанная будет. Возьми вот...

Сашка стремглав несется в дом, а Матюша протягивает мне позеленевший от времени медный пятак, смущенно оправдываясь:

– Нету у меня монетки более, а бумажки, небось, не считаются...

Александр-младший снова появляется среди нас и, запыхавшись в суматохе, отдает мне блестящий серебряный двугривенный, сопровождая это единственным словом:

– Вот!!!

Следом за ним, желая выяснить причину и виновника переполоха, появляется пушистая королева Муны. Оглядев присутствующих своими загадочными глазищами и не найдя ничего сверхъестественного, кошка презрительно зевает в нашу сторону, грациозно потягивается, сначала приседая на передние лапки, а потом делая спинку горбиком. После чего величаво подходит ближе, трется щекой о мой сапог, будто говоря, что признала и помнит брата по крови, и, не торопясь, уходит обратно в дом.

Глава 2

Самовар уже вовсю пыхтит, я рассказываю официальную версию последних событий на Западном фронте, ловя восторженные и уважительные взгляды мальчишек, направленные на Владимира в воротнике. Программу «Последние новости» прерывает стук калитки. И тут же следующий за ним звонкий лай Боя и радостный возглас:

– Боже!.. Денис!.. Ты приехал!..

Дашины руки уже на моей шее, подхватываю ее, и даже небольшой кругленький животик не мешает нам крепко-крепко обняться. Ну, и также крепко сделать еще кое-что... Но,

благодаря деликатному покашливанию присутствующих, вспоминаем о правилах приличия и спускаемся с небес на землю.

– Полина Артемьевна, моё почтение! Простите за неожиданный визит!..

– Здравствуйте, Денис Анатольевич! – Тёща добродушно и немного укоризненно улыбается. – Наконец-то вспомнили про семью?.. Я понимаю, что вы – человек военный, но почта же регулярно работает...

– Да, дорогой мой, ты почему не написал мне ни одного письма за последнюю неделю? – Моя ненаглядная тут же шутливо развивает тему в «винительном» падеже. – Конверты кончились или карандаш сломался?

– Ну, не совсем. Просто некогда было. Навалилась куча дел – не вздохнуть, не продохнуть. Пришлось работать по двадцать пять часов в сутки...

– Денис Анатольевич, в сутках, между прочим, двадцать четыре часа! – Александр-младший делает вид, что покупается на старый прикол и вставляет свою реплику под улыбки присутствующих.

– Да, но я вставал на час раньше! – возмущенно довожу мини-спектакль до конца. – В результате начальство заметило моё служебное рвение и...

Демонстративно поправляю воротник, чтобы дать дамам заметить некоторые изменения во внешнем виде. Пережидаю последующие восхищенные ахи и охи и на град любопытных вопросов отвечаю недоумённым встречным:

– А что, в газетах разве не писали о прорыве фронта под Барановичами?..

– Ну, что ж, давайте уже попьём чаю. – Полина Артемьевна объявляет конец пикировке и приглашает всех к столу. По пути еще раз залезаю в дорожную сумку и достаю подношения дамам. Большую коробку с шоколадом от Жоржа Бормана – тёще, двухфунтовую жестянку с самой лучшей арабикой, которую можно было достать в Минске – для моей любимой...

Посреди застольной болтовни вдруг всплывает новость, заставляющая моментально напрячься и при этом постараться не подать виду, что происходит что-то нехорошее!

– ...вчера с визитом незнакомый чиновник. Служит в Петрограде по линии Красного Креста, – персонально для меня рассказывает Полина Артемовна. – Он прибыл в Гомель со специальным поручением. Великая княжна Ольга Николаевна предлагает Даше помочь устроиться в одной из столичных клиник...

Черт побери! Петр Всеславович угадал на все сто!.. Или это – совпадение?.. Княжна типа по старой дружбе решила облагодетельствовать?.. Ну, тогда сначала или посоветовалась бы, или хотя бы поставила меня в известность... Не бывает таких совпадений!..

– ...даже написала письмо! Точнее, оно адресовано этому чиновнику, но там есть постскрипtum для Даши! Представляете, Денис Анатольевич, августейшие особы пишут нам!..

– Простите, Полина Артемьевна, а можно посмотреть на эту реликвию?

– Нет, письмо ведь адресовано Кириллу Иннокентьевичу, ну этому самому чиновнику! – Полина Артемьевна недоумённо смотрит на меня, не понимая моего любопытства.

– Скажите, а когда этот господин снова обещал зайти?

– Завтра. Сказал, что нам нужно время всё обдумать и принять решение. Был так вежлив и обходителен, чувствуется светское воспитание...

– Денис, я вижу ты, как и папа, недоволен этим предложением? – Даша вопросительно смотрит на меня. – Его я могу понять – он не хочет отправлять нас одних. А если ехать всем, придётся оставить службу. А ты почему?

– Дашенька, я – не против! – успокаиваю супругу. – Просто я приехал сюда с аналогичным предложением. Но от академика Павлова. Понятное дело, что столичные клиники – это, конечно, не земская больница, не военный госпиталь и не уровень медицины уездного города. Но ведь ты сама видела, что самое передовое оборудование и лучшие врачи – у него в институте. Тем более что в моём случае никому не придется особо жаловаться. – Достаю конверт с

письмом Ивана Петровича, адресованным тестю, и протягиваю ему. – Александр Михайлович, вам и Михаилу Семёновичу академик Павлов предлагает руководство строящимся заводом по производству... скажем так, различных механизмов, столь необходимых в наше время.

– Но... Это довольно неожиданное предложение. – Инженер достаёт письмо, пробегают по нему глазами, затем его брови удивлённо поднимаются. – Однако... Да, над этим стоит подумать, и не в одиночку. Поленька, если всё, что тут написано – правда, я думаю, что это решит все проблемы...

– Да что он такого наобещал, Саша? – Полина Артемовна теперь недоуменно смотрит на мужа. – Молочные реки и кисельные берега? Такое бывает лишь в сказках!

– Нет, сказок тут нет, но есть большой простор для деятельности. Уж не знаю, какими словами господин Павлов смог убедить джентльменов из Североамериканских Соединённых Штатов, но владельцы «Алис-Чалмерс Мотор Трак Компани» собираются открыть под Москвою, рядом с институтом дочернее отделение своей фирмы. Работа рядом с Первопрестольной, денежное содержание опять же... И, главное, – у них очень сильная инженерная школа и интересные мысли...

Насколько я в курсе, то, что инженеры у них сильные – это да. А вот насчёт мыслей... Зная нашего Павлова-Теслу, еще будем посмотреть, кто кого удивит.

* * *

Чаепитие «файв о'клок» за разговором плавно перетекает в легкий ужин. А когда порядком темнеет, перебираемся в дом. Под предлогом того, что Дашенька притомилась и хочет отдохнуть, мы уединяемся в «нашей» комнате. Заставив меня полюбоваться несколько минут вечерними пейзажами в окне, моя милая переодевается за ширмой в любимый домашний халатик и со вздохом опускается на кушетку.

– Иногда под вечер так устаю, что хочется просто лечь и лежать, – тихонько жалуется она с извиняющейся улыбкой. – Особенно, когда она начинает толкаться...

– Что значит – она?!.. – шутливо принимаю вид оскорблённого до глубины души. – Не она, а он! Потому что, как глава семьи, считаю, что первенцем у нас должен быть мальчик. И попрошу вас, сударыня, прислушаться к моему единственно правильному мнению. В конце концов, я долго и регулярно работал над этим!

Услышав эти слова, моя милая смущённо краснеет и весело хихикает в ладошку:

– Да, я помню твое лицо в эти моменты... То есть вы, милостивый государь, хотите, чтобы всё в мире совершалось по вашему желанию, а я была бы послушной рабыней и исполнительницей мужниной воли?.. Судя по твоей нахальной ухмылке, так оно и есть!.. Может быть, и правы некоторые экзальтированные особы, утверждающие, что женщины должны иметь равные с мужчинами права?..

– Ну, во-первых, насчёт желаний – не всё, но многое, так сказать, – в пределах дозволенного. Во-вторых, не надо слушать всяких там дамочек, прикрывающих свою не очень счастливую личную жизнь разными увлекательными, но вредными фантазиями. А в-третьих, подумай, как хорошо, когда сначала появляется мальчик, а потом, через годик он становится старшим братом младшей сестренке...

– Что?! Ты хочешь?!.. Да ни за что!.. Ты хоть представляешь, каково это?! Только через два-три года, и не раньше!.. Ой!.. Опять!.. – Возмущение на лице моей ненаглядной сменяется короткой гримасой боли, Дашенька прижимает руки к округлившемуся животу...

– Что случилось, моя хорошая? – Мгновенно превращаюсь из Повелителя Вселенной в слегка перепуганного будущего молодого папашу. – Тебе плохо? Принести воды?..

– Нет, не надо, все уже прошло... Снова толкался... – Даша как-то по-детски обиженно смотрит на меня. В голове всплывает то ли прочитанное в книге, то ли увиденное в кино, и очень подходящее к случаю... Аккуратно сажусь рядышком и наклоняюсь к животу.

– Сыночка, привет! Это я, твой папа. Очень прошу тебя, маленький, потерпи еще немножко. Скоро мы встретимся. А пока, пожалуйста, не делай нашей маме больно. Ей и так нелегко приходится... Вот когда появишься на свет божий, тогда и будет самое время резвиться и баловаться. Сначала ты будешь лежать в своей кроватке и проверять, что крепче – твой голос или наши нервы. Потом научишься садиться, вставать, ползать, бегать на четвереньках. А потом, когда сделаешь свой первый шаг, мы устроим бо-ольшой праздник! И у тебя будет так много красивых и интересных игрушек!.. А еще позже, когда подрастешь, я научу тебя кататься на велосипеде и играть в футбол... И мама, и я тебя очень любим и очень ждём, когда ты родишься...

Поднимаю голову и вижу Дашины глаза и улыбку. Тихонько чмокаю её в щеку и шепчу на ушко, как будто кто-то может нас подслушать:

– Вот видишь, любимая, как велика воспитательная сила отцовского слова...

Получаю в ответ шуточный подзатыльник и почётные титулы оболтуса и болтуна. Но наши семейные забавы довольно быстро подходят к концу. Дашенька действительно выглядит довольно усталой, поэтому опять смотрю в тёмное окно, пока она перебирается в кровать. А потом снова сажусь рядом и беру её прохладную ладошку в руки.

– Помнишь, я как-то рассказывал тебе сказку про Дениску-дурачка?

– Да, а чем она закончилась? – Моя рыженькая лисичка-сестричка вопросительно смотрит на меня уже немного сонными глазами.

– А тем, что царевна Даша вылечила-выпестовала его, и превратился Дениска-дурачок в Дениску-богатыря. Собрал он тогда своих дружков и предложил им силушку растить, чтобы всем богатырями стать. И стали они тренироваться и днём, и ночью. Из ружей стреляли так метко, что даже иногда в забор попадали, на котором мишени висели. Камни вместо гранат так ловко кидать научились, что в округе ни одного целого окна не осталось. Местные жители рассердились на богатырей Денисовых с ним же во главе и решили переловить их и рёбра всем пересчитать. Но дружина богатырская еще и бегать тренировалась, пытаясь по лесам за зайцами гоняться. Правда, ни одного не поймали, зайцы те кошками оказались и на деревьях прятались...

Так и унесли ноги чудо-богатыри. Долго ли, быстро ли бежали, а встретили в одном лесу старичка-лесовичка, почтальоном называемого. И поведал им тот старичок весть грустную. Мол, войной на землю русскую враг пошёл. И зовут того врага... – Зараза, кроме старого анекдота на ум ничего не приходит, хорошо, что Дашенька уже почти спит. – И зовут того врага – Чудище Поганое. И пришёл он на землю русскую с полчищами неисчислимыми. И все воины его куда ни глянут, всё вянет. Как саранча злая, идут по земле, только пепел и руины за собой оставляя. А сила их – в шапках диковинных, из кожи деланных, на соусник, вверх дном перевернутый, похожих, а поверх еще и шишак острый торчит там. И потому обладают шапки те силой колдовской, с которой никто справиться не может.

Как узнал о том Дениска, закричал громовым голосом: «А ну-ка пошли, друзья-товарищи, воевать то Чудище Поганое!» А дружки его перепугались, да и отвечают: «Ты, Дениска, как самый сильный богатырь, иди и придержи полчища вражеские, а мы тем временем за подмогой сгоняем!» И как дали стрекача, только пятки засверкали.

Порадовался Дениска, что так хорошо они бегать натренировались, да и пошёл навстречу Чудищу. Вышел в чисто поле, а там – рать вражеская, неисчислимая, от края и до края. И посередине стоит Чудище Поганое, и шапка его колдовская на солнце блестит. И хохочет над Денисом: «Вот какое войско великое на нас ополчилось! Аж целый богатырь пожаловал!»

Тут Дениска ему и говорит: «А ты не радуйся раньше времени! Вот когда победишь, тогда и будешь ржать голосом своим лошадиным!»

Пуще прежнего развеселилось Чудище и кричит в ответ:

– Да я тебя тремя щелбанами насмерть уложу и не запыхаюсь!

– А ты, как я вижу, из детских забав еще не вырос! Возвращайся домой, а то заблудишься, плакать станешь! Давай по-мужски решим. Кинем жребий, да по три удара каждый другому и влепит!

На том они и порешили и жребий кинули. И легла монетка так, что первому бить выпало Чудищу Поганому...

Всё, спит моё чудо рыжеволосое. Тихонько посапывает в подушку, только пальчики в моей руке иногда подрагивают. Но историю нужно закончить...

– ...Первый раз ударило Чудище Поганое – по колено в землю Дениска вошел. Второй раз ударило – по пояс в землю Дениска вошел. В третий раз ударило Чудище – по шею в землю Дениска вошел. Потом вылез из ямищи глубокой, испил водицы ключевой, выломал дубок десятилетний...

Первый раз ударил Дениска – стоит Чудище Поганое. Рассердился тут богатырь, размахнулся и второй раз ударил – стоит Чудище Поганое. Ну как осерчал тут Дениска, да как влупит со всей дури – стоит Чудище Поганое... Одни только уши из жо... Кх-р-гм... Одна только шапка колдовская из штанов торчит...

Глава 3

Вот теперь пора заниматься делами посерьезней устного фольклора. Тихонько, стараясь не скрипнуть половицей, выхожу и осторожно прикрываю дверь. Тестя с тёщей не видно, наверное, собрались отрабатывать команду «Отбой». Ну, и очень хорошо, пойду поищу Семёна, чтобы узнать последние неприятные новости.

Сибиряк с мальчишками сидит на лавочке возле крылечка и что-то негромко им рассказывает. Присаживаюсь рядом...

– ...С виду – увальень увальнем, а силы и быстроты в нем на десять мужиков хватит. Один раз, помню, подрядились мы с одним барином важным из Ново-Николаевска на медведя его с двумя друзьями сводить. Так оне, герои городские, не в обиду тебе, Саша, с лабаза охотиться не захотели, потребовали в тайгу их вести. Тогда мне напарник, Ивашка, и предложил, мол, есть место, где недавно Хозяин появился, давай туда. Ну, думаю, парень местный, из остяков, в тайге родился, в тайге живет, коль говорит, значицца – знает. Вот и двинули мы в те края. А я ещо барам этим говорю, мол, охотиться будем с подходу, надобно, чтоб ни шороха, ни бряка не было, уйдёт добыча-то. Они в ответ тока смеются, вот выведи, говорят, нас на выстрел, а тама посмотрим, и на ружья свои показывают. А стволы-то у них богатые были, не нашенской работы. Впрочем, мы с Ванькой думаем, помотаем их по тайге, да деньгу и срубим, уговор такой был – на зверя вывести. И вывели... Да только медведь-то, как потом оказалось, подранком был, вместо того штоб уйтить, нас услышав, петлю вокруг сделал, да сзаду и кинулся. Эти горе-охотники со своих ружей лупанули, да только целиться со страху позабыли. Так вот тут напарник мой к зверю и кинулся. Палом своим ему сначала по глазам полоснул, потом в шею вогнал, да от лапы медвежьей за кедру-то и улетел. Ну, тут уж и я подоспел, со своей тулки с двух шагов его под лопатку и жахнул.

– Дядь Сём, а что такое «пал»? – подает голос любопытный Сашка.

– А это палка недлинная, где-то чуток боле, чем аршин, а к ней такой нож большой, в локоть, приторочен. Вещь в тайге незаменимая. И тропу расчистить, и дров нарубить, и как оружие.

– Так если дрова рубить, оно же быстро сломается, – не унимается почему-то. – Лезвие-то к ручке как крепко приделано? Чтоб об поленья не сломать?

– А какие в тайге поленья? – удивляется Семён. – Там сушняк, что под ногами, и есть дрова. Это тебе не печку топить дома. А сам нож крепится очень даже крепко. В палке расщеп делается, туда хвостовик и загоняется, а перед этим на палку кожа мокрая с бычьего аль лосиного хвоста надевается. Когда высыхает, крепче железа становится.

– Но всё равно, что это за оружие, палка с ножом?

– Ты, выюнош, в тайгу еще не ходил, многого не видел. Тот же Ванька-остяк вон, когда тропу бьёт, ёлку с одного удара перерубает, а пока она до земли летит, ствол еще на пару кусков пластает. А толщины там – с пол-ладони. Вот так-то... Ладно, время позднее, шагайте-ка, соколики, спать. А я вот с Денисом Анатоличем ешо побалакаю малость.

Дожидаюсь, пока парни исчезнут за дверью, и с языка срывается очень волнующий меня вопрос:

– Ну, что, Семён, как тут дела?

– Было всё тихо, командир, да пять дён назад гостюшки незваные объявились. Самым первым – лотошник, калачами да булками торговать повадился. – Семен невесело усмехается, затем продолжает: – Товар у него стоящий, да только очень уж похожий на тот, что в булочной с два квартала отсель продаётся. Я туда сходил, похвастался, што соперник у них появился, тут хозяин мне всё и выложил, мол, лотошник этот у него и закупается. И торгует, получается, себе в убыток... И всё глазками своими колючими в сторону дома постреливает. Я Матвея стал к нему подсылать за калачами, а этот спрашивать начал, что да как. Кто живёт, что делают, ну и всё такое... А ешо офицерик драгунский, поручик, нарисовался. И барышня, вроде на швею аль на служанку похожая. И гуляет эта парочка по нескольку раз в день мимо забора. За неё не скажу, а драгун-чик – точно ряженный. На нем форма как на корове седло сидит. И точно так же глазками в сторону дома стреляют...

– А еще похожего офицера я видел на днях в компании с одной известной нам всем личностью. – Голос вышедшего на крыльцо тестя заставляет вздрогнуть от неожиданности. – Не удивляйтесь, Денис Анатолевич, Семён ввел меня в курс дела после моих настойчивых расспросов.

– Ну, так не чужой же человек, да и вцепился как клещ, – вполголоса виновато бормочет сибиряк.

– Известная личность, насколько я понимаю, это – Вольдемар?

Александр Михайлович согласно кивает головой и продолжает:

– И ведёт он себя довольно странно. То чуть ли не отворачивался при встрече, а тут такой вежливый стал, делами интересуется, Дашиным здоровьем... когда вы появитесь, спрашивал. И видели мы его, когда гуляли в парке, пару раз с каким-то офицером и барышней, похожей на белошвейку. В летнем кафе...

– Так, понятно. Наверное, зря я его тогда пожалел...

– Нет, Денис Анатолевич, не зря. Гомель – городок небольшой, а этот тип довольно популярен среди местного бомонда. В первую очередь как организатор взаимовыгодных дел... Скажите мне, дорогой зять, почему вдруг такая шумиха вокруг вас? Кому-то перешли дорогу?

– И да, и нет. Кое-кому очень хочется, чтобы я был игрушкой в его руках.

– Но зачем? И кому?

– Затем, что, имея в распоряжении мой батальон и его командира в качестве послушного исполнителя, можно таких дров наломать... А что касается «кому?», имя Александр Иванович Гучков вам о чем-нибудь говорит?

– Однако!.. – Тесть не скрывает своего удивления. – Высоко взлетели, Денис Анатолевич... И что собираетесь теперь делать?

– Как уже говорил, отправить вас всех в безопасное место.

– К академику Павлову в его институт? Думаете, такая всемогущая фигура, как Гучков, не сможет туда дотянуться? Сомнительно...

– Александр Михайлович, прошу поверить мне на слово, эта всемогущая фигура и его люди могут появиться в институте только в качестве безнадёжных пациентов.

– Что, даже с полицией или там еще с кем-то не смогут сделать так, как захотят? – Тестю всё еще не верится в сказанное.

– Да хоть с кем... – улыбается молчавший до сих пор Семён. – Поедут... И не доедут. Я там был – места глухие, леса дремучие. Утянут их лешие с кикиморами к себе в чащобу, и поминай как звали...

Ну да, ну да, особенно, если лешие будут в лохматках, а в руках – «оборотни» с люгерами. Наприме...

– Ну, хорошо. – Инженер оставляет планы на будущее в покое. – А сейчас что будем делать? Может, вы просто заберёте Дашу с собой и немедленно уедете?

– Александр Михайлович, я заберу и Дашу, и всех вас. Но мне нужен этот Кирилл Иннокентьевич. С ним тоже хотят пообщаться... некие достаточно могущественные персоны. И, поверьте, это не есть цель моего приезда – ловить кого-то, используя близких мне людей как приманку. Просто совпало одно к одному.

– ...Хорошо, я вам верю. Как чувствовал, отпросился на завтра со службы. И Мишу попросил... Что думаете делать?

– С утра встречу на вокзале друзей, постараюсь узнать, где этот чинуша обитает... И, возможно, нанесём ему визит. Хотя эта мышинная возня вокруг дома мне очень не нравится.

– Так, может, дождаться его здесь? Он обещался быть завтра, чтобы получить ответ. – Тесть вопросительно смотрит на меня. – Нас будет пять... шесть вооруженных мужчин, не думаю, что он решится на что-то этакое.

– А как объяснить всё нашим дамам? – Честно говоря, этот вопрос волнует меня больше всего.

– Полина Артемьевна уже в курсе всех дел. А что сказать Даше?... Вам решать. Я думаю, что правду, Денис Анатольевич...

Глава 4

На вокзал я приехал заранее и, пока поезд не пришёл, заглянул в одно местечко. Жандармским отделением называемое. Как-никак, помимо всего прочего выполняли господа функции комендатуры, и надо было «встать на учёт». Дежуривший там корнет, индифферентно задав несколько вопросов и сделав у себя в grossбухе соответствующие записи, сообщает, что более господина капитана задерживать и тратить драгоценные секунды его отпуска не осмеливается, и тут же отпрашивается у сидевшего за соседним столом поручика отлучиться на несколько минут, типа за папиросами. Тот, абсолютно случайно показав пальцем на приоткрытую дверь в кабинет начальника, заговорщицки мне подмигивает и отпускает подчинённого. Отойдя сотню метров в сторону мастерских, сворачиваю в неприметный закуток между складами и дожидаюсь вышеупомянутого корнета Мишеньку Каменского, знакомого еще с «курсов повышения квалификации» на базе.

– Здравствуйте, Денис Анатольевич. Мои поздравления, – корнет кивает на новенький орден.

– Доброго утра вам, Михаил Павлович. Спасибо. Чем порадуете?

– Интересующее вас лицо прибыло три дня назад, остановилось в «Савое», вчера согласно полученным из столицы инструкциям ему незамедлительно предоставлено в распоряжение купе первого класса на сегодняшний поезд до Петрограда. На три часа пополудни. В городе данный господин встречался с несколькими местными представителями Земгора и при-

бывшим незадолго до него поручиком Овсиевским, личность которого, честно говоря, вызывает подозрения. Кавалерийский офицер, спотыкающийся о свои ножны, – это нонсенс, но документы в порядке... Чем мы можем еще быть вам полезны?

– Мне нужно, чтобы кто-нибудь на всякий случай в районе часов двух был недалеко от дома инженера Филатова. Повторюсь – недалеко и незаметно. Остальное сделаем своими силами. Утренний поезд, если не ошибаюсь, прибудет минут через десять?

– Да. Если не секрет, кого встречаете? – Юношу разбирает любопытство, но, заметив мою улыбку, пытается отмазаться по-взрослому: – Спрашиваю исключительно в интересах дела.

– Хорошо, исключительно в интересах дела сообщаю, что прибывают штаб-ротмистр Дольский и, если мне не изменяет память, ваш бывший инструктор по рукопашному бою.

– Михалыч?!

– Именно так. Хорунжий Митяев. Всё, прошу простить, Михаил Павлович, мне пора. Передайте мое почтение поручику Незнамову...

* * *

Даша очень обрадовалась приезду старых друзей, но причина их появления несколько сбавила накал эмоций...

– Денис, что за глупый розыгрыш?! Этого не может быть!.. – Моя ненаглядная с явным недоверием смотрит на меня.

– Любимая, это – не розыгрыш. Сейчас некоторым господам очень нужно, чтобы я плясал под их дудку.

– ...А ты сам под чью хочешь плясать?

– Императора, великой княжны Ольги, великого князя Михаила... и генерала Келлера. Хотя с ним мы, скорее, коллеги.

– Но почему? Почему именно ты?

– Дашенька, ты помнишь, что я тебе рассказывал... о будущем? Хотя сейчас всё уже несколько по-другому, главные фигуранты остались те же. В тот раз генерал Иванов не дошёл до Питера. А мы не только дойдём, но и наведём там порядок. Такой, что никакой революции никому больше не захочется. Точнее, не революции, а переворота. И тот же Гучков, будь он неладен, прекрасно это понимая, хочет если не переманить меня на свою сторону, то хотя бы обезвредить.

– Денис, я тебе верю, но... Всё это так странно... Предложение великой княжны, чиновник этот...

– Тебе знаком почерк Ольги Николаевны? И мне – нет. Бумага всё стерпит. Главное – выманить тебя из дома. Не буду говорить как, но я узнал, что на сегодня у него заказано купе. Значит, он не остановится ни перед чем, чтобы посадить тебя на поезд. А там ты уже ничего не сможешь сделать... Я вижу, что ты всё еще мне не веришь. Давай сделаем так... Мы спрячемся и будем наготове. Если после отказа он распрощается и уйдёт, я ничего не буду предпринимать. И никто ничего не узнает...

* * *

Как медленно тянется время!.. Гостиная напоминает какой-то кружок по интересам, только интересы у каждого свои. Полина Артемьевна с Дашенькой сидят у стола и что-то шьют, скорее всего, всякие пеленки-распашонки и прочее приданое малышу. Тесть с Михаилом Семеновичем изображают роденовских мыслителей возле шахматной доски, причем делают это настолько талантливо, что еле удерживаюсь, чтобы вслух не процитировать классическое «Лошадью ходи, век воли не видать!». Михалыч устроился на стуле у входа, чтобы недалеко

было до его места дислокации – чуланчика возле входной двери, и тихонько выглаживает лезвие своей любимицы Гурды. Нашим батальонным изобретением, аналогом пасты ГОИ, нанесённым на деревянный брусочек. Я как-то вспомнил про чудодейственные свойства окиси хрома, а дальше Макс Горовский немного поколдовал с мылом, стеарином и керосином, в результате чего возникла еще одна традиция – бриться исключительно хорошо отполированными «оборотнями». Больше всего шума создает Анатолий, задумчиво, со скоростью ленивого метронома, выщелкивающий патроны из магазина «беты» и потом снаряжающий их обратно. И я сам, то в очередной раз проверяющий свой люгер, то, как идиот, вышагивающий по комнате взад-вперед, обдумывая возможные варианты событий. Точный состав «группы поддержки» у питерского гостя неизвестен, так же как и уровень подготовки. Но вряд ли они сразу перейдут к силовому варианту. Значит, здесь работать будем мы с Анатолием, а Михалыч и Семён, занявший свою любимую скамейку с лежащим под полотенцем пэпэшником, займутся желающими помочь господину чиновнику. Александр Михайлович с «дядей Мишей» с волчьей картечью в своих любимых охотничьих ружьях играют роль оперативного резерва. Остается одно слабое звено – как поведут себя в этой ситуации дамы, которым надо еще раз напомнить...

– Даша, ты же помнишь, когда он приедет, нужно будет стоять вот здесь, чтобы...

– Дорогой мой, закон сохранения в этом случае не работает. – Моя милая с удовольствием наблюдает за моим тормознутым выражением лица, затем снисходит до объяснения: – Денис, то, что у меня немного прибавилось... на талии, вовсе не означает, что убавилось в голове и я резко поглупела. Ты уже третий раз пытаешься меня с мамой, как вы там у себя в батальоне говорите... заинструментировать до бесчувствия. Успокойся, я всё помню!

– Попрошу мальчишек растопить самовар, – теща приходит мне на помощь. – Попьем все чаю и успокоимся. А то, действительно, атмосфера какая-то нервная.

– Ага, вон и свежие калачи подоспели, – подает голос Михалыч. – Вон он... ходит уже...

На улице действительно появляется первая ласточка – липовый лотошник. Типа на разводку вышел, сволочь. Значит, скоро начнется какая-то активность...

Глава 5

Активность начинается немного не так, как предполагалось. В калитку стучится какой-то работяга-путеец, мы тут же разлетаемся по местам, и я слышу через не до конца закрытую дверь интересный разговор:

– Михаил Семенович, и вы тут? От здорово! Я ж до вас обоих послан. Аляксандр Антонович до вас послали, срочно на службу требуют.

– Хорошо, братец, беги обратно...

– Интересно, зачем именно сейчас мы Униговскому понадобились, а, Саша? – многозначительно басит Михаил Семенович, еле дождавшись, когда за посыльным хлопнет дверь. – Ведь знает же, что...

– Миша, ты же знаешь его. – Тесть в раздумье потирает подбородок. – Может, не пойдем никуда?

– Нет, Александр Михайлович, надо идти. За домом наблюдают, если вы останетесь, поймут, что что-то не так, – пытаюсь объяснить простейшие вещи взрослым людям. Мандраж от ожидания прошел, настало время действовать.

Минут через пять приходится еще раз прятаться, причем делаю это с большим трудом, уж больно хочется с человечком пообщаться. С Вольдемаром, бл... Аристарховичем, который, коlobком выскочив из пролётки, несётся в дом.

– Здравствуйте, господа! Полина Артемьевна, Дарья Александровна, моё почтение! Как хорошо, что я вас застал! – Вежливые фразы сыплются горохом. – Очень срочное дело! А вас,

как назло, нет! Очень важный заказ для армии! Откладывать невозможно! Я – на извозчике, сразу за вами!..

Час пополудни, то бишь тринадцать ноль-ноль. Народу на улице прибавляется. Кроме «лотошника», решившего отдохнуть на завалинке напротив, пару раз мимо продефилировал «кавалерист» с «белошвейкой»... Мальчишки, введенные в курс дела, со своих наблюдательных пунктов через дырки в заборе рассмотрели еще несколько непонятных организмов – двух студентов и какого-то работягу, которые стояли поодаль, чтобы их не было заметно из дома, и в ожидании чего-то дымили папиросами. «Статисты» на месте, шесть человек...

Подъехавший извозчик заставляет нас снова бесшумно разлететься на исходные. Михайлч одним кошачьим движением исчезает в коридоре, Анатолий прячется за дверь в родительской комнате, я делаю то же самое в нашей...

– Здравствуйте, сударыни! – раздается незнакомый голос.

Перемещаюсь немного влево, чтобы в узенькую щелку наблюдать за происходящим. В гостиной появляется импозантный дяденька в новеньком френче. На холеном лице всеми цветами радуги нарисованы радость от встречи и почти неподдельное удивление.

– Вы еще не собрались?! Как же так?!.. Милые мои, нам нужно поторопиться, скоро поезд!

– Простите, Кирилл Иннокентьевич, но в прошлый раз вы сказали, что даёте нам время подумать... – пытается возразить ошеломленная таким напором Полина Артемьевна. – Мы еще не дали вам ответа...

– Ах, боже мой, боже мой, какая очаровательная провинциальность! Неужели вы не понимаете, что от предложений, исходящих от августейших особ, нельзя отказываться? В столице, например, такой отказ означал бы намерение обидеть члена Царствующего дома... Слава богу, я на всякий случай приехал с Надеждой Ильиничной. Она поможет вам собраться! – Кирюха показывает на стоящую рядом невзрачную дамочку в костюме сестры милосердия. – Давайте же поторопимся!..

– Простите, сударь, но моя дочь никуда не поедет! – теща добавляет твёрдости в голос.

– Я хотел бы услышать это из уст самой Дарьи Александровны. – Медовое выражение сползает с лица чинуши, его глазки становятся колючими.

– Я никуда с вами не поеду, Кирилл Иннокентьевич! – Дашенька делает маленький шагок назад, становясь точно туда, куда я показывал.

– Боюсь, вы не оставляете мне выбора, сударыни. – «Чиновник по особым» опускает правую руку в карман кителя, затем в ней появляется что-то металлическое...

Вперед!.. Дверь ляпает о стену, два шага, Даша уже за моей спиной, люгер смотрит противнику прямо в лицо.

– Замри, тварь! Не двигаться!..

Почти одновременно со мной появляется Анатолий и тоже целится «в тыковку».

– Медленно, без резких движений достал руку! И – только дернись!..

На чиновничьей мордочке написана полная гамма чувств от досады до ненависти, но он послушно вытягивает из кармана небольшой браунинг.

– Оружие – на стол! Шаг назад!

Первая команда выполнена, но отойти он не успевает.

– Там ещё!.. – В комнату влетает Сашка... И не успевает договорить до конца! Спутница чиновника хватается парнишку за волосы, дёргает на себя, прикрываясь им, в правой руке у нее появляется небольшой, но, похоже, острый клинок, который тут же прижимается к шее заложника.

– Что, взяли?! – злобно орет «сестра милосердия». – Бросьте оружие!

– Саша! – в отчаянии кричит Полина Артемьевна, Даша, бледная, как полотно, хватается за косяк, чтобы не упасть...

Анатолий опускает ствол, не собираясь, между тем его бросать куда-то, на прицеле теперь колено. Следуя его примеру... И смотрю в Сашкины глаза. Там помимо страха плещется еще что-то непонятное... Меня, как током, пробивает догадка!.. Семен учил их этому приему! Но одно дело – безобидная возня с Матвеем, когда в руках деревяшка, и совсем другое – когда кожу холодит наточенное железо...

– Я же говорила, что надо было с самого начала так поступить! – дамочка презрительно кидает фразу Кирюхе. Я стою в шаге от неё, но ничего сделать пока не могу. Остается ждать!.. Чиновник, торжествующе улыбаясь, уже тянется к пистолету на столе... «Сестра» на секунду отворачивается в сторону открытого окна, издавая громкий свист... Из всех сил мысленно кричу Сашке «Давай!». Даже если уберёт шею на сантиметр от ножа, мне будет достаточно!..

Парень решается, бодает тётку затылком, одновременно его рука идет вверх, захватывает кисть с ножом у основания большого пальца и скручивает её вниз по своему телу, разворачиваясь корпусом по часовой стрелке. Но из-за разницы в массогабаритах ему не удаётся удержать захват... Впрочем, это и необязательно. «Сестра», еще толком ничего не поняв, приземляется на пол...

Шаг левой на руку с ножом, даже через подошву ощущаю, как хрустят фаланги, быстрый присед, рукоятка пистолета безошибочно находит нужную точку за ухом, прерывая вопль боли. Не вставая, разворачиваюсь на колене в сторону чинуши.

– С-с-с-тоять, с-с-с-...!.. – мой голос похож на змеиное шипение.

Кирюха быстро отдергивает руку от скатерти и замирает.

– На колени! Руки за голову!

Подскакиваю к нему и пробиваю с левой в солнечное сплетение. Анатолий одновременно со своей стороны пинком в колено заставляет тушку рухнуть вниз. Сквозь раскрытое окно во дворе слышны какие-то крики, затем бабахает два выстрела. Тело думает быстрее мозга, щучкой ухожу в окно, слыша сзади крик Дольского: «Держу!» Приземление, кувырок, возле калитки вижу шевелящихся на земле Семёна и Матюшу, а рядом с ними – валяющихся «кавалериста» с «лотошником». Еще вижу чью-то стоящую в калитке тушку, которая поднимает руку и начинает стрелять. В то место, где я был только секунду назад. Люгер отвечает тремя выстрелами, тушка падает, но за ней рисуется еще одна. Кувырок вправо, выстрелы, снова кувырок, опять жму на спусковой крючок. Еще один противник приземляется, но в последний раз курок сухо щелкает... С другой стороны забора слышен топот, кто-то спешит нападающим на помощь... Или на свои похороны...

Хватаю «бету», так и оставшуюся лежать на скамейке, и, перепрыгнув через трупы, выскакиваю из калитки на улицу. Справа на меня несутся человек пять, причем, что характерно, все со стволами и вполне понятными намерениями. Дистанция – десять-двенадцать метров, мои отработанные рефлексy помогают действовать мгновенно. На колено, длинная – во весь магазин – очередь веером, промахнуться очень трудно... Тушки только успевают упасть на землю, как из-за старой липы грохочут новые выстрелы. Да, бл... сколько вас тут?!..

Фонтанчики песка поднимаются почти у самых ног, опять ухожу в кувырок, стараясь упасть за трупами и выиграть пару секунд для перезарядки... Кнопка, магазин из горловины, перевернуть, вставить, затвор на себя... Хорошо, что спарку зарядили. Из-за забора доносится короткий свист: «Все в порядке», я встаю и, держа ПП наготове, иду вдоль забора, предварительно чирикнув в ответ «Свои». За деревом Михалыч уже обтирает клинок Гурды лоскутом, оторванным от юбки «белошвейки». Сама она лежит в расползающейся по земле луже крови из рассеченного горла. Рядом лежит пистолет, из которого меня чуть не убили. Нагибаюсь и поднимаю теперь уже митяевский трофей. Интересный такой пистолетик, как раз для скрытого ношения, но далеко не во всякой дамской сумочке и не на всякого любителя. Во всяком случае, не для женских рук. Кольт 1903, калибр 0.32, или по-нашенски 7,65 ммэ...

Глава 6

Сзади слышится топот бегущих людей, оборачиваюсь, одновременно поднимая ствол, но вовремя узнаю корнета Каменского и поручика Незнамова, возглавляющего табунок нижних чинов. Одышка от бега и курения не мешает последним быстро организовать наведение порядка.

– Денис Анатольевич... все в порядке? – запыхавшись на бегу, спрашивает Незнамов.

– С этими – уже да, но у нас, похоже, Семёна зацепило, сейчас посмотрим...

Захожу во двор, и на сердце легчает. Сразу по двум причинам... Семён в промокшей кровью на правом боку гимнастерке сидит, прислонившись к калиточному столбику, придерживая за плечи Матвея, которому Даша бинтует окровавленную голову. Подняв голову, моя ненаглядная спокойным и не терпящим никаких возражений голосом командует:

– Обоих следует отправить в госпиталь. Матюше необходимо зашить рану на голове, у Семена Ивановича – перелом рёбер, возможно, оскольчатый...

– Я двоих ножами положил... – сибиряку трудно дышать, да и говорит он через силу, морщась от боли. – А третий стрелять начал. Сперва увернулся, пуля по рёбрам чиркнула, а потом Матвей из кустов ему под ноги бросился, прицел сбил... Ну, он мальчонку рукояткой по голове... А там и ты, командир, вылетел...

– Денис, найди извозчика, нужно срочно ехать... Что ты стоишь столбом, у меня всё хорошо, а им нужна помощь!.. – Даша напоминает, кто сейчас главный во дворе... М-да, наверное, «медик» – это не профессия, а диагноз. Я думал, без всяких нюхательных солей с обмороками и истериками не обойдемся, а тут вон раскомандовалась... Лисичка-медсестричка моя любимая!..

– У нас через улицу фургон стоит, за ним уже послали, – пытается отмазать меня поручик. – И за дорогами тоже. Хорошо стреляете, Денис Анатольевич. На всю компанию только двое раненых, да и то неизвестно, выживут ли. И кого нам теперь допрашивать?

– Илья Иванович, не надо никого допрашивать. Когда начнут искать чиновника, я думаю, должны найтись свидетели, которые подтвердят, что тот, как ни в чём не бывало, вовремя сел на поезд в сопровождении двух дам и офицера. А вот что не доехал, так тут уж ничего не попишешь. Может быть, вышел на какой-нибудь станции покурить да и отстал от поезда. Без денег и документов. Всякое ж может случиться. А этих... неудачливых налетчиков-грабителей-уголовников никто и искать не будет.

– Насчет грабителей – мысль неплохая. – Поручик раздумывает недолго. – Вполне сойдет для официальной версии. А проходившие мимо господ офицеры, движимые чувством долга, помогли отбиться... А мы еще и вторую версию запустим, в виде сплетни. Мол, в мастерских новое оружие для армии делают, а германские шпионы хотели захватить этот секрет...

Подъехавший фургон приостанавливает творческий полет мысли. Осторожно грузим Семена с тугой повязкой на груди и Матвея на наспех подостланные одеяла, чтобы не так трясло. Корнет Каменский садится рядом с возницей, который тихонько трогает лошадей. А мы возвращаемся в дом, где Анатолий, наверное, уже успел заскучать. Как оказалось, он не терял времени. В комнате на полу лежит еще не пришедшая в сознание «медсестра», руки и ноги которой, тем не менее, крепко стянуты плечевыми ремнями портупей, еще недавно красовавшейся на чинуше, согласно последней тыловой моде. Переломанную руку Дольский, правда, пожалел и стянул за спиной локти так, что дамочку аж выгнуло вперед. Сам Ки-рюха валяется рядом примерно в такой же позе, а господин штаб-ротмистр пытается вести светскую беседу с Полиной Артемьевной и уже пришедшим в себя Сашкой. Дашенька сразу бросается к маме, начинаются взволнованные женские воркования, а мы тем временем начинаем изучать свою добычу. С содержимого карманов, которое лежит аккуратной кучкой на столе. Так, пистоле-

тик мы уже видели, Баярд 1908. Маленькая, но достаточно серьезная игрушка калибра 7,65... Дальше... Портмоне... А это, наверное, то самое письмо! Пахнет «Букетом императрицы». Но это еще ни о чем не говорит... Так... Это типа преамбула, оказать всяческое содействие... М-да, топорно как-то... Ага, вот!.. «Милейшая Дарья Александровна... Бла-бла-бла... Будучи шефом батальона, которым командует Ваш супруг... Считаю своим долгом... Учитывая, сколь многим ему обязана... Ля-ля-тополя... В одной из акушерских клиник Петрограда...» И подпись – «В. Кн. О.Н.». Хорошо придумали, учитывая, что почерк отправителя вряд ли известен адресату! С этим мы позже разберёмся, а пока смотрим «улов» дальше... Серебряный портсигар с элегантной забургной зажигалкой... Пижон дядя, однако... Ключики какие-то... Блокнот, его – к письму... Ага, а вот и интересная коробочка. С не менее интересными пилюльками – «люминал» называются...

С помощью Михалыча привожу пленного в вертикальное положение. А, вот почему он молчал как рыба об лед! Носовой платок в качестве кляпа... А глазки-то сверкают! Прямо новогодняя иллюминация!.. Вытаскиваю затычку, дяденька несколько раз двигает челюстью вправо-влево, разминая затекшие мимические мышцы, затем начинается вполне ожидаемый спектакль:

– Что вы себе позволяете?! Я требую, чтобы меня немедленно развязали! Извольте обращаться со мной в соответствии с чином!.. У-у-й-ф-ф...

Гневная тирада прерывается тычком под дых от меня и «лещом» в Гришином исполнении.

– Слушать будешь, или добавить?.. Значит, так... Кирилл Иннокентьевич, правила игры следующие: я спрашиваю, ты – отвечаешь. Негромко, и, самое главное, правдиво, как на исповеди... Вопрос первый: зачем таблетки?

– Это – снотворное... плохо сплю по ноча-а-м-у-й-й!..

– Отныне врать – это больно. Повторяю вопрос: кому предназначались таблетки?

– ...Вашей... супруге... Чтобы в поезде...

– Денис! Остановись! – Дашин голос приводит в чувство. – Это же простое снотворное.

– Нет, эти таблетки нельзя принимать в твоём положении, с ребёнком может случиться непоправимое.

Даша взглядом спрашивает, откуда я это знаю, но потом слегка бледнеет от пришедшего понимания. Но остановиться действительно надо. Не устраивать же экспресс-потрошение на глазах у нее и тещи...

– Ладно, еще два вопроса... Твои дальнейшие действия, если всё бы удалось?

– ...Сегодняшним поездом убыть вместе с... Телеграмму об этом я уже отправил. – Кирюха пытается выпрямиться и придать себе более важный вид. – Меня будут разыскивать... Вы еще не поняли, с кем связались!..

– Об этом ты мне расскажешь завтра. В более подходящей обстановке... Второй вопрос: какова роль Вольдемара Аристарховича? – Хоть и знаю, но хочется получить подтверждение своим догадкам. – Когда и где вы должны встретиться?.. Ты ведь должен оплатить его услуги?..

– Он помогал собирать информацию... И увести из дома господина инженера...

– А ответ на первый вопрос?

– Он... Уже получил всю сумму...

– И что же, вот так, без расписки, просто отдали деньги? А если бы он решил смухлевать?

– В отличие от вас, он прекрасно представляет, какие люди стоят за мной. – Чинуша пытается изобразить величавый вид, но пока что у него это плохо получается.

– Денис, что мы теперь будем делать? – Даша испытующе смотрит на меня, ожидая ответа.

– Все вместе поедem в гости к дяде Паше и тётке Маше, – приходится переходить на эзопов язык, но, слава богу, меня сразу понимают. – А там – разберемся. Вы пока с Полиной Артемьевной собирайтесь, а мне надо сделать еще одно дело...

Глава 7

Уже немолодой, лет за сорок, полноватый человек впервые в жизни не знал, что делать, и поэтому пребывал в полнейшей растерянности. За свою достаточно долгую и насыщенную карьеру он не раз попадал в щекотливые ситуации и всегда выходил из них победителем, но на этот раз что-то пошло не так. Человек встал и, шаркая спадающими из-за отсутствия шнурков ботинками, еще раз обошёл в кромешной темноте маленькое помещение, ощупывая руками холодные влажноватые бревна. Делал он это не в первый раз, скорее желая отвлечься от неприятных мыслей, нежели снова пытаясь позвать кого-то через запертую дверь, набранную из двухдюймовых досок, скреплённых большими болтами. Оставив через некоторое время своё бессмысленное занятие, он так же на ощупь вернулся на место – грубо сколоченный из неструганных досок топчан, на свалывшийся, пахнущий плесенью и прелым сеном матрас.

С юных лет Кирилл Иннокентьевич, тогда еще просто Кирюша, и в гимназии, и позже, в университете, обнаружил у себя практически звериное чутье и завидную интуицию, безошибочно определяя в спорных ситуациях сильнейшего и вовремя примыкая к побеждающей стороне. Что далеко не в последнюю очередь послужило залогом его если и не головокружительной, то, во всяком случае, очень удачной карьеры.

За последнее время Кирилл Иннокентьевич уже по привычке к тому, что, являясь незаменимым помощником столь могущественного человека, как Александр Иванович Гучков, и выполняя его не подлежащие широкому оглашению, деликатные «особые поручения», является проводником его воли, его глазами, ушами, а иногда и карающей десницей. И его уже не удивляло и не шокировало, а лишь немного забавляло то, что даже некоторые аристократические дамы были готовы на очень многое, чтобы заслужить его благосклонность, а на лицах вальжных сановников появлялось наигранное дружелюбно-лебезящее выражение при его появлении. Иногда ему даже казалось, что сам патрон прислушивается к его советам, многие из которых, само собой, были дельными и единственно правильными в сложившихся ситуациях. Вплоть до последней...

Когда Александр Иванович поручил ему собрать всю информацию о семье некоего капитана Гурова, Кирилл Иннокентьевич справился довольно быстро, используя многочисленные связи в отделениях Земгора, Красного Креста и иных организациях. И незамедлительно доложил обо всем, включая и «интересное» положение супруги капитана, что вроде бы усложняло предстоящие действия, но затем, следуя внезапному озарению, предложил план действий, показавшийся очень удачным и заслуживший одобрение благодетеля. И даже сам взялся осуществить задуманное. Александр Иванович внёс некоторые коррективы и обеспечил группой боевиков с помощью князя Урусова, с которым был в очень хороших отношениях.

Всё шло как и задумывалось, и даже когда этот капитанишка выскочил как чёртик из табакерки и Кириллу Иннокентьевичу пришлось претерпеть некоторые физические неудобства и немного отойти от первоначального плана, он не слишком огорчился. В его практике уже было несколько моментов, когда оппоненты точно так же горячились. Но ровно до того момента, пока не узнавали, чьи именно поручения он выполняет, а услышав магическое имя, сдувались, как лопнувшие мыльные пузыри, и победа всегда была на его стороне.

Но в этот раз такого не произошло. Кирилл Иннокентьевич спокойно позволил посадить себя в поезд, рассчитывая в душе лицезреть удивление Александра Ивановича, когда он доложит, что привёз не только супругу героя, но и его самого, готового к спокойному разговору и сотрудничеству.

Однако Гуров отреагировал на новость совсем не так, как хотелось бы. Фамилия Гучкова не произвела на него абсолютно никакого впечатления. Он индифферентно предложил помолчать, обещая, что времени для подробного разговора впереди будет еще предостаточно,

и заставил выпить таблетку люминала. Дальнейшее Кирилл Иннокентьевич помнил с трудом. Рано утром они сошли на какой-то станции и сели в две окрашенные в зелёный, защитный цвет пролётки, где ему тут же надели на голову плотный мешок и связали руки...

* * *

Размышления прервал невнятный шум снаружи и последовавший за ним скрежет ключа в замочной скважине. Свет керосиновой лампы после полной темноты показался ослепительно ярким, и Кирилл Иннокентьевич невольно прикрыл глаза рукой.

– Ну что ж, господин хороший, вы еще в поезде хотели побеседовать, теперь у меня есть немного свободного времени, – в комнатке раздается вежливо-насмешливый голос Гурова. – Так о чем вы хотели поболтать?

– Господин капитан! – Нервное напряжение Кирилла Иннокентьевича вылилось в истеричном крике. – Вы отдаёт себе отчёт?! По какому, чёрт возьми, праву вы со мной так обращаетесь?! В конце концов, это неслыханно! Это возмутительно!.. Это...

– Поберегите свой ораторский талант для другого случая, милейший, – в голосе капитана теперь слышится лязг металла. – Насчёт своих прав будете шуметь в другом месте и в другое время... Если, конечно, доживёте до этого момента.

Последние слова заставили Кирилла Иннокентьевича замолкнуть на полуслове. Точнее, даже не слова и даже не тон, которым они были произнесены, а взгляд, в котором светилась холодная ярость. Та, которая не затмевает разум, а наоборот, придаёт ему силы и решимость, делает мысли чёткими и ясными.

– Вы назвали моим близким Кириллом Иннокентьевичем, – Гуров продолжает говорить уже спокойным, размеренным тоном. – Мне всё равно, настоящее это имя или вымышленное. Для простоты я буду называть вас так. А говорить мы будем о другом. Точнее, я буду задавать вопросы, а вы – давать на них ясные и чёткие ответы.

– На что вы надеетесь, Денис Анатольевич? – К Кириллу Иннокентьевичу потихоньку стала возвращаться уверенность в себе. – Вы же понимаете, что меня будут искать. Очень тщательно и со всем рвением...

– Вы полагаете, что господин Гучков ночами спать не будет, гадая, куда же подевался его чиновник по особым поручениям?

– Да, он приложит все силы, чтобы найти меня... Честно говоря, я не понимаю, почему вы ему оппонируете? Еще год назад вы были одним из многих тысяч прапорщиков. Волею случая вам удалось вознестись довольно высоко, найти сильных покровителей. Почему бы не занять еще одного? Александр Иванович обладает очень большой властью и практически неограниченными возможностями. Вы не пожалеете.

– Оставим мои симпатии и антипатии в покое. Я знаю о данном господине много такого, что не заставит меня даже считать его приличным человеком... Чему вы удивляетесь? Он в открытую называет себя личным врагом государя, которому я присягал. Перефразирую старую восточную поговорку: «Враг моего сюзерена – мой враг». Он распространял неизвестно откуда взятые письма великих княжон к Распутину с целью дискредитации императорской семьи. А ведь великая княжна Ольга Николаевна является шефом моего батальона. Ну, и так далее...

Что же касается вас – не обольщайтесь. Гучкову вы безразличны. Он будет искать не вас, а информацию, чем закончилось его последнее поручение, и думать, всплывут ли тёмные делишки, которые вы проворачивали для него. Да и найти ему вас будет очень трудно... Можете считать, что вас уже не существует. Вы бесследно растворились на бескрайних просторах нашей великой империи. Великой в географическом смысле. Так что давайте, закончив сей беспредметный разговор, перейдём к более конкретным вопросам.

– Вы держите меня как узника, причём совершенно незаконно! И я отказываюсь отвечать на любые вопросы!

– Вы так ничего и не поняли, – в голосе капитана снова зазвучал металл. – У меня достаточно способов заставить вас говорить.

– Будете пытаться беспомощного человека? – Кирилл Иннокентьевич всё же позволил себе рискнуть и добавить немного сарказма.

– Нет, никто не будет жечь вас калёным железом, бить кнутом, распинать на дыбе. – Гуров холодно и язвительно улыбнулся. – Я поступлю проще. Вас отведут в лес и привяжут на сутки к дереву... Раздетого... У вас будет время о многом поразмыслить, пока над телом будут издеваться комары и пробовать на зубок всякая лесная живность. Волков вроде рядом с городом не замечено, но за лис и других кусачих тварей не поручусь. Представьте, как они будут вами лакомиться, а вы не сможете даже закричать из-за кляпа... Через двадцать четыре часа я приду, и мы продолжим разговор. А если – нет, будут еще сутки на размышление.

С детства воспитывавшийся в столице, Кирилл Иннокентьевич знал о лесе и его обитателях только из рассказов бонны и гувернантки, поэтому после услышанного окончательно сомнамбуля, только на секунду представив себя в подобной обстановке и притом поняв по голосу, что Гуров вовсе не шутит и способен воплотить сказанное в жизнь.

– Итак, вижу, что мои доводы оказались убедительными. – От капитана не укрылась перемена в собеседнике. – Вопрос первый... Куда вы должны были отвезти мою супругу?

– ...В Москве при Екатерининской больнице есть психиатрическая клиника господина Баженова. Александр Ив... Господин Гучков договорился с Гиляровским, который сейчас ведаёт там делами. Тот собирался поставить диагноз, что-то вроде предродового психоза, и обещал надлежащий уход и очень приличное содержание пациентки... – Кирилл Иннокентьевич понял, что, сказав первую фразу, он уже не сможет остановиться... Ну что ж, в конце концов, он всегда умел вовремя примкнуть к сильнейшему... Правда, в этот раз чуть не опоздал...

Глава 8

Отпуск вместо очень короткого, тихого отдыха в кругу семьи принёс очень много проблем и хлопот, которые приходилось решать в режиме ошпаренной кошки. Оставив Дашу на базе, метнулся обратно в Гомель, забрал всех остальных, включая Семёна с Матюшей, и – снова в Минск. Пока шли сборы, удалось еще раз встретиться с поручиком Незнамовым и корнетом Каменским, которые подарили на память номер «Гомельской копейки», где между объявлением о приезде в город цирка-шапито и сообщением о предстоящих концертах известного оркестра господина Яблонского в Максимовском парке, среди других новостей криминальной жизни красовалась заметка в стиле «пошли по шерсть, вернулись обритыми». Красочно, но без лишних подробностей сообщалось, что заезжие «гастролеры»-налётчики среди бела дня решили маленько пограбить дом инженера Филатова, пользуясь тем, что последний находился на службе, но по несчастливому для них совпадению именно в это время приехал на побывку зять инженера, офицер-фронтовик, да еще с парой близких друзей, которые, ничтоже сумняшеся, перестреляли нападавших, защищая беззащитных женщин.

Помимо этого Иван Ильич рассказал, что единственная выжившая бандитка с множественными переломами кисти правой руки уже тихонько этапирована в распоряжение Петра Всеславовича Воронцова, а их стараниями по городу ходит как минимум три версии случившегося, причём у каждой есть множество свидетелей, видевших произошедшее своими глазами. Так что приезжающим вскоре столичным шишкам по особо важным делам будет что послушать и над чем подумать. Тем более что должен приехать некто – Сам! – Муравьев, московский адвокат и довольно известный и толковый сыщик. Помимо этого интерес к событию проявили еще и ветковские старообрядцы. Пока, правда, неизвестно почему и зачем. Так что,

приняв всё сказанное к сведению, я убыл обратно, искренне сожалея, что не удалось пови-
даться с Вольдемарчиком. Эта сволочь в тот же день бесследно исчезла из города.

* * *

Еле успел вернуться в «родные края», как на голову высыпается куча новостей. Правда, в основном приятных. Стараниями Особого корпуса генерала Келлера линия фронта отодвинулась далеко на запад, в паре мест соприкасаясь с линией Керзона, о которой он сам пока еще не подозревает. Дальнейшее наступление Ставка сочла рискованным из-за возможного удара немцев из Прибалтики. А реально его остановили, как я очень подозреваю, стараниями генерала Алексеева, ну никак не захотевшего в очередной раз найти достаточно сил и резервов.

Об этом поведал сам Федор Артурович, захавший в гости. С кучей наград для всех отличившихся, включая нижних чинов. Все наши рапорты без изменений и вычеркиваний удовлетворили. И еще добавили немного сверх того. Теперь у меня все господа офицеры – с Георгиями, а некоторые еще и с одноимённым холодным оружием. И самому тоже досталось. Я теперь, как рождественская ёлка, весь сверкающий и блестящий. Стараниями его превосходительства в моей коллекции появились Станислав и Анна вторых степеней. Первый – «за разработку и применение новых тактических приёмов, позволивших осуществить прорыв германской обороны с минимальными потерями», вторая – «за командование боем при Барановичах с применением новой тактики, приведшее к нашему решительному успеху, а также за усердие и рвение в деле обучения и воспитания подчиненных нижних чинов» и все такое. Помимо этого топ генерал вогнал меня в ступор известием о том, что батальон меняет место постоянной дислокации и теперь будет располагаться в Первопрестольной. Вот это действительно новость! Только пока не могу понять, хорошая или плохая...

– В самое ближайшее время, как только императору станет лучше, он подпишет указ о назначении великого князя Михаила регентом при цесаревиче Алексее... Пока что положение, как говорят доктора, – стабильно тяжёлое. Иван Петрович держит его величество на морфии – постоянные боли плюс начинающаяся токсикация. Площадь поражения большая, а ожоговая медицина не существует даже как понятие.

А тут еще Распутин пытается вмешиваться. Типа это Господу угодно, а это – нет. Народный выродок, тьфу... самородок. Сами понимаете, Денис Анатольевич, информация конфиденциальная. Так вот, Михаил Александрович хочет устроить свою резиденцию в Москве, подальше от всяких... В-общем, в аристократических кругах его воспринимают не очень хорошо из-за морганатического брака. Хотя светский салон его супруги в Питере пользуется большим успехом. В основном, как я понял, чтобы через графиню Брасову влиять на мужа. Кстати, между ними на этой почве уже случались размолвки.

Поэтому – Первопрестольная, Петровский замок. А совсем неподалёку, в Николаевских казармах разместится 1-й отдельный Нарочанский батальон специального назначения. На всякий пожарный, чтобы в случае чего очень быстро прийти на помощь. А то решит кто-нибудь в декабристов поиграть, выведет пару батальонов, оцепит замок...

– И тут же умрёт. Если с великим князем будут мои бойцы. Я ведь предлагал отправить в распоряжение его высочества Митяева с «первым составом».

– Вот он и решил принять ваше предложение. – Федор Артурович достаёт из папочки, лежащей на столе, лист бумаги и передаёт мне. – Ознакомьтесь, господин капитан.

– Не-а, ваше превосходительство, в предписании должно быть указано, что они следуют в распоряжение лично великого князя, а не коменданта Ставки, или командира Собственного Его Императорского Величества конвоя. И подчиняться они должны тоже только ему лично, и больше никому.

– Хорошо, убедили. Кстати, Михаил Александрович приготовил вам подарок, если так можно выразиться. Вы ведь вскоре с ротой штурмовиков должны убыть в Ораниенбаум? Там в Стрелковой школе вас будут дожидаться десять пулеметов Льюиса.

– Ух ты! Вот это здорово! Передайте великому князю мою искреннюю благодарность, Федор Артурович!

– Вот сами и поблагодарите, господин капитан. Потому что поедете вместе со мной и своими архаровцами в Ставку, охрану великого князя организовывать. И продумайте заранее варианты.

– Варианты мы на месте посмотрим, а так, навскидку – рядом с ним постоянно должны находиться два-три человека. Конвойцы берут себе внешний периметр, мы – внутренний. Плюс резервная группа наготове. Вооружение: основное – «беты» с двойным, а то и с тройным БК, дополнительное – люгеры и «оборотни»... Вот туда бы еще пару «льюисов»... – Фраза под конец получается очень уж мечтательная, и Келлер помимо воли улыбается, но потом возвращает беседу в серьёзное русло. – Потом отвезете семью в институт, Дарье Александровне вроде скоро... понадобится медицинская помощь? А сами посмотрите Николаевские казармы.

Там сейчас запасная батарея 1-й Гренадерской артбригады, 1-й Донской казачий полк и госпиталь. Последний стараниями принца Ольденбургского уже начал переезжать, артиллеристы тоже скоро передислоцируются. Донцов через месяц-другой заменит моя Сводная кавбригада. А Уральская казачья дивизия чуть позже будет квартировать в Гатчине, в Кирасирских казармах. Они хоть и не новые, но еще пригодны для размещения. Таким вот образом мы перекрываем верными и надежными войсками обе столицы на случай всяких форс-мажоров... – Келлер демонстративно достаёт часы и обращается ко мне с прозрачным намеком: – Не желаете угостить генерала обедом от щедрот своих, а, Денис Анатольевич?

– Конечно, как вы, Федор Артурович, могли сомневаться? – изображаю оскорблённого в лучших чувствах гостеприимного хозяина. – Идём прямо сейчас?

– Да, но по пути заглянем в санчасть... И не надо так ехидно смотреть на моё превосходительство. Вы с супругой уже повидались, а я с Зиной – еще нет... А если серьёзно, не ожидал от Гучкова таких действий. Надо что-то с ним делать.

– Я уже знаю что именно, Федор Артурович...

Келлер бросает на меня внимательный взгляд, затем, помедлив, примирительно советует:

– Воля ваша, Денис Анатольевич. Но хотя бы с Воронцовым пообщайтесь на эту тему...

Глава 9

Разговор с Петром Всеславовичем состоялся неделю спустя, когда я приехал в Москву поработать квартирмейстером, а заодно с соблюдением всех правил конспирации привёз своё семейство в Павловский институт. Устроив всех с максимальным комфортом и сдав замаявшуюся в дороге Дашеньку с рук на руки доктору Голубеву, вместе с Александром Михайловичем и Петром Всеславовичем отправился смотреть стройплощадку танко-тракторного гиганта «Allis Chalmers Motor Trac in Russia», которая расположилась рядом с деревенькой Капотня в часе езды неспешным из-за дороги ходом.

Пока тесть с прорабом-приказчиком носились среди будущих стен будущих сборочных цехов, то ли распугивая, то ли воодушевляя местных мужиков, трудившихся на строительстве, мы с Воронцовым, сделав «круг почёта», вернулись к автомобилю – покурить на свежем воздухе и поговорить о насущном.

– Что касается вашей истории, Денис Анатольевич... – несмотря на открытую местность и отсутствие лишних ушей, Петр Всеславович говорит негромко. – Оставшуюся в живых террористку доставили к нам, само собой, оказали медицинскую помощь. Помолчала денька два, но потом, после «музыкальной шкатулки», язычок развязался. Член партии эсеров, участво-

вала в акциях боевой группы. Была арестована, на суде её защищал господин Муравьев. Да-да, тот самый, который сейчас проводит расследование некоего инцидента в Гомеле. И который работает у князя Сергея Дмитриевича Урусова. По её словам, в обмен на мягкий приговор она обязалась оказывать вышеупомянутым господам некоторые услуги, скажем так, уголовно наказуемого характера. И еще добавила, что она не единственная в списке. Их группа из таких вот «должников» и собралась. Что отчасти объясняет их топорную работу... Чиновник по особым поручениям тоже понял, что его жизнь целиком зависит от искренности. Поэтому заливается соловьем.

Воронцов с удовольствием затягивается папиросой, делая небольшую паузу, затем продолжает:

– В-общем, сейчас мы ищем подходы к господину Урусову. И, надеюсь, в ближайшее время будем иметь счастье побеседовать тет-а-тет. Хотя главный заказчик и так известен.

– Ну, с ним, Петр Всеславович, вы вряд ли успеете пообщаться.

Воронцов задумчиво смотрит на меня, затем улыбается:

– Да, кажется, договоримся... Я так понимаю, вы задумали маленькую личную месть?..

– Тот, кто угрожает моей семье, умрёт, как только мне станет известно об этом!

– Денис Анатольевич, не горячитесь так! – Петр Всеславович всё с той же улыбкой смотрит на меня. – Просто... Не хотелось бы, чтобы вы в порыве праведного гнева наделали глупостей. Позвольте объяснить вам кое-какие нюансы... Простите кажущийся примитивным вопрос. Кто, по вашему мнению, угрожает императорской власти? Помимо германцев, естественно.

– Ну, эти только воюют с нами. Не думаю, что в случае победы кайзер Вильгельм будет требовать царской крови и ликвидации монархии... Из внутренних врагов – революционеры-террористы всех мастей и охреневающие от осознания собственной значимости банкиры и промышленники, являющиеся в своём большинстве депутатами Государственной Думы. И, конечно, наши заклятые друзья-союзники.

– Хорошо... Их что-то или кто-то может объединять? – Воронцов продолжает «экзамен».

– Вы имеете в виду некие надполитические и наднациональные силы, действующие во благо человечества под лозунгом «свобода, равенство, братство»? – Кажется, я догадываюсь, откуда ветер дует.

– Да, Денис Анатольевич, вы правы. – Петр Всеславович становится серьёзным. – Я имею в виду масонов. Если позволите, займу ваше внимание небольшой скучной лекцией.

– Почему же скучной? Врага нужно знать в лицо. Я же должен знать, в кого целиться.

– Не всё так просто, как вы думаете... Среди тех, кто поддерживает идею масонства, есть и вполне приличные люди, считающие, что их деятельность идёт во благо народа.

– А-а, ну да, ну да! Как говорится – ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным.

– Наверное, вы правы... Но перейдём к сути дела. Департамент полиции пытается следить за деятельностью масонских лож, но... Позвольте процитирую по памяти: «Масоны – тайная организация, работающая над ниспровержением существующего в России строя под прикрытием всевозможных обществ – просветительских, оккультных, благотворительных. Что делает их практически неуязвимыми для полиции, так как юридически невозможно доказать их преступный умысел». Это – из аналитической справки Департамента полиции от 2 января 1914 года. Кстати, не последней. В феврале этого года полицейский чиновник Ратаев, отвечающий за эту работу, подал докладную директору Департамента генералу Климовичу, но тот так и не дал ей ход.

На сегодняшний день нам известно о существовании сорока масонских лож в стране. Только в Петрограде их семь или восемь. Основные поставщики кандидатов в вольные каменщики – Судебная палата, где-то около пятидесяти человек, профессура Петроградского тех-

нологического института, в частности двоюродный брат генерала Рузского, и другие учебные заведения столицы.

В общей сложности, по косвенным данным, требующим дальнейшей проверки, активных масонов сейчас около четырёх сотен. Но, повторюсь, это – так сказать, нижнее и среднее звенья. Причём по партийной принадлежности там собрались все, начиная от кадетов и заканчивая эсерами и большевиками из РСДРП.

– Петр Всеславович, насколько я понимаю, обычными способами этой шушере хвост не прижать. – Кажется, я начинаю понимать, куда клонит собеседник. – Только вот еще ни одна презумпция невинности или депутатская неприкосновенность не смогли остановить пулю в полёте. Только хотелось бы иметь досконально проверенную информацию. Чтобы потом мальчишки кровавые в глазах не мельтешили.

– Само собой, Денис Анатольевич, но это нелегко и требует времени. Хотя мы успешно над этим работаем... Буквально неделю назад в Петрограде на квартире у господина Степанова, члена ЦК кадетской партии, депутата Государственной Думы, а также директора правления Южно-Русского горнопромышленного общества и прочая, собралась интересная компания, про заседавшая два дня. Это – адвокаты Гальперн и Керенский, профессор Рузский и другие господа, являющиеся масонами, как мы предполагаем, достаточно высокого градуса. Более того, из Москвы к ним на встречу приехали князь Урусов и бывший председатель Второй Государственной Думы, один из основателей партии конституционных демократов господин Головин. Наши аналитики считают, что там проходил всероссийский съезд масонов с целью выработки программы дальнейших действий.

– Простите, Петр Всеславович, но откуда такая подробная информация? – У меня не получается скрыть своего удивления.

– «Дети Священной дружины», как вы нас поэтично назвали, тоже не сидят без дела, – улыбается в ответ Воронцов. – А учитывая, что Отдельный корпус жандармов создавался именно для борьбы с такими вот тайными обществами, установить наблюдение за интересующими нас людьми не составляет особого труда. Тем более что у каждого порядочного человека есть кухарка, лакей, дворник, который знает практически всё о жильцах своего дома, и все они не прочь немного заработать... Помилуй бог, никакой вербовки! К прислуге того же Степанова подкатывали конкуренты-горнопромышленники, например. Ну, не буду утомлять излишними деталями...

Если быть кратким, моё мнение – нужно начинать чистку не снизу, от простых «учеников», затем выходить на мастеров и венерблей, а сверху... Тем более, судов с присяжными и адвокатами, как я понимаю, не предвидится. Я предлагаю разворошить этот муравейник. И начать со столь неполюбившегося вам господина Гучкова, одного из основателей и руководителей Военной ложи. Плюс к этому – планируемая акция в отношении князя Урусова, он тоже не самая маленькая фигура. Но её мы проведём сами в Москве. И не столь жёстко. Нам нужна информация, и его светлость её предоставит.

– Полиграф, а потом тайная комнатка с «музыкой»? – интересуюсь из чистого любопытства.

– Не только. Иван Петрович нашёл интересную штуку. Называется... скополамин, кажется. Проверяли, вроде бы работает. Человек говорит правду и только правду.

– Господи, на ком же вы это зелье испытывали? – притворно ужасаюсь услышанному. – Неужели на ни в чем не повинных людях?

– Да, только эти люди шпионами наёмными оказались. Своими, российскими. Очень многим хочется узнать, что же тут, в институте, у нас происходит.

– А нельзя ли и нам немного такого зелья? Для допросов в полевых условиях.

– Вряд ли, Денис Анатольевич, нужно опытным путём подбирать оптимальную дозу, потом еще какой-то укол делать. Если хотите, доктор Голубев подробно всё объяснит. А пока

давайте вернёмся к господину Гучкову. Я полагаю, что внезапная кончина одного из руководителей Военной логи, через которую, скорее всего, и планируются активные действия против государя, вызовет достаточный переполох. Ну, а перлюстрацию и слежку за остальными фигурантами мы обеспечим... Давайте вернёмся к разговору позже, вон Александр Михайлович уже идёт обратно.

– Да, господа, это впечатляет! – Тесть от увиденного находится в хорошем расположении духа. – Начало грандиозное! И, что интересно, мужики работают на совесть, не из-под палки. В наше время это довольно большая редкость.

– Ничего удивительного, Александр Михайлович. – Воронцов снова ослепительно улыбается. – Они же и потом здесь будут работать. Так академик Павлов им обещал. И зарплату им назвал. В дополнение к этому в деревне его же стараниями откроются фельдшерский пункт и начальная школа для детишек.

– А не слишком ли это рискованно и накладно? – тесть сразу настораживается. – В убыток себе работать не будем?

– Александр Михайлович, это еще один из многочисленных экспериментов Ивана Петровича. А деньги найдутся. Знаете, сколько платят светские львы и львицы за разные там оздоровления и омоложения?..

Дальнейший разговор с Воронцовым продолжить удалось только поздно вечером. И если по способу проведения акции разногласий не возникло, то некоторые особенности, предложенные мной, вызвали у него определенные сомнения из-за кажущейся сложности. Но потом, по зрелом размышлении, Петр Всеславович согласился, что резон в этом есть, и обещал подключить к мероприятию все возможности питерских коллег и «дружинников»...

Глава 10

Этот город невозможно не любить. Вот закончится эта грандиозная заваруха, обзываемая Германской войной, плюну на всё, возьму Дашеньку с ребяёнком, соберу всех своих ребят – Анатоля, Валерия Антоновича, Сергея Дмитрича Оладына, Михалыча, Егорку... Всех-всех... И – сюда! Походить по Невскому, полюбоваться на Исаакиевский собор, поплавать по каналам... Но это все потом... после войны... А пока довольствуемся только стихотворной ностальгией...

...И кажется, что я на берегах Невы
Уже почти вот скоро три столетия.
Я помню всех – и мёртвых, и живых,
Тех, кто сейчас на том и этом свете...
Помню я, когда лебеди плыли
По канавке, по Лебяжьей,
Помню ветры метельные, злые
Над Сенатскою однажды...

* * *

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...

Вот уже несколько дней я с Котярой, успешно изображающим денщика, проживаю в меблированной квартире одного из доходных домов на Васильевском острове. По-другому – никак. Хотя и командирован в Ораниенбаумскую офицерскую школу, но бывать в Питере приходится часто, благо Димитр Стефанов давно уже справляется со своими «янычарами» и без меня, а вот господину капитану надо с репетиторами заниматься, чтобы на подготовительные курсы Николаевской академии Генштаба поступить. Начальная алгебра там, геометрия с прямолинейной и не очень тригонометрией всякие, иностранные языки опять же. Это для отмазки, экзамены в Павловском училище еще свежи в памяти, да и те же синусы с косинусами со школы помню...

А так как офицер без денщика, тем более в столице, – абсолютный нонсенс, то и Фёдор со мной. Почему он? А потому что внешность уж больно подходящая для предстоящего дела. Только вот пришлось ему на время снова стать ефрейтором вместо зауряд-прапорщика и выучить наизусть свою новую биографию, где он был ранен и контужен в бою, потому и стал нестроевым. А также хромать на правую ногу и немного горбиться...

Вчера отправил этого детинушку на Варшавский вокзал за «посылкой». Коей являлись два прапорщика – бывший студент-вольнопёр Вадим Федоров и Дмитрий Иванович Остапец. Оба приехали под прикрытием командировочного предписания – направлены по секретной служебной надобности в Императорский горный институт, в окрестностях которого и встали на постой, а затем приехали в гости. Примерно в это же время на квартиру для проведения инструктажа по дальнейшим действиям прибыл господин в штатском, прикрепленный к нам ротмистром Бессоновым, который представился Аполлиналием Андреевичем. Фамилией господин сей не назвался, но и от чая отказываться не стал. На вид был похож на штатского до мозга костей шпака, но тем не менее чувствовался в нем хороший такой стержень. Да оно и понятно – в Отдельном корпусе случайные люди другими делами занимаются, бумажки всякие перекладывают с места на место.

Поблагодарив за приглашение, гость от смежников оставил свой «буржуйский» котелок в прихожей и, усевшись за стол, принял от Котяры стакан свежесваренного чая. Познакомились, из вежливости поговорили о погоде... В ходе разговора подтвердил, что всё будет примерно так, как и планировалось. Ведут клиента надёжные филёры, они же прикрывают отход группы, на нас – только ликвидация. Стрелком работать буду я. Потому что – первый раз и должен показать пример. Знаю, что ни у кого даже в мыслях не проскочит, что типа других посылает, а сам... Но всё равно, исполнять буду своими руками. Тем более что это – *личное*.

– Итак, господа офицеры... Кот, не улыбайся, ты в полушаге от этого... Повторяем еще раз наши действия. – Организую словесное проигрывание операции.

– Я общаюсь с настоящим дворником, добываю у него ключ от чердака и передаю его Дмитрию Ивановичу, – первым высказывается Аполлиналий Андреевич.

– Переодеваюсь в форму дворника, получаю ключ, открываю чердак, слежу, чтобы никто в это время им не заинтересовался, – подхватывает Остапец. – После стрельбы прикрываю уход командира, передаю винтовку Аполлиналию Андреевичу, в случае погони увожу с помощью свистка по ложному следу.

– Я перевоплощаюсь в студента-марафетчика-социалиста-революционера, нахожусь поблизости. При появлении авто выхожу «на сцену». Если что, работаю из люгера по цели и исчезаю, – Вадим Фёдоров спокойно объясняет свои действия, как будто речь идёт о приготовлении какого-то овощного салата...

Когда думал, кого привлечь на акцию, больше всего за него опасался. Конечно же, многое прошли бок о бок, но всё же – бывший студент, тем более, я помню, с каким воодушевлением он общался с тем агитатором в Ново-Георгиевске... Хрен его знает, чужая душа – потёмки, вдруг я о чём-то до сих пор не в курсе... Но проникся парень, проникся. Особенно понравилось

мое объяснение про сарай. Как я там брякнул?.. «Знаешь, Вадим, слова Столыпина? О том, что им нужны великие потрясения, а мне нужна великая Россия! Так вот, все революционеры искренне считают, что, разрушив государственность российскую, смогут построить страну еще лучше. А я вот думаю, что из разломанного сарая побольше да получше не построишь, можно только поменьше и похуже!...»

Фёдоров в том разговоре, хитро улыбаясь, признался, что до сих пор со своими друзьями дискутирует время от времени, но уже не как университетские вольнодумцы с мутией в голове и абстрактным желанием сделать всех счастливыми. Повоевав на фронте и за ним и прочувствовав многое лично на себе, они и своё светлое будущее теперь рассматривают как боевую операцию. И что стоит только командиру отдать приказ, батальон очень трудно будет остановить...

– ...Я – городской, кручусь вокруг да около, типа порядок блюду, – теперь настает очередь Котяры. – Когда цель выходит, играю на пару со студентом, свистком даю сигнал к стрельбе. Если что, помогаю Вадиму вторым пистолетом, потом уходим... Вроде всё.

– Ну, а я заканчиваю все действия. – Круг замыкается на Аполлинарии Андреевиче. – Забираю винтовку и даю отмашку коллегам на дальнейшую работу. Кстати, почти все из них проходили обучение в вашем батальоне, некоторые просили передать привет. Под утро ими будет обнаружена и взята штурмом подпольная квартира вновь якобы воссоздавшейся боевой группы эсеров, где и найдут орудие убийства «истинного патриота, радетеля за благо Отечества и большой души человека». Правда, без телескопического прицела и в немного испорченном виде. Во время действия на пол упадет керосиновая лампа и устроит маленький пожар. Приклад винтовки немного обгорит, так что отыскать какие-либо дактилоскопические следы будет невозможно...

* * *

На столицу Российской империи, еще пару лет назад носившей гордое имя «Санкт-Петербург», опускаются сумерки. Несмотря на военное положение в стране, в городе к услугам уважаемой публики открыты многочисленные кафе, рестораны и целый ряд иных увеселительных заведений. В семейных домах, и бедных, и богатых, обычные люди заканчивают ужин и готовятся к ночному отдыху, а на улицы выползают тени персонажей, для которых ночной Петроград сулит весёлые похождения, развлечения, кутежи и разврат. Именно к их услугам рестораны и кабаре, игорные дома и бордели. Все эти многочисленные заведения на легальном положении работают открыто и приносят большие доходы их владельцам. А сколько таких притонов, которые существуют негласно? Так что в течение ночи, до трёх-четырёх часов, на прилегающих к Невскому улицах царит некоторое оживление, когда гуляки и картежники расходятся по домам. Вернее сказать, разъезжаются, так как большинство пользуются услугами извозчиков. Подгулявшая публика далеко не всегда ведёт себя тихо и скромно, как это подobaет в ночное время, часто шумит и скандалит. Поэтому городским и дежурным дворникам никогда нет от них покоя. Одним словом, ни чести у людей, ни совести... Война ведь идет. А у этих сволочей праздник...

Сегодня в обед Аполлинарий Андреевич дал отмашку на проведение операции. Поэтому я тоже, как и положено фронтовику, дорвавшемуся до благ цивилизации, «засветился» в одном ресторанчике. Провел время в компании с бутылкой шутовского коньяка и легким ужином, время от времени ловя заинтересованные взгляды женщин и завистливые мужчин, украдкой глазющих на Георгия на груди и Анну с Владимиром на шее. Правда, коньяк, за исключением пары рюмок для запаха, перекочевал в две карманные фляжки. Выбранный столик в полузакрытой нише-эркере этому очень поспособствовал... На самом Невском сверкают вывески, подпитанные электричеством, льется обилие света от синемаатографов. Их здесь очень много – до двухсот; по данным любезного Аполлинария Андреевича – на одном Невском только два-

дцать пять. На вывески электричества не жалеют, лишь бы побольше привлечь зрителей – дело то доходное. Туда я зайду попозже, а сейчас до начала сеанса еще погуляю... Хожу и смотрю на витрины ювелирных магазинов. Тут тоже всё горит, блестит и сверкает. Очень впечатляет витрина магазина «Бриллианты ТЭТ» – переливается аж всеми цветами радуги при ярком освещении. Перед стеклом постоянно стоит толпа народа, любясь этим великолепным зрелищем. Многие «экспозиции» бьют на оригинальность. Тут и декоративные пейзажи, и экзотика, и подвижные фигуры-автоматы. Вообще в городе очень много рекламы. Чего тут только нет! «Пейте коньяк Шустова», «Употребляйте пилюли Ара», «Перуин для ращения волос» и даже «Я был лысым»... Что касается военных, то они – на каждом шагу. Столичные офицеры дополняют блеск и без того нарядной толпы на Невском проспекте. Они фланируют по тротуару, заполняют богатые магазины и лучшие кафе и рестораны, а по вечерам – театры. Свободного времени у этих людей много, денег – тоже, да и положение заставляет жить на широкую ногу. Ну, ясен пень – это ж не в окопах вшей кормить... Попадаются и генералы; немногочисленные нижние чины и юнкера, встретив их превосходительств, шага за четыре становятся во фронт, отдавая честь и глазами провожая эту «шишку на ровном месте». К счастью, встречаются данные особи не так уж часто. Люди эти, большей частью тучные, ходить пешком не любят, да к тому же многие из них имеют собственные выезды. Первое, что бросается в глаза в этом городе, – роскошь и богатство одних и бедность с нищетой других. Если разница между центром и улицами, к нему прилегающими, была не так уж велика, то отличия между ними же и окраинами разительны. И чем дальше отходишь к выселкам, тем это все больше и больше бросается в глаза. Ну да ладно... Погулял, теперь можно и к великому искусству синематографа приобщиться. А вот и один из его храмов, «Гигант» называется. Моя задача сейчас как можно больше в публичных местах покрутиться на случай хоть какого-то алиби. Вот и иду смотреть «Пиковую даму» господина Протазанова. А перед началом фильма, само собой, надо заглянуть в буфет. Сажусь за стойку и заказываю очередную рюмку. Народу пока немного, только какая-то мадам кормит двоих своих отпрысков пирожными и нагловатого вида земгусар пытается обхаживать свою даму сердца. Скорее всего, очередную... Ага, а вот и новый маленький персонажик, молоденькая девушка, почему-то одна, без сопровождения. Подходит к буфетчику и почти шёпотом что-то у него спрашивает. А халдей ей через губу отвечает... Чаю с крендельком... Ага, иди на рояльке своей бренчи... И так чуть на полуденный сеанс не опоздала... Значит, девочка здесь тапёршей работает... Как все удачно складывается, сейчас будем играть в гусарско-окопное «быдло». Которое еще не пьяно, но уже близко к этой кондиции, и поэтому спорить с ним опасно для самочувствия...

– Э-э-й, лю-юбезный, еще рюмку мне и чаю вон с теми эклерами для барышни!..

– Звиняйте, вашбродь, не могу я ей ничего...

– А-а в морду?

– Вашбродь, управляющий не велел...

– Еще ра-аз спрашиваю – а в морду? Метнулся мухой... Позвольте угостить вас, мадемуазель!

Бедняжка смущается аж до густой красоты, очень нерешительно пытается отказаться, впрочем, героя войны это абсолютно не останавливает. Черт, целый день барабанить по клавишам, не имея маковой росинки во рту!..

– Лю-юбезный, где мой коньяк? Где чай с пирожными?.. Я сейчас твою нахальную ухмылку по буфету размажу! Устрою тебе еще один Луцкий прорыв!.. Бон аппетит, мадемуазель, надеюсь, вскорости услышу ваше божественное музицирование...

Время к десяти вечера, домой пора... Сегодня суббота, клиент пойдет в любимый ресторан с очередной «этуалью». Любит он женщин, любит... И своим привычкам не изменяет. Бретёр, авантюрист, бабник... А значит – от двенадцати до полпервого ночи будет выходить с поднятой дамочкой, усадит в авто и повезет в «нумера»... Мочить этого кадра надо, однозначно

мочить. Иначе он со страной такого натворить успеет своей деятельностью... Так, еще раз – сделать один выстрел, передать винтовку Аполлинарию, а затем в сопровождении «городового» Котяры, встреченного через два квартала, на извозчике на квартиру... Остапек и Вадим – тоже на адрес, пока мосты не развели. На этом наше участие закончится... Дальше уже ротмистр Бессонов сотоварищи революционеров мочить будет «по горячим следам». Ничего не подозревающих и занимающихся хорovým пением на мотив чего-нибудь типа «Вихри враждебные веют над нами»...

Глава 11

Что наша жизнь? Игра!

Кругом и повсюду, каждую минуту и секунду люди играют свои роли. Играют талантливо и бездарно. Роли в массовке и роли главные. Кто-то добровольно, кто-то по принуждению, а кто-то – и вовсе не представляя того, что он давно уже на сцене...

Один из самых дорогих и престижных ресторанов Петрограда сверкает электрическими фонарями. Внутри оригинально поставленное освещение выхватывает из полумрака яркие островки, отгораживая занавесью полутьмы сидящих за разными столами друг от друга. Уже достаточно поздно, посетителей много, пошел самый разгар веселья. Приятная музыка скрипок и виолончели медленно плывет по залу. Почти у самой стеклянной стены накрыт столик на двоих. За ним мужчина и женщина. На ней шляпка с вуалью, синее вечернее платье, открывающее руки и часть спины, ожерелье из поддельного жемчуга и такие же сережки. Прическа совсем недавно уложена в салоне. Стройная фигурка, точеная шея, милое личико с почти незаметными следами макияжа, подчеркивающего чувственность губ и скрывающего мелкие морщинки в уголках глаз, рука, вполне ухоженная и холеная, держит тонкими пальцами бокал, в котором белое вино преломляет лучи света. Улыбка на губах, загадочно блестящие глаза...

Женщина играет роль светской львицы. И не важно, что она частенько фальшивит, ведь не так часто ей приходится делать это. Сегодня она – Венера, Афродита и Клеопатра. Хотя бы для себя самой... Хотя бы ненадолго... Изредка всплывает в голове мысль – а не разыграть ли перед своим кавалером (потом, когда он предложит заехать в номера) еще и роль недотроги, ну или хотя бы попробовать? Но тут же практичный голос в голове обрывает: «Не глупи, где ты еще найдешь такого обеспеченного господина. Ну да, приживалкой, ну и что? Не в приют же идти с сиротками работать?» Так что сегодня она – женщина-вамп и мадам Баттерфляй. Такова на сегодня её роль...

Ее кавалер, импозантный полнеющий мужчина с аккуратной бородой, в пенсне с золотой оправой, в дорогом костюме и с массивной печаткой на толстеньком коротком пальце, сыплет остротами, возбужденно поблескивая масляными глазками, одной рукой слегка проворачивает на столешнице рюмку с шустовским, второй – пальцами поглаживает протянутую к нему руку женщины. Алкоголь и гормоны легко ввели его в роль неотразимого Казановы. Сегодня всё для него: и эта музыка, и изысканная сервировка, и великолепие блюд! Сегодня он – герой-любовник, молодой жеребец, сбросивший десятки лет. В свои пятьдесят четыре года он уже очень влиятельный человек в России. Да, Александр Иванович Гучков – это величина, глыба! Бывший председатель Государственной Думы, действующий член Государственного Совета Российской империи, лидер партии «Союз 17 октября» и прочая, прочая... О-о-о! Он еще покажет всем этим люмпенам и маргиналам, кто хозяин в России! Этот мягкотелый человечико, называемый императором Всероссийским, еще узнает!.. Свержение этого ничтожества уже давно является для него почти самоцелью. И теперь финал очень близок! И в этом он готов объединиться с любыми силами...

Ну и что с того, что дома его ждет давно надоевшая жена, любимая дочка и одиннадцатилетний сын да иногда беспокоит треклятый артрит и одышка? Сегодня господин Гучков

гуляет! Он – сама неотразимость и щедрость, ему доступны все роли. И пусть завтра, взглянув утром на помятое лицо своей сегодняшней избранницы, он с удивлением подумает: «И что я в ней нашел?», и пожалеет о потраченном времени и деньгах, но сегодня еще не спущен пар, алкоголь играет в крови, и всё складывается просто превосходно.

К столику подходит официант. Внешне – чистый половой в старинном русском трактире. И играет свою роль безупречно. Большо-ой артист. Ну, а даже если и в блюдо этому борову плюнул – так ведь не одну роль можно играть сразу. А может, он – революционер! Вот!.. Роли, роли, роли...

* * *

За стеклом ресторана небо, и без того невидимое из-за искусственного освещения, совсем растворилось в космической черноте. Невдалеке от входа в ресторан, вероятно, втайне завидуя представительному виду швейцара у дверей, доблестно несет дежурство городской. Он и сам еще не разобрался, что ему ближе, но его роль никто не отменял, а вот играть тут всё четко надо, как по нотам, – суфлера не будет. Видной фигурой на улицах Петрограда является «блюститель порядка». Городовые, они ведь набираются из солдат, прошедших установленный срок службы, сверхсрочников как армейских частей, так и гвардии. Вот почему выправка должна быть военной, бравой, подтянутой. Одет городской в черную шинель, окантованную красным, широкие брюки заправлены в надраенные до зеркального блеска сапоги. На голове – фуражка, тоже с красным кантом, над лакированным козырьком блестит ленточка из белой жести с обозначением части, на руках – белые перчатки.

Равнодушный взгляд скользит по редкеющей череде прохожих, не особо задерживаясь даже на откровенно расхристанном студенте в форменной шинельке. Роли философов, даже для стражей порядка, вовсе не чужды...

А играющий роль пьяньего, слегка сгорбленного или, лучше сказать, – согбенного студента, от одного вида которого хочется брезгливо скривиться, нимало не обращая внимания на окружающих, шествует по улице, поглядывая на прохожих и что-то бормоча себе под нос. Какую роль он играет для себя – непризнанного философа, гения-марафетчика или бог весть кого ещё, неясно, но для прохожих его роль раздражающего фактора является однозначной. Взгляд студента ненадолго задерживается, он смотрит сквозь стекло внутрь ресторана и, наверное, даже не заметив открытой кожи дамы за столиком, сосредоточивается на содержимом стола. Свет непонятным образом высвечивает в этом юноше его возраст – года двадцать два от силы. Студент двигается дальше, прислушавшись, можно различить отдельные слова в его монологе: «...Деньжищи... Да за что?.. Дерьмо... Я б ни в жисть... Буржуи...» Исполнение, достойное оваций...

Увы, но во всей столице нет ни одного жителя, кто узнал бы этого молодого человека, а те, кто его действительно знает, если бы очень хорошо постарались, то, может быть, и распознали бы в нем прапорщика Фёдорова, бывшего студента-горняка, кавалера двух Георгиевских крестов и медали «За храбрость»... Вадим качественно играет свою роль...

Да и в городском, пожалуй, не каждый смог бы узнать тоже георгиевского кавалера, зауряд-прапорщика Фёдора Ермошина, позывной «Котяра»...

Неподалеку, в арке дома крутится один из дворников, одетый в пальто, чистый передник, с большой овальной бляхой на груди и даже со свистком на шее. Если убрать почти недельную щетину на пропитой морде, да и саму её отмыть от свекольного взвара, то в нём можно узнать прапорщика Дмитрия Ивановича Остапца, тоже героя, тоже кавалера и прочая, прочая...

В большом красивом доме на другой стороне улицы, на пыльном чердаке, среди старых и ненужных вещей, напротив слухового окошечка с аккуратно выгашенным стеклом, замер еще один актер этого спектакля – переодетый в купленный на толкучке поношенный пиджач-

ный костюм капитан Гуров, командир 1-го отдельного Нарочанского батальона специального назначения. У этого актера зрителей нет, более того, они ему категорически противопоказаны. Положив перед собой трёхлинейную винтовку Мосина, он крутит в руках запасной патрон, не вместившийся в обойму. Гильза патрона и его собратьев, уже заряженных в винтовку, снабжена не обычной пулей, а нагановской. Они тоже ждут. И стрелок, и патроны...

На первом этаже этого же дома, в маленькой каморке, щедро заливает настоящего дворника водкой по самую маковку некий очень радушный господин, в котором точно никто не узнал бы Аполлинария Андреевича Белова, штаб-ротмистра пятого отделения Штаба Отдельного корпуса жандармов (наблюдение за деятельностью жандармских управлений по политическому розыску и производству дознаний), человека с огромным опытом оперативной работы.

Да... Роли, роли, роли...

* * *

К подъезду ресторана плавно подруливает представительное авто. Водитель, гордо вскинувший подбородок от осознания высокой миссии – личного водителя такого господина, степенно подкатывает и останавливается у тротуара напротив парадных дверей, напрочь игнорируя какие-либо приличия и очередь извозчиков, дожидających лёгкого ночного заработка.

Спустя несколько минут гренадерского вида швейцар с огромной седой бородащей, олицетворяющий величественное достоинство, отворяет массивную дверь и вытягивается во фронт. Из распахнутой двери, галантно пропуская вперед даму, вальяжно выходит ОН – Победитель, Цезарь, будущий вершитель судеб человеческих, любимец женщин, дуэлянт и авантюрист. Ох, и непроста роль облечённого Властью. Даже если ты только и умеешь, что «руками водить», отыгрывать надо убедительно, чтобы не оказаться в другой, менее уважаемой роли. Чем выше залезешь, тем большее количество живых игрушек зависит от тебя и тем интереснее ими играть. До конца отыгрывая свою главную роль, полный вальяжный господин не спеша двигается к услужливо распахнутой шофером дверце авто...

В тот самый момент, когда «вершитель судеб Отечества» двинулся к автомобилю, страж закона вдруг замечает непорядок –двигающегося обратно той же вихляющей походкой студента – и резво приступает к принятию мер по искоренению потенциально опасного элемента. Роль у него такая, ничего тут не попишешь. Швейцар хмыкает, свысока взирая на это, – для него всё же какое-никакое развлечение. А что до своей роли, так чем величественнее ты себя ведёшь на этом месте, тем более тебя воспринимают лакеем. И просто, и не надо во исполнение своих обязанностей суетиться и унижаться, даже перед этой вот непростой шишкой. Достаточно открыть дверь и притвориться неподвижной статуей. Уж явно у того, кто сейчас прошествовал мимо, так не получится перед более высоким чином. Придется, небось, покрутиться, как вот тому же городовому.

Юнец, видя направляющегося к нему городского, резко разворачивается и задаёт стрелка. Городовой, исполненный праведного негодования, придерживая шашку, залиvisto свистит в свисток и припускает за студентикой...

Конечно же, все присутствующие – и вальяжный господин с дамой, и водитель, и швейцар, не говоря уж о немногочисленных прохожих-зеваках, находящихся в том момент на проспекте, – с интересом наблюдают за разыгравшейся комедией. Что делать – старинная русская забава, ведь интересно же, догонит легавый студента или не догонит...

И именно поэтому никто впоследствии так и не смог вспомнить, откуда донесся звук выстрела и в какой момент голова вальяжного господина лопнула, как спелый арбуз, от попадания в неё семиграммового кусочка свинца, разогнанного раскаленными пороховыми газами до сумасшедшей скорости...

Член Государственного Совета Российской империи, лидер партии «Союз 17 октября», особоуполномоченный Красного Креста на фронте, председатель Центрального военно-промышленного комитета, бывший председатель Государственной Думы, будущий автор и организатор дворцового переворота и несостоявшийся военный и морской министр планировавшегося Временного правительства России Александр Иванович Гучков прекратил свое брренное существование... Роли сыграны, спектакль окончен. Занавес – и продолжительные аплодисменты...

...Всё позади, – и КПЗ и суд.
И прокурор и даже судьи с адвокатом.
Теперь я жду, теперь я жду, куда, куда меня пошлют.
Куда пошлют меня работать бесплатно...

Тьфу! Прицепилась же песенка Высоцкого... Одно хорошо – всё действительно позади. Ну, по крайней мере, этот этап нашей жизни... Винтарь скинули Аполлинарию, отошли чётко по плану. Я спустился по верёвке с чердака, вышел в точку randevu и приехал на квартиру в сопровождении сурового «стража порядка» Фёдора на извозчике, Остапек с Вадимом тоже успели проскочить на Васильевский как раз перед разводом мостов.

Третий час ночи... Дмитрий Иванович уже успел начисто соскоблить свою небритость и отмыться от свекольного настоя, Вадима отправил смывать дурно пахнущий образ вольнодумца-студента, Котяра застилает белье на кроватях и диванах, где вновь прибывшие будут ночевать. В печке-голландке весело догорает порезанная на лоскуты полицейская форма и моя пиджачная пара...

Все при деле... Пока мужики приводят себя в порядок, я накрываю на стол. Свежий хлеб, сало, солёные огурцы, картошка в мундире. Режу луковицу, открываю банки тушняка, расставляю стаканы, разливаю припасенную водку. Ничего, мне не трудно товарищей уважить после боевого выхода. Им посерьёзней поработать пришлось.

Спустя двадцать минут все мы чинно восседаем за накрытым столом в гостиной. Одетые по форме, с крестами и медалями. Именно так! Мы не бандиты, мы – солдаты и защитники Отечества! Пусть даже придется его защищать и не совсем привычным способом...

Ну-с, начнем-с... Как там у классиков?... Если не можешь предотвратить пьянку, надо её возглавить! Но сначала – официальная часть. Надо что-то сказать, хлопцы ждут... Встаю, поднимаю стакан и оглядываю остальных, замерших по стойке «смирно»:

– Это тоже война, ребята. Беспощадная, до смерти. Пленных здесь не будет, только предатели. Родина у нас одна, и защищать её мы будем любыми способами! Только так, и никак по-другому! Иначе цена поражения будет страшной! Поэтому... Наше дело правое!.. Сегодня мы ликвидировали первого внутреннего врага... Так что, братцы... Нет, не братцы... Братья... Благодарю за службу!

– Служим Престолу и Отечеству! – шепотом «рявкают» мои ребята... А бывший студент, вечно смешливый Вадим очень серьёзно добавляет:

– И отдельному батальону специального назначения!.. Да будет так, ребята, да будет так!

Глава 12

Встреча с Павловым произошла через несколько дней на той же квартире. Предварительно академик телеграммой сообщил о своём посещении столицы и изъявил непреодолимое желание пообщаться. Только вот общение поначалу вышло несколько бурным и на повышенных тонах. Иван Петрович молча отвечает на рукопожатие, когда я открываю ему дверь, проходит в гостиную и усаживается за стол, уже накрытый для чаепития.

Сажусь напротив и выжидательно смотрю на до сих пор молчащего и нервно барабнящего пальцами по столу «собеседника». Наконец его прорывает:

– Ты что творишь, старлей?!

Шёпотом, оказывается, тоже можно орать. Не люблю, когда на меня наезжают, но и не отвечать как-то невежливо.

– Если вообще – то готовлюсь к поступлению в Академию Генштаба, обучаю свою штурмовую роту правильному обращению с автоматами в Ораниенбауме. Если конкретно сейчас – пытаюсь внимательно вас выслушать, Иван Петрович. Но пока безрезультатно – никакой аналитической информации, одни только непонятные эмоции.

– Денис Анатольевич, громкое убийство, о котором кричат все, не только российские газеты, – ваших рук дело? – Павлов немного сбавляет обороты.

– Вы о некоем внезапно почившем в бозе Александре Ивановиче? Если говорить правду – боевой группы эсеров, если честно – то да.

– Ты совсем охренел?! – Академик лупит ладонью по столу так, чашки подпрыгивают на своих блюдах, жалобно звякая. – Ты кем себя возомнил?! Тоже мне мессия нашёлся! Спаситель человечества хренов! Ты хоть понимаешь, что делаешь? Мы хотим эту долбаную революцию со всеми её последствиями предотвратить, а ты своими руками Гражданскую войну начинаешь!

– Если вы не в курсе, господин академик, то этот человек хотел похитить мою беременную жену! И, скорее всего, для того, чтобы заставить некоего капитана Гурова с его батальоном выполнять все его прип...ди! В этот раз, слава богу, неудачно. Мне что, ждать теперь следующей попытки?

– Твоя супруга и твои близкие теперь в безопасности. И если бы тогда послушался меня и сразу отправил Дарью Александровну ко мне в институт, то ничего этого бы не было. – Павлов несколько утихомиривается.

– А не припомните, любезный Иван Петрович, кто в... той истории лично принимал отречение императора? Таких нужно только давить как тараканов. Перевоспитаться они не смогут. Отстреливать, как бешеных собак!

– Пока что Бешеным называют тебя... Да помню я всё! И вполне с тобой согласен. – Академик вроде успокаивается. – Только действовать надо не так явно. Один раз эсеры в качестве исполнителей и проскочат, а потом? Возмущение и недовольство в обществе, как следствие – открытый саботаж всех решений регента. У нас сейчас еще недостаточно сил для открытой борьбы. Пока что все, на что можем рассчитывать, – твой батальон, корпус Келлера и, возможно, Деникин со своими Железными стрелками и Каледин с отдельными верными частями. Остальные либо будут колебаться, либо открыто выступят против. Да и помимо армии... Вот надо будет тебе срочно перекинуть своих бойцов в Питер, столкнешься с саботажем путейцев, которые загонят эшелон к черту на кулички, – и что? Будешь обходчиков на рельсах расстреливать?

– Буду расстреливать тех, кто это организует. На каждом перегоне брать начальника станции с собой и, если что, – сразу у насыпи пулю в лоб. И чтобы он об этом заранее знал!

Павлов молча смотрит на меня, затем сокрушенно вздыхает:

– А если на тебя сейчас навалится вся эта судейско-адвокатская... стая?

– Поищут свидетелей в ресторане, на Невском, в синематографе. Ну, приехал офицер с фронта, дорвался до удовольствий, нажрался в меру дозволенного и поехал на квартиру отсыпаться.

– Да не поможет это всё! Глазом моргнуть не успеешь, разжалуют, лишат всего и посадят.

– Ну, это вряд ли. Скорее всего, уеду куда-нибудь подальше, в спокойную страну...

– Уедет он... В Сибирь ты уедешь! И хорошо, если по дороге не грохнут... Ладно, оставим пока эту тему. Но будьте любезны, господин капитан, больше никакой самостоятельности, –

Иван Петрович «выпускает пар» и переводит разговор в более конструктивное русло: – Я уже практически отработал технологию получения очень интересных веществ, с помощью которых можно легко воздействовать на психику...

– Скополаминчиком хвастаетесь, господин академик?

– Уже известили? – Павлов, впрочем, не выглядит удивлённым.

– Да, Петр Всеславович обо всём рассказал.

– Еще один сторонник силовых методов! – хмыкает Иван Петрович вполне безобидно. –

Повторюсь, я не против ваших действий, но считаю, что поры до времени работать надо тихо и незаметно. А жёсткие акции приберечь на последний момент и проводить быстро, неожиданно и сразу во многих местах... А пока использовать новейшие достижения химии. В частности, кроме упомянутого скополамина есть еще такие «лакомства», как ЛСД и псилоцибин. Пришлось повозиться на пару с Голубевым, но результаты очень даже неплохие. Он, кстати, сказал, что при должном использовании их можно с успехом применять при лечении той же шизофрении...

– Ага, сначала посадим на иглу, а потом будем лечить. Кстати, напомните мне, пожалуйста, господин академик, в смысле – товарищ майор, ЛСД-28, случайно, не классифицируется как боевое отравляющее вещество психохимического действия?

– Даже если и так? По-моему, это всё же лучше, чем стрелять направо и налево. Я имею в виду, что шума будет не в пример меньше... Ладно, наливай свой чай, и поговорим о дальнейших делах.

Наполняя посуду круто заваренным чаем, не успевшим остыть за время павловских пассажей, и с нетерпением жду продолжения. Академик с видимым удовольствием делает пару глотков, затем возвращается к беседе:

– С Николаем дела обстоят неважно... На престол ему уже не вернуться. Состояние по-прежнему тяжёлое, но о погосте речь уже не идёт. Скорее всего, на ближайшей неделе придётся ампутировать два пальца на руке – гангрена. На лице останутся следы от ожогов, хромота будет – связки повреждены. Да и сам он считает, что это ему – кара небесная.

– Я так думаю, есть за что. В такую задницу страну загнать!.. А медицина, значит, бессильна, другими делами занимается, грибочки интересные выращивает, – позволяю себе немного поехидничать.

– Во-первых, антибиотики пока только зарождаются как класс лекарств, причём давать что-либо без достаточных клинических испытаний данному конкретному пациенту – по меньшей мере верх глупости. – Павлов не обращает внимания на моё ерничание. – А во-вторых, я там не единственный врач. С Боткиным общий язык нашёл, но вот этот хренов Гришка с помощью Аликс доставляет немало проблем. Боится свою выгоду упустить, вот и нащёптывает. Это ему не так, то не этак. И Николая специально уморить хотим, и не от Бога эти все лекарства да аппараты...

– Так, может, в речку его, пока льдом не покрылась? Или князине Юсупову намекнуть, чтобы шевелился побыстрее?

– Не надо, с ним я как-нибудь сам... поработаю. А вам, Денис Анатольевич, задание посерьёзней предстоит. Через неделю Федор Артурович будет в нашем институте, великий князь Михаил тоже должен приехать. Указ о назначении его регентом вчера подписан, завтра-послезавтра объявят. На опекунов Николай с Аликс не решились, в основном из-за мадам Брасовой. Император сказал, что не собирается отдавать воспитание сына в руки *этой*... Михаилу Александровичу придётся назначить Регентский совет, вот он и хочет послушать наше мнение. Но помимо этого, открою маленький секрет, назначит вас офицером на должности флигель-адъютанта. Не волнуйтесь, батальон по-прежнему остаётся под вашим командованием. В том числе и для ценза. Не смогли мы пока вас сделать подполковником, но стараниями Кел-

лера орденов у вас теперь полный комплект. И запись в формуляре имеется, мол, заслужил все награды, положенные в его чине.

– Как это – все? – удивляюсь вполне искренне.

– А вот так. Станислав третьей степени с мечами и бантом за успешное задержание в прифронтовой полосе германского шпиона, оказавшего со своим подручным вооруженное сопротивление. И Анна третьей степени с мечами и бантом за получение в пятнадцатом году в германском тылу важных разведывательных сведений, ныне полностью подтвердившихся. Как говорили... м-м-м... в другом месте и в другое время – «награда нашла героя». Так что примите мои поздравления, но сейчас разговор не об этом. – Иван Петрович делает еще несколько глотков из своей чашки и продолжает, стараясь говорить тише: – Надо решать вопрос с германским фронтом. Сепаратный мир и выход из Антанты нам не нужен – Германия и так обречена. Слишком активных действий, как того хочет наш генерал Келлер, нам делать тоже не дадут. Я имею в виду англичан с французами. Сами знаете, по их планам наша задача – оттягивать на себя как можно больше немцев, не имея при этом никаких успехов. По их цивилизованному мнению, не должны мы выиграть эту войну, Денис Анатольевич, должны только обескровить себя и противника. Чтобы они потом захватили обе страны. Поэтому мы предложили великому князю Михаилу устроить «странную войну», как это было в тридцать девятом. Фронт будет, стрельба – тоже, но кровь лить очень сильно воздержимся.

– А те же англо-французские пастухи, что, молча будут на это смотреть?

– Основной причиной пассивности будет саботаж зажавшихся вконец чиновников и террористическая деятельность всяких там революционеров. Причём и то, и другое должно иметь явный германский след... Как и что делать конкретно – поговорим в институте, но по-любому должно быть решено на самом высоком уровне. А чтобы обеспечить встречу этих высоких договаривающихся сторон, и нужен этот самый «офицер на должности флигель-адъютанта» с самыми широкими полномочиями. И батальон его головорезов для безопасности, скрытности и успешности проведения переговоров. Я имею в виду, чтобы никто и ничто не смогло помешать.

– И как, Иван Петрович, вы это себе представляете?

– В институте до сих пор находится знакомый вам гауптман фон Штайнберг со своим заместителем. Они уже раскололись до самого доньшка и теперь маются неизвестностью относительно своей дальнейшей судьбы. Гауптман признался, что работает на разведотдел германского генштаба, который возглавляет полковник Вальтер Николаи. Данный господин вхож в ближайшее окружение кайзера, насколько мы знаем, имеет право личного доклада Вильгельму.

Вы должны убедить фон Штайнберга и Майера в нашей заинтересованности в затишье на фронте, затем переправите их к своим, договорившись о связи. Немцы давно уже ищут возможность для конфиденциального разговора. Покушение на Николая, кстати, тоже с этим связано. Как раз незадолго до этого в Стокгольме был снова замечен некий господин Андерсен, уже два раза выступавший посланцем датского короля Христиана Десятого с мирными инициативами.

– Что, план Шлиффена не сработал, теперь хвост поджигают?

– Похоже, что – да. И будут торговаться изо всех сил. Утопающий хватается даже за соломинку.

– Это, конечно, все хорошо, но пока у них большой кусок нашей территории. И я так думаю, они с ним не очень охотно будут расставаться.

– А если... Хм... Денис Анатольевич, вы натолкнули меня на интересную мысль.

Академик какое-то время смотрит в никуда, задумчиво позвякивая ложечкой в стакане.

– Нет, надо будет досконально изучить данный вопрос... Это я к тому, что, выйдя на границу с Польшей, объявить о даровании ей независимости. Давно ведь обещали. Как поведут себя поляки? Учитывая Польский легион у австрийков и, допустим, отправку Польской

стрелковой бригады из нашей армии... Ладно, не будем бежать впереди паровоза... Пока что ваша задача – поработать с гауптманом и отправить его живым письмом в родной фатерлянд. А там – ход за немцами. Думаю, должны откликнуться. Так что, решайте, господин капитан, все неотложные вопросы, и – вперёд, в Москву.

– Подготовка к экзаменам в Академию подпадает под категорию неотложных? С такими вояжами я рискую с треском провалить их. Там те еще церберы сидят, без ножа режут...

– Справитесь, Денис Анатольевич, я в вас верю, – заявил, хитро прищурившись, Павлов. – Чтобы вы, да не смогли? Все, благодарю за чай, пора ехать...

Глава 13

Мы сидим в кабинете академика и, неторопливо переговариваясь, пьём кто чай, кто кофе, ожидая прибытия регента империи его высочества великого князя Михаила Александровича, который, как и положено всем особо важным персонам, искренне считает, что людям его круга позволительно опаздывать на ...дцать минут из-за каких-либо виртуально-неотложных дел. К чести последнего, опоздание не превысило правил приличия и было обусловлено неисправностью в моторе авто, что легко проверялось и, скорее всего, было правдой.

На этом собрании высокого ареопага мне приходится довольствоваться ролью статиста и зрителя, что отнюдь не способствует хорошему настроению. И вовсе не потому, что накатывает приступ мании величия, просто если сначала приходится слушать о проведённой работе и успехах других, значит, потом придётся с большой долей вероятности исполнять их решения... Хотя моя фамилия всё же прозвучала и даже не в винительном падеже из уст генерала Келлера:

– ...Благодаря грамотным и самоотверженным действиям капитана Гурова и его батальона Барановичская операция, проведённая с небольшими потерями, привела к отводу германских войск на запад до линии Луцк – Холм – Влодава – Белосток – Августов – Кошечары – Свенцяны – Двинск – Рига. Учитывая, что генералу Брусилову так и не удалось похоронить наш Второй Гвардейский корпус в болотах под Ковелем, который германцы оставили из-за угрозы окружения войсками Западного фронта, – результат более чем положительный.

Да, задача летней кампании, будем считать, выполнена. – Великий князь на секунду довольно улыбается, потом снова становится серьёзным. – Теперь дело за союзниками, которые сейчас, не жалея, кидают свои дивизии в мясорубку под Соммой. По данным нашего Генштаба, на середину августа их потери уже составили около ста двадцати тысяч английских солдат и сорока тысяч французских. Это при том, что успех очень сомнительный, первая полоса обороны прорвана частично, только в нескольких местах. К сожалению, более подробной информацией я пока не обладаю. И не исключаю, господин капитан, что всё же придется вам пообщаться с представителями союзников с целью изучения ими новых способов действий в позиционной войне...

Предчувствия меня не обманули! Пам-парам!.. Ну вот, началось! На кой хрен, спрашивается, нужны мне эти, не приведи Господь, будущие коллеги-конкуренты? Может, их превентивно похоронить без лишнего шума?..

– Надеюсь, размытых фраз типа «с Божьей помощью» и «повезло» им будет достаточно?

– Добавьте, Денис Анатольевич, к вышеперечисленному общий замысел, не раскрывая конкретных тактических деталей и особенностей подготовки личного состава, и будет вполне приемлемо, – видя мою кислую мину, дружески улыбается Федор Артурович. – Задача достаточно простая – и рыбку съесть, и... косточкой не подавиться.

– Ага, знаю я ваши простые задачи. Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что, сделай так – не знаю как, но чтобы начальству понравилось... Ладно, разберёмся что рассказать, что показать, а что и дать попробовать.

– Денис Анатольевич, я не имел в виду лично вас. Проинструктируйте кого-нибудь из офицеров батальона, потому как сами в это время будете заниматься совсем другим делом. Не снимая с командования батальоном, как главнокомандующий, назначаю вас офицером для особых поручений, прикомандированным к Ставке. Официально будете в подчинении генерала для поручений Петрово-Соловово, но Борис Михайлович будет извещён, что вас не надо загружать кроме как по моему личному указанию. – По всему виду великого князя ясно, что он затронул важную тему. – Прошу отнестись к этому со всей серьёзностью. Мне нужен человек, который будет моими глазами, ушами и руками и которому я могу всецело доверять... Иван Петрович и Федор Артурович, когда рассказывали... м-м-м... некую историю одной страны, упомянули термин «странная война», произошедшая между... В общем, вы понимаете, о чем я. Так вот, я хочу еще раз обсудить со всеми присутствующими, насколько нужен нам аналог сего действия в отношении Германии.

– Ваше импе... Простите, Михаил Александрович, но я остаюсь при своём мнении и считаю, что мы должны продолжать активные действия против рейха, – Келлер высказывается первым и, судя по тону, о наболевшем. – Даже в этой кампании мы могли бы ликвидировать балтийскую группировку немцев, освободить Ригу, снова провести наступление в Восточной Пруссии, не повторяя ошибок четырнадцатого года.

– Федор Артурович, положение в стране именно сейчас очень напряжённое. Думцы чуть ли не на каждом углу кричат об ответственном министерстве, что означает, если вы забыли, подотчетность исполнительной власти перед ними, следовательно, фактическое установление конституционной монархии, – Павлов со своего места пытается урезонить развоевавшегося генерала. – Параллельно с ними агитаторы всех мастей очень вольготно чувствуют себя как в запасных батальонах, так и в частях на фронте. И тоже хотят добиться уничтожения существующей власти. И в такой момент кидать в наступление наиболее верные и боеготовые полки – не самый лучший вариант. Мы сейчас можем рассчитывать на ваш особый корпус, Деникина и Каледина... Простите, Денис Анатольевич, и на ваш батальон – тоже...

– Добавьте еще моих горцев из Дикой дивизии, Иван Петрович, – добавляет великий князь Михаил Александрович. – В Ставке имел беседу с генерал-лейтенантом Багратионом, что ныне ей командует. Дмитрий Петрович в приватном разговоре заверил, что меня там помнят и достаточно будет только одного слова... Нет, я отнюдь не восторженный юноша, верящий первому встречному. Я выезжал на пару дней на Юго-Западный фронт, чтобы оценить реальное положение дел, и нашёл время и возможность побывать в гостях у старых сослуживцев. Они действительно пойдут за мной, если позову.

– Прошу простить, Михаил Александрович, но насчет этих джигитов у меня есть сомнения, – пробую высказать свое единственно правильное (для меня, во всяком случае) мнение, а то опять начнется спор ради спора. – И дело не в их верности, а в том, что если кавказцы будут использованы при возникновении городских беспорядков, нашим либерастам... виноват, интеллигентам очень быстро придёт на ум сравнить их с монголо-татарами и окрестить вас новым, но от того не менее кровавым Батыем... Что же касается дальнейших планов, мне кажется, что нельзя успешно воевать с очень нестабильным и непредсказуемым тылом. А он в данный момент таковым и является. Поэтому лучше – странная война... Более того, мои слова могут показаться несколько кощунственными, но я бы даже исподтишка поощрял солдатские братания, направляя их, естественно, в определенное русло.

– Что вы имеете в виду, Денис Анатольевич? – великий князь озвучивает общий вопрос.

– То, что образ врага в лице германцев у нас давно уже сформирован и, как мне кажется, порядком подзатёрт. Простые солдаты, который месяц уже сидящие в окопах, начинают видеть в зольдатенах таких же простых людей, как и они сами... Если следовать нашим послевоенным планам, чтобы «дружить» с Германией, нужно немного очеловечить немцев. Естественно, не всех и не до такой степени, чтобы солдаты отказывались воевать. Основная мысль, которую

нужно вложить им в головы – да, мы сейчас воюем, но вы, гансы, жрите свою консервированную позапрошлогодную брюкву, а у нас питание всяко получше. И после войны его императорское высочество регент Михаил фронтовикам землю даст, ведь после японской выкупыто отменили же, как об этом молва людская талдычила. А вот когда закончим воевать, оттаптываться на гордости побежденных не собираемся, мол, русский человек отходчив, сначала подрались, потом бутылку мировой выпили и помирились...

– Ну да, учитывая поговорку «Что немцу смерть, то русскому похмелье»... И кто же будет эти мысли в солдатские головы вкладывать? – с явным сомнением в голосе интересуется Келлер.

– Во-первых, полковые священники, вдохновлённые протопресвитером Георгием Шавельским после доверительной беседы с главнокомандующим. А во-вторых, господа жандармы, которые получают пока негласное разрешение создавать агентуру в войсках, пусть даже втайне от командующего Отдельным корпусом. Разумеется, не кто попало, а проверенные люди.

– Решили идеологической работой заняться, господин капитан? – Павлов с усмешкой смотрит на меня. – Кстати, хотел вам поручить одно дело, которое сами же и инициировали, но пока что не получается... Я насчет предложенных великой княжне Ольге фронтовых агитбригад. Но Шаляпин пока в Крыму, пишет какую-то книжку на пару с Горьким, так что придется обождать.

– Для этого, Иван Петрович, суперстары не так уж и нужны. Несколько поющих, например, сестер милосердия и гармошка с гармонистом впридачу – на первых порах достаточно. А Шаляпин ваш – он же классик, сомневаюсь, что он будет петь «Землянку» или что-нибудь подобное.

– А вот тут угадали, Денис Анатольевич! – Академик теперь уже широко улыбается. – Принц Ольденбургский одобрил инициативу, и во многих госпиталях уже вовсю проходят вечерние или воскресные мини-концерты. Так что появится свободная минутка, зайдите ко мне, надо подумать насчет репертуара.

– Это всё хорошо, но мы несколько отвлеклись от повестки дня, – немного недовольно останавливает нас Келлер. – Хорошо, я не против этой странной войны, тем более что бои местного значения никто не отменяет в таком случае...

– Да, прошу простить, ваше императорское высочество. Что я, как офицер для особых поручений, должен делать?

Великий князь Михаил снова недовольно морщится, но затем, понимая, что другое обращение в данном случае прозвучало бы несколько фамильярно, переходит к сути вопроса:

– Ваше первое поручение – через пленного гауптмана и его заместителя наладить контакт с разведывательным отделом германского Генерального штаба и предложить через него кайзеру обсуждаемый сейчас вариант. Условия, при которых мы можем пойти на это, обсудим позже. Нынче нам нужна связь, свидетельствующая о заинтересованности германцев в нашем предложении. Далее, господа, я хочу задать один вопрос и прошу ответить на него совершенно искренне... Кто-либо из вас причастен к смерти господина Гучкова?..

Как по команде три пары глаз смотрят на меня. Что, в принципе, совершенно ожидаемо. Кто же еще в нашей компании может быть убийцем и душегубом?..

– Так точно, ваше императорское высочество! Операция задумана и проведена мною. Стрелял сам лично...

– Господин капитан, потрудитесь объяснить причины, толкнувшие вас на этот шаг. – Михаил Александрович с деревянным выражением лица пристально смотрит на меня.

– Причин две. Первая – этот человек давно состоял в списке на ликвидацию. Вторая – он пытался организовать похищение моей беременной супруги, чтобы потом шантажировать меня и понуждать к нужным ему действиям...

Краем глаза ловлю еле заметный одобрителный кивок Келлера. Великий князь смотрит по-прежнему «официально»... А на помощь неожиданно приходит Павлов, еще недавно костеривший меня за сделанное:

– Михаил Александрович, капитан Гуров провёл пока первую часть большой операции по предотвращению масонского заговора. Благодаря переполоху, который вызвала кончина вышеозначенного господина вкупе с достаточно обширными сведениями, полученными ротмистром Воронцовым от князя Урусова, мы теперь знаем гораздо больше о численности масонов, их возможностях и связях с... скажем так, нашими союзниками. Предварительно они планировали к октябрю-ноябрю довести до предела недовольство всех слоев общества императором и, осуществив заговор, прийти к власти, выдавая себя за спасителей нации и государства. Назначение вас регентом и успехи на фронте спутали им все карты, поэтому недавно прошёл съезд масонских венераблей, на котором было решено окончательно объединиться под руководством ложи «Великий Восток народов России», возглавляемой ныне товарищем председателя Государственной Думы кадетом Некрасовым.

Как врач добавлю от себя, что Гучков подобен был гангренозной ткани, которую нужно удалять хирургически, ибо терапия тут бессильна. А вот с вышеупомянутым князем Урусовым, оказывается, не всё так плохо, как мы думали. Он вполне может стать нашим союзником, если с ним вдумчиво поработать. В масоны подался, грубо говоря, с обиды, когда был приговорён к четырем месяцам тюрьмы за правдивое изложение нравов и поведенческих привычек наших чиновников в своих «Записках губернатора». Видно, решил, что другими способами добиться изменений невозможно...

– Хорошо, господа. Но впредь попрошу воздерживаться от подобных действий без крайней на то необходимости. Мне не хотелось бы постоянно читать в газетах некрологи и отправлять соболезнования, как в данном случае. Теперь о самом главном вопросе, ради которого мы все здесь и собрались. Необходимо сформировать Регентский совет, и я хочу услышать ваши предложения.

– Выбор у нас не так уж и велик, поскольку в Совете должны присутствовать лица, имеющие чины не ниже второго. – Павлов открывает лежащую перед ним на столе папку. – И первым посмею рекомендовать его императорское высочество принца Ольденбургского. Предполагаю, что он будет курировать вопросы медицины и здравоохранения.

– Да, Александр Петрович на должности верховного начальника санитарной и эвакуационной части показал себя с самой лучшей стороны, – великий князь соглашается с кандидатурой. – В полном соответствии со своим девизом «Нужный человек в нужном месте».

Келлер утвердительно кивает, мне не остается ничего, кроме как с умным видом сделать то же самое. Можно подумать, я разбираюсь во всех этих сановниках, чиновниках и прочих небокоптителях! Не хочет академик сразу предложить весь список, нужна ему коллективная ответственность и открытое голосование!.. Как будто я могу в данном вопросе что-то интересное предложить!.. Хотя стоп! Могу...

– Вопрос разрешите, Иван Петрович? Мы сейчас обсуждаем, так сказать, высший эшелон власти. А кто будет его единственно правильные и мудрые решения переводить в конкретные дела и, тем более, следить за их выполнением? Или, как всегда, пустим это дело на самотёк?

– Нет, Денис Анатольевич, ни в коем разе. – Павлов как будто ждал этого вопроса. – В дополнение к Регентскому совету предлагается создать, скажем так, исполнительный комитет, куда будут входить чиновники рангом пониже, но обладающие определенными качествами. В качестве примера приведу сенатора Гарина, служащего сейчас помощником военного министра. В свое время его ревизии канцелярии Московского градоначальника и Военного ведомства произвели фурор. То есть человек, умеющий раскручивать дела о злоупотреблениях невзирая на чины и должности, у нас на примете есть... Ну и так далее. После Регентского совета обсудим и этот... исполком.

Следующие кандидатуры – Александр Федорович Редигер и Александр Петрович Вернандер. Первый – генерал от инфантерии, до 1909-го был военным министром, пока не выступил с критикой, замечу – абсолютно правильной, действовавшего командного состава армии, за что и был императором уволен от должности...

– Теперь, я думаю, такого не произойдет, – негромко как бы рассуждает вслух Михаил Александрович.

– Второй – генерал-инспектор, до марта пятнадцатого – помощник военного министра, курировавший все инженерные вопросы военного ведомства. И очень хорошо в них разбирающийся. Что касается экономики и, в частности, финансов... Можно задействовать председателя Государственного совета Анатолия Николаевича Куломзина, он специалист по земельному вопросу и сведущ в финансах, и Николая Эдуардовича Шмемана, возглавляющего Особое присутствие того же Госсовета по делам об отчуждении недвижимого имущества в пользу государства. Будет кому проводить национализацию...

Аж до зевоты скучное совещание «в верхах» тянется со скоростью никуда не спешащей черепахи и, кажется, длится уже целую вечность. Ну не разбираюсь я во всех этих хитро-премудростях!.. Федор Артурович вон тоже сидит с таким видом, будто лягушку проглотил. На французский манер...

– ...Наш знаменитый юрист Анатолий Федорович Кони, сейчас возглавляющий комитеты Государственного совета по делам жертв войны, организации помощи беженцам, сбора денежных средств.

– Насколько я помню, он принимал активное участие в процессе Засулич, – подает голос великий князь. – И, несмотря на все увещевания начальства и... высших сфер, присяжные вынесли оправдательный вердикт.

– В данном случае это говорит только о его честности, – пытаюсь хоть как-то, через «не хочу», поучаствовать в мероприятии. – А что касается прецедента, Трепов сам виноват. Решил посамодурничать, вот и получил в полном соответствии с третьим законом Ньютона.

– Денис Анатольевич, если бы всё было так просто... – Михаил Александрович пытается наставить меня на путь истинный. – Сам Трепов поступил, конечно, неправильно, но ведь он был в тот момент олицетворением власти, и Засулич показала, что с ней можно успешно бороться преступными методами и при этом оставаться безнаказанным. Что впоследствии и стало повсеместным явлением.

– Сама власть должна быть адекватной и не покрывать придурака, а наказывать. Ему прекрасно было известно, что лица дворянского происхождения, пусть даже и самые захудалые студентишки, телесным наказаниям не подлежат. Да, тут еще один нюанс вырисовывается. Ни в коей мере не пытаюсь очернить предложенные кандидатуры, хочу обратить внимание на их нерусские фамилии... Не надо подозревать меня в шовинизме, просто посмотрите на список глазами обывателя...

Дальнейшего продолжения диспута на тему не получилось. В оконное стекло негромко звякает камушек, затем с улицы раздаётся очень знакомый свист «Ко мне»!.. Через мгновение уже вижу машущего мне Семена!.. Только в одном случае он мог так!..

Несусь к выходу, перепрыгивая через неудачно подвернувшийся на пути стул, вопль-фраза «Ваше высочество, прошу разрешения отсутствовать!» заканчивается уже на выходе из «предбанника» с охреневающим секретарём... Семен успевает крикнуть только одно слово «медкорпус» и, несмотря на все свои старания, оказывается далеко позади. Взлетаю по лестнице на второй этаж, где расположен операционный блок, толкаю ладонью дверь, филенка, расколовшись на две половинки, летит на пол. Черт, она же наружу открывается!.. Дергаю ручку на себя, в двух шагах вижу тещу и доктора Голубева. Последний, уже придя в себя от неожиданного грохота, обращается ко мне:

– Денис Анатольевич, голубчик, все хорошо. Начались предродовые схватки, поэтому я поместил Дарью Александровну в палату под присмотр сиделки. И сам буду всё это время поблизости. У нас в запасе есть несколько часов, Иван Петрович давно уже договорился с московскими врачами, их только нужно доставить сюда...

– Спасибо, Михаил Николаевич! Я сейчас сам сгоняю в Москву, только разрешите с Дашей повидаться!

– Да, конечно, пойдите вместе с Полиной Артемьевной.

– Денис, всё хорошо. Дашенька почувствовала недомогание, и несколько раз схватило живот, поэтому я позвонила Михаилу Николаевичу, – тёща со своей стороны тоже пытается меня успокоить. – Идемте в палату, она ждет вас...

Бледная Даша лежит на кровати, глядя на меня встревоженными глазами. Опускаюсь рядом с кроватью на колени, беру в руки её ладошку и успокаивающе глажу чуть влажноватые пальчики.

– Вот, Денис, началось... Сначала пару раз толкнулся как обычно, а потом... То скрутит, то отпустит, то тянет...

– Маленькая, всё будет хорошо. Сейчас метнусь в город за врачом. Я – быстро!.. Не успеешь соскучиться...

Наклоняюсь к животу и шепчу так, чтобы она тоже слышала:

– Сыночка, потерпи еще чуток, папка сейчас доктора привезёт, и он тебе с мамой обязательно поможет...

В ответ ощущаю легкий толчок и слышу Дашино «Ой, мамочка!». Полина Артемьевна тут же оказывается рядом, а я уже спешу к Павлову за транспортом. А если они еще не успели закончить свою разжевальню-говорильню?.. А, наплевать! Пусть всё идет к чертям собачьим, у меня есть дело поважнее!..

* * *

– Господа, кто-нибудь может объяснить мне, что происходит? – Великий князь Михаил недоумённо переводит взгляд с Келлера на Павлова.

– Мальчишка! – добродушно улыбаясь, хмыкает в усы Федор Артурович. – Готовится вот стать отцом.

– Простите, Михаил Александрович. Мне нужно отдать кое-какие распоряжения. – Академик крутит ручку вызова телефона, стоящего на рабочем столе...

– Коммутатор, дайте мне гараж... Николай Адамович?.. Это Павлов. Два самых надёжных и быстрых авто – к мед-корпусу. Второй водитель пусть забежит за сопроводительной запиской. Адрес – Лепехинский родильный дом... Да, на Покровке. Пассажиром едет капитан Гуров... Да, если по пути он захочет сам сесть за руль, не препятствуйте. Всё равно это не поможет...

Итак, на чем мы остановились?.. По Регентскому совету всё ясно, давайте обсудим, как быть со старообрядцами...

Глава 14

Быстрее!.. Еще быстрее!.. Ровный участок, можно втопить газ до полаика!.. Хотя «ровный» – понятие относительное. Если к двадцать первому веку в России были еще не дороги, а направления, то что говорить о сегодняшнем дне... Черт, ямку проморгал, тряхнуло от души... Институтский завгар, сорокалетний вислоусый крепыш Николай Адамович, встретивший меня возле медицинского корпуса, лишь обречённо вздохнул, увидев, что я моментально пропи-сался на водительском месте, и теперь изредка подсказывает дорогу на немногочисленных раз-

вилках и сокрушённо наблюдает, как я издеваюсь над его любимым детищем. Вторая машина давно уже отстала, не выдержав гонки, хотя скорость удастся развить ну очень сумасшедшую – километров двадцать пять – тридцать по прямой. Ничего, Москва уже близко, там газанём...

От суматошной затурканности не осталось и следа, она исчезла, уступив место холодно звящему внутри чувству обострённого напряжения. Как в разведвыходе перед снятием часового...

О, вот и Первопрестольная, теперь будет легче... Или тяжелее, потому что злобный завгар заставляет остановиться и поменяться с ним местами, аргументируя тем, что он, коренной москвич, доедет быстрее, чем пусть и способный к «экстремальному» вождению, но уж очень рискованный и лихой господин капитан в состоянии такого душевного волнения... И под его чутким и мудрым руководством аппаратом мы лихо минуем переезд через «железку» прямо перед большим стадом будущих бифштексов и колбас, следующих, судя по всему, на мясобойню. Но вскоре тормозим перед низеньким мостом над дорогой, который Николай Адамович гордо обзывает виадуком Московской окружной железной дороги. Рядом стоит интересная церковь с часами на колоколенке, из-за которой, преграждая нам дорогу, двигается еще один поток бурёнок, абсолютно не реагирующих на жалкие просьбы клаксона пропустить нас вперед. Твою ж дивизию!.. Сколько мы тут еще торчать будем?!.. Завгар тоже матерится про себя, затем, приняв решение, нажимает на какую-то кнопку на приборной панели... Ну ни хрена себе!.. Не спецсирена, конечно, и не паровой гудок, но что-то такое внушительное раздаётся! Коровы вместе с пастухами от неожиданности шарахаются в стороны, освобождая кусочек свободного пространства. Куда мы тут же и въезжаем. Снова ревун, продвигаемся еще метров на пять. Опомнившиеся погонялы, решив, что дешевле будет не связываться, разгоняют коров, и наконец-то мы минуем этот живой поток...

Тряска по булыжной мостовой заставляет крепче ухватиться за раму лобового стекла, Николай Адамович умудряется еще и почти непрерывно бибикать в клаксон, распугивая с дороги немногочисленные пролётки, велосипедистов и идиотов-пешеходов, возмнивших, что им дозволено гулять по проезжей части, как у себя в огороде... Пару раз городские гневно свистят вслед, но... Рождённый ползать летать не может...

Городской лабиринт с кучей поворотов заканчивается внезапно, завгар притормаживает у открытых ворот меж двух каменных домов и заезжает внутрь, но на полпути до каких-то импозантных хором с башенкой на крыше поворачивает налево в ничем не примечательный проезд и притормаживает, показывая рукой на двухэтажное здание. Выпрыгиваю на ходу и несусь к открытым дверям, сжимая в руке драгоценную записку Павлова к доктору Грауэрману. В кабинет к которому прорываюсь внаглую, игнорируя остальных посетителей. Невысокий, худощавый пожилой дяденька с интеллигентской бородкой клинышком недоумеая смотрит на меня через стеклышки пенсне, прекратив на время что-то надиктовывать сестре милосердия, очевидно, подрабатывавшей делопроизводителем.

– Здравствуйте, доктор! Академик Павлов просил передать. – Протягиваю ему чуть помятый конверт.

– Здравствуйте, молодой человек. Меня зовут Григорий Львович. А вы?.. – Он вопросительно смотрит на меня.

– Простите... Денис... Капитан Гуров... Денис Анатольевич... Скажите, что нужно взять с собой, авто во дворе...

– Вы хотите отвезти нашу клинику к своей супруге, вместо того чтобы сделать наоборот? – удивленно улыбается доктор, но заметив мою начинающую звереть мордочку, возвращается к серьезному тону и обращается к секретарше: – Татьяна Ивановна, будьте любезны, сопроводите господина капитана к Михаилу Сергеевичу и передайте, что у нас важный и срочный вызов. Да, и Клавдию Михайловну пусть возьмёт с собой. Великодушнейше прошу простить, но сам поехать не смогу, у меня – важные посетители. Доктор Малиновский – наш луч-

ший врач, я ему всецело доверяю, и договорённость с Иваном Петровичем была именно в отношении него.

Медсестра быстро выходит из кабинета, через закрывающуюся дверь слышу, как она извиняется, что к доктору срочный посетитель, вызывая своими словами недовольный гул. Я сейчас там повозмущаюсь кому-то!.. Бурчать в морге будете! Ладно б еще дамы ждали, а то сидят там какие-то скользкие типчики с противными глазами пройдох-гешефтмахеров...

– Большое спасибо, Григорий Львович!..

Быстренько жму на прощание руку и бегу догонять «секретаршу»... Нужного нам господина находим на втором этаже в процедурной. Коренастый, плотный субъект лет тридцати пяти долго и сосредоточенно полощет верхние конечности под краном, слушая объяснения медсестры, затем мою краткую, но очень эмоциональную просьбу помочь как можно быстрее. Вытерев полотенцем, протягивает руку для знакомства, представляясь очень кратко:

– Михаил Сергеевич.

– Денис Анатольевич... Нам нужно спешить!..

Доктор тем временем достает из шкафчика саквояж и задумчиво начинает перебирать его содержимое.

– Михаил Сергеевич, а можно как-то побыстрее?..

– Скорость нужна, господин капитан, как сказала одна из моих многочисленных пациенток из народа, только при ловле паразитов и при диарее, если знаете, что это такое... Вы ведь, судя по орденам, специалист в своей профессии? Так вот, я – специалист в своей. Посему попрошу не мешать...

Да знаю я, что такое диарея, и даже вызвать могу. Кровожадной улыбкой или несколькими движениями!.. Да что ж ты, Пилюлькин, копаешься так долго?..

– Тэк-с, остальное, я думаю, у Ивана Петровича найдется... Скажите мне лучше, как всё началось.

– Ну... Меня вызвали, когда супруга была уже в палате. Она сказала, что ребёнок несколько раз толкнулся, а потом начались схватки... Это было часа полтора-два назад... Я поехал за вами...

– Вот видите, ничего страшного еще не случилось, а вы уже паникуете... Сейчас, между прочим, должен состояться опекунский совет, на котором будут рассматриваться важные для клиники финансовые вопросы. Боюсь, Григорию Львовичу без моей помощи трудно придётся с этими... кровососами. Заключают ведь старика...

– Пусть только пикнут! А на освободившиеся места я вам меценатов найду. Сам первым запишусь!..

– Это называется не меценатство, а филантропия... Ну всё, пойдемте...

Несмотря на извечную тягу слабого пола тянуть резину и копать, сопровождающие доктора акушерка и еще какая-то ассистентка появились буквально спустя минуту после того, как мы с доктором запрыгнули в автомобиль. Точнее, запрыгнул я, а Михаил Сергеевич, не особенно торопясь, подошёл и сел на заднее сиденье, стараясь устроиться поудобней. Еле дождавшись, пока все займут свои места, стартую в обратном направлении. Сам, с ветерком. Завгар предлагает обратно ехать по Дубровскому шоссе, чтобы снова не попасть в затор, и, как штурман, подсказывает дорогу. Теперь весь вопрос в скорости...

Снова тряска по булыжникам, частое кваканье клаксона, пассажиры, судорожно вцепившись в наиболее прочные детали кабины, получают экстремальное, судя по звукам, удовольствие. Потерпите, пожалуйста, дамы и господа, дело не терпит отлагательств... Едем пока без приключений... Тьфу, бл..., чуть не сглазил! На перекрестке нам пытается преградить дорогу чья-то роскошная «тачка». Жму на заветную кнопку, ревун изображает рёв рассерженного дракона, со всей дури выкручиваю руль вправо, газую до отказа и в трёх метрах огибаю

чужой радиатор, теперь руль – обратно. На фоне испуганных женских ахов слышен панический вскрик доктора:

– Боже мой, это же экипаж градоначальника!..

– Плевать!.. – перекрикивая движок, рычу в ответ. – Дороги равнозначные!.. Помеха справа!.. Должен уступить!..

Москва уже позади, еще немного – и приедем... Дашенька, милая, потерпи, я уже близко!.. Еще немного, еще минут десять... еще несколько поворотов... Вот уже и КПП!.. Машины узнают, или предупреждённая Воронцовым охрана забивает на обычный ритуал допуска и просто распахивает ворота. Скидываю скорость, кручусь в «лабиринте», затем снова газу, и – к медкорпусу... Даша, я уже здесь!..

Глава 15

Восемь шагов в одну сторону, восемь в другую... Уже почти три часа изображаю шагающий маятник в коридоре перед операционным блоком. Сразу по приезде доктор Малиновский вместе с Павловым и Голубевым пошли к Дашеньке, потом минут через десять Михаил Сергеевич вышел и приказным тоном послал нас всех... В смысле – отдыхать и ждать. По его словам, времени в запасе еще достаточно, поэтому нечего создавать столпотворение и бестолковый шум поблизости от роженицы, которой сейчас нужен покой...

Полина Артемьевна с Александром Михайловичем чуть ли не силой утаскивают меня в коттедж перекусить и отдохнуть. Ни первое, ни второе мне не нужно, сижу за столом как на иголках и ковыряюсь вилкой в тарелке, абсолютно не чувствуя вкуса прожёванного. Даша там, а я здесь. И хоть как-то помочь ей не могу... Впервые в жизни жалею, что умею только помогать умирать, а не рождаться... Она там, в палате, одна, слабая, беззащитная, ей тяжело, больно, а я сижу тут и ничего не могу сделать...

– Денис Анатольевич, может быть, для успокоения нервов? – Тесть достает из буфета бутылку шутовского и пытается таким способом привести меня в более адекватное состояние.

– Нет, спасибо, не хочется.

– Действительно, Денис, пожалуйста, успокойтесь, всё закончится хорошо, – тёща в который раз пытается переключить меня на более позитивные мысли. – Дашенька – крепкая, здоровая девочка, беременность протекала спокойно, так что волноваться не надо...

Да понимаю я это!.. Но все равно, мандраж бьёт не по-детски. Лупит, сволочь, по нервам, как барабанщик...

– Кстати, Денис Анатольевич, к нам на строительство приехал некий инженер фон Абихт. Насколько я понял, вы с ним знакомы? – Александр Михайлович тоже пытается вытянуть меня на разговор.

– Да, познакомились в Барановичах. Витольд Арнольдович помогал оборонять город.

– Несмотря на то что сам... германец?

– Его немецкий комендант посадил в тюрьму за то, что он ударил оскорбившего его жену фельдфебеля. Да и так... Общаться времени особенно не было, но мне кажется, что он получше иных русских будет. За командование артбатареей генерал Келлер ходатайствовал о представлении его к награде. Теперь будет вам с заводом помогать.

– Хорошо, а то, пока Миша не приехал, на меня тут столько дел свалилось...

– А скажите мне, любезный зять, каковы ваши планы на ближайшее будущее? – тёща пытается зайти с другой стороны. – Приданным для малыша мы с Дашенькой, естественно, обзавелись, но остался вопрос с мебелью. Нужна кровать и отдельный комод. Дочь сказала, что этот вопрос вы возьмёте на себя.

– Полина Артемьевна, завтра-послезавтра я привезу всё необходимое, – говорю уверенно, потому что по приезде заскакивал в батальон узнать, как идут дела, и Анатолий по сек-

рету сообщил, что всё вышеперечисленное готово. Народ давно уже посоветовался и дал общественное поручение Платоше изготовить «меблю не хуже, как в магазинах», освободив для этого от других дел. И что Серж Оладьин с Бергом лично ездили по этим самым магазинам, снимали мерки и рисовали чертежи.

– Хорошо, хотелось бы поскорее закончить обустройство детской... И простите за бытовые мелочи... Я не знала, к кому обратиться, спросила у Михаила Николаевича, он выразился в том смысле, что к нам «прикрепят» одну женщину из прачечной, но остается вопрос с нянькой. Я, конечно же, буду помогать Дашеньке, но вы же сами понимаете, что...

– Да, конечно, я улажу всё в течение нескольких дней, не беспокойтесь.

Похоже, что тёща пытается загрузить меня этими проблемами, чтобы отвлечь от дурных мыслей.

Разговор заканчивается с появлением молодого поколения в количестве двух взволнованных юношей.

– Всё! Началось! – громко выпаливает Сашка, распираемый ощущением приобщённости к такому важному делу, как появление на свет племянника.

– Нас доктор прислал. Сказал, что уже вот-вот скоро начнется... – Матвей старается держаться солидно, исполняя роль официального вестника, но глазки тоже блестят взволнованно. Надо будет потом его расспросить поподробней, как павловский секретарь не счел нужным беспокоить начальство во время нашей беседы с великим князем и прогнал парня прочь, из-за чего Семену и пришлось устроить спектакль со свистом. А потом прибить чернильного гаде-ныша!..

Изо всех сил стараюсь не спешить и не отрываться от Александра Михайловича и Полины Артемьевны, сопровождаемых возбужденными мальчишками... Ну, наконец-то, вот и медкорпус...

* * *

Восемь шагов в одну сторону, восемь в другую... Разворот, и – снова восемь в одну, восемь в другую... Старшее поколение, хоть и тоже переживает, устроилось на диванчике и, потеряв надежду вытащить меня из транса, время от времени тихонько переговариваются друг с другом парой-тройкой фраз. А я не могу не то что сидеть, даже стоять на месте. Поэтому и маячу взад-вперед, ожидая, что в каждый момент раздастся крик... Павлов, зараза такая, сделал вход в операционную звуконепроницаемым, не слышно почти ничего, только время от времени на грани слышимости раздаются звуки, но абсолютно невнятные. Невозможно понять абсолютно ничего, и это особенно бесит...

Спускаюсь на крыльцо, закурываю уж не знаю какую по счету папиросу. Был полный портсигар, сейчас там сиротливо ютятся две или три штуки... Не ощущаю вкуса табака, просто механически вдыхаю и выдыхаю дым... Окурочек в жестянку, исполняющую роль временной пепельницы, два подхода по сто двадцать отжиманий, чтобы физическим напряжением хоть как-то сжечь нервозность, прополоскать рот мятным отваром из кувшинчика, поставленного тут чьей-то доброй душой персонально, как я понимаю, для меня, и – наверх...

Восемь шагов в одну сторону, восемь в другую... В одну... В другую... Звук отворяемой двери заставляет вздрогнуть, как выстрел в спину! Моментаً разворачиваюсь, два шага вперед, рядом уже Дашины родители... Из-за дверей доносится тоненький возмущенный крик-писк... Улыбающийся Малиновский подходит к нам:

– Ну, господа, поздравляю! У вас – девочка, рост – сорок два сантиметра, вес – около семи фунтов...

– Доктор, можно мне туда?..

– Да, конечно... Денис Анатольевич. – Малиновский не решается мне возразить. – Только, пожалуйста, обязательно надеть халат и вымыть руки как сле...

Бесконечно долгие секунды на мытьё рук «как следует, с мылом и этаноловым антисептиком», накидываю на себя белый балахон, натягиваю бахилы и забегаю внутрь. Обе ассистентки возятся возле приставного столика с пищущим созданием... Даша, бледная, измождённая, лежит на кровати, рыжие кудряшки рассыпаны по всей подушке, смотрит на меня покрасневшими из-за лопнувших сосудов глазами...

– Дашенька... Как ты?..

– Всё хорошо, Денис... – Говорить ей сейчас трудно, голос охрипший и усталый. – Дочка у нас родилась... А ты хотел сына...

Стоп!.. Стоять!.. Дочка родилась!.. Девочка... Сорок два сантиметра... Около семи фунтов... Дочка!..

Даша встревоженно смотрит на меня, ожидая реакции на такую новость...

– Любимая моя... Дочка... Это же еще лучше!.. – Присев на колено, наклоняюсь так, чтобы слышала только она, трогаю губами её ушко и шепчу: – Спасибо тебе... А сына мы еще успеем настрогать...

Моя милая улыбается, но тут же переводит настороженный взгляд на столик, где затихло питание. Одна из акушеров оборачивается:

– Не хотела купаться ваша егоза. Теперь успокоилась, не волнуйтесь.

Поднимаюсь и подхожу к ним, глядя на маленький, чуть шевелящийся сверток со смешно сморщенным, красным личиком. Фраза получается хриплой и какой-то жалобно-просящей:

– А можно мне... подержать её?..

Медсестра аккуратно протягивает мне запелёнанного детёныша, очень осторожно беру его, в смысле её, на руки и мгновенно обливаюсь холодным потом от страха. Господи Всевластный!.. Да как же с ним обращаться?!.. Как держать, если она легче, чем мой ПП, как что-нибудь не сломать и не повредить своими грабками?!.. У неё же ручки тоньше, чем у меня пальцы!..

Руки кольцом и, как в люльке, стараюсь нежно держать вот это вот крохотное создание. Которое пока не обращает на меня никакого внимания, глазки закрыты, губки – бантиком, крохотный носик чуть слышно сопит...

Рядом появляется Полина Артемьевна, уверенным движением забирает малышку, вместе с мужем начинают разглядывать внучку. Возвращаясь к Даше, снова опускаюсь на колено, лежащей рядом салфеткой тихонько вытираю испарину с её висков, кончиками пальцев глажу промокшие волосы и, улыбаясь, смотрю на неё. Она тоже улыбается в ответ и смотрит мне прямо в глаза. И этот молчаливый разговор продолжается вечность... Нарушаемую громким ворчанием доктора Малиновского:

– Всё, господа, довольно. И мамочке, и ребенку необходим отдых. Прошу вас, господа...

На ватных ногах выхожу на улицу и всей грудью вдыхаю вечерний прохладный воздух... Девочка... Дочка... Доча!.. Я – папа!.. И у меня есть доченька!.. УРА!..

Глава 16

Следующее утро было достаточно тяжелым. Вчера, после того как нас выпроводили из медкорпуса, всё-таки на радостях поддался уговорам Александра Михайловича насчёт коньяка, тем более что и Полина Артемьевна решила принять в сабантуе посильное участие. Но, непонятно почему, трёх рюмок мне хватило, чтобы впасть в состояние алкогольной нирваны и перестать реагировать на посторонние раздражители. Эту радостную новость сообщил мне тесть вместе с информацией, что академик Павлов и генерал Келлер ждут, когда я приду в адекватное состояние и появлюсь пред их светлые очи для дружеской беседы за чашкой чая,

мол, в медкорпус бежать еще рано, тем более без инструктажа, который Иван Петрович и хотел учинить как можно быстрее.

Усиленная разминка с упором на тяжёлые физические упражнения и два ведра ледяной воды из колодца, вылитые на меня Сашкой и Матвеем, за пятнадцать минут приводят тушку с остаточными явлениями алкогольной интоксикации в нормальное состояние, и, приведя в порядок форму, я мчусь на «встречу в верхах». Надо быстренько там разобраться со всякой болтологией, а потом – к Даше и дочурке!..

– А вот и наш герой дня! – Павлов поднимается из-за стола, накрытого к церемонии утреннего чаепития, и, широко улыбаясь, идёт навстречу. Келлер опускает чашку на блюдце и следует тем же курсом.

– Поздравляю, Денис Анатольевич!.. – фраза звучит в унисон, после чего моя рука попадает в лапу академика, а затем и в генеральскую длань.

– Долго репетировали? – не подумав, ляпаю в ответ и тут же стараюсь исправить положение: – Простите, вырвалось от неожиданности, большое спасибо за поздравления.

– Не обращайтесь внимания, Фёдор Артурович, – Иван Петрович снисходительным тоном комментирует мою выходку. – В нашем юном друге еще бродят остатки вчерашнего душевного перевозбуждения, помноженные на некоторое количество алкоголя. Так что я выиграл пари, господин капитан до сих пор немножко неадекватен. Примем это как данность и не будем грузить его скучной и пока что абсолютно ему ненужной информацией о том, чем закончился наш разговор с регентом. Кстати, Денис Анатольевич, великий князь просил передать его поздравления с прибавлением в семействе и извинения за то, что ему срочно пришлось отъехать в Питер... В общем, давайте просто попьём чаю и поболтаем.

– Согласен, но если только кратко и по существу. Очень хочется побыстрее попасть в медкорпус...

– А вот как раз об этом я и собирался с вами поговорить. – Павлов становится серьезным. – Я прекрасно понимаю ваше желание видиться с супругой и ребенком, но время общения придётся ограничить по медицинским показателям. И каждый раз дезинфекция обязательна!..

– Многоуважаемый Иван Петрович, если мне не изменяет память, я уже кого-то предупреждал, что делать из моей жены и дочери подопытных кроликов вредно для здоровья любого экспериментатора!

– Многоуважаемый Денис Анатольевич! Когда дело касается проведения диверсий и всяких прочих безобразий за линией фронта, отстрела немецких генералов и российских думских деятелей, а также прочих военных вопросов, вы – непререкаемый авторитет! Но когда дело касается медицины, будьте любезны слушать меня и выполнять все мои требования!.. Денис, если ты не в курсе, АКДС и БЦЖ еще не изобретены!.. Ты даже не знаешь, что это такое?! Первый препарат – комплексная вакцина против коклюша, дифтерии и столбняка, второй – против туберкулёза!.. Сейчас в России из тысячи новорожденных умирает более двухсот пятидесяти! Каждый четвёртый, слышишь меня?! Поэтому всё должно быть под строгим контролем медиков! И это не обсуждается!

– Да, но вчера...

Академик, видно устыдившись срыва на повышенный тон, сбавляет обороты и пытается отшутиться:

– Вчера, господин капитан, вы были в таком взвинченном состоянии, что в медкорпусе, наверное, все микробы сразу передохли от страха. И подозреваю, что если бы вас не пустили в палату, к утру от института остались бы одни руины, а мне бы этого не хотелось. В общем, двадцать минут в день, марлевая повязка, халат и бахилы обязательны!..

– Денис Анатольевич, послушайте Ивана Петровича, – доселе молчавший Келлер встаёт на сторону академика. – Вспомните наше время и задайтесь вопросом – почему из род-

дома выписывают только через неделю, как думаете? Я хоть и далёк от медицины, но думаю, что для адаптации ребенка к окружающей среде.

– ...Ладно, ваша взяла... – Придётся, к сожалению, пока довольствоваться малым.

Павлов тем временем продолжает, победно улыбаясь:

– Вот и ладненько, вот и договорились. Съездите в свой батальон, отпразднуйте событие. Всё необходимое для этого, между прочим, уже собрано и загружено в автомобиль, который дожидается вас у подъезда. Двух дней, надеюсь, вам хватит, чтобы прийти в себя?

– А послезавтра ждём вас обратно. Необходимо начинать работать с гауптманом фон Штайнбергом. И тут уже вам карты в руки, – подхватывает Фёдор Артурович, но, видя моё судорожное движение к двери, заканчивает цитатой из анекдота: – Что, даже чаю не попьёте?

– Простите великодушно, но – нет, спешу.

– Погодите минуту, господин торопыга. – Иван Петрович берет трубку телефона, крутит ручку вызова. – Соедините с доктором Голубевым... Доброго утра, Михаил Николаевич. Как там наши барышни? Дарья Александровна проснулась?.. Хорошо. А малышка как?.. Тоже в порядке?.. Замечательно. Михаил Николаевич, очень скоро к вам прибежит один неугомонный молодой папаша, пустите его на ненадолго... Да, с правилами я его ознакомил... Да, жду вас к двенадцати... Вот теперь можете бежать, господин капитан.

Возле самой двери вспоминаю о тёщином поручении и оборачиваюсь, притормаживая:

– Да, чуть не забыл! Иван Петрович, подскажите, здесь где-нибудь можно найти няньку?

– Ну вот, уже слышу слова не мальчика, но мужа, – Павлов довольно ворчит в ответ. – Нашли уже. Как будете в нормальном состоянии, зайдите к ротмистру Воронцову, он вам всё разъяснит.

– Злые вы, уйду я от вас, – в подражание Келлеру цитирую анекдот, чтобы всё-таки оставить последнее слово за собой...

До медкорпуса домчался за минуту, перед палатой под присмотром бдительной сиделки Филипповны, способной двумя словами поставить по стойке смирно любого, невзирая на чины и звания, посетителя, но и умевшей в одно мгновение по-настоящему преображаться в добрую бабушку; изображаю старое доброе «Плащ в рукава, чулки, перчатки надеть», в смысле молниеносно напяливаю на себя медицинский халат и бахилы, марлевая повязка довершает карнавальный костюм санитар-маньяка из психушки, тихонько открываю дверь, стараясь не скрипнуть. Дашенька, несмотря на бледность и круги под глазами, выглядит лучше. «Надзирательница» понимает брошенный на неё очень красноречивый взгляд и оставляет нас вдвоём. Сажусь на табуретку рядом с кроватью, стягиваю успевший надоесть намордник и тихонько чмокаю любимую в щеку.

– Здравствуй, маленькая! Как ты себя чувствуешь?

– Вполне сносно. А маленькая – в соседней комнате, – пытается пошутить моя ненаглядная. – С четверть часа назад покормила, теперь она спит.

– Нет, со вчерашнего дня у меня теперь две маленькие рыженькие девчонки. И обеих я очень люблю. – В доказательство еще раз целую жену, но уже по-взрослому.

– ...Я уже не девчонка, как ты вульгарно выражаешься, а молодая мамочка... – Даше понадобилось некоторое время, чтобы отдышаться после столь пылкого проявления чувств.

– Простите, мадам, но даже через сто двадцать лет вы будете для меня маленькой рыжеволосой девчонкой. И попрошу не спорить с главой семьи, сударыня!

– Господи, как же давно я не слышала твоей болтовни, шут ты мой гороховый! Всё, давай поговорим серьезно...

– Давай. Всё, что я знаю и думаю – младенца нельзя туго пеленать и сегодняшние соски – сплошной яд. Свинец и еще куча всякой гадости.

– Знаю я, знаю, Иван Петрович сказал. И пообещал соску из натурального каучука. Я о другом хотела спросить...

– Предвосхищая вопрос, докладываю: прачка найдена, нянька – тоже, завтра буду с ней знакомиться. За кроватью и комодом еду сегодня в батальон... Вроде всё.

– Не угадал! Я хотела обсудить с тобой, как назовём нашу дочь. До сих пор мы этот вопрос не затрагивали, считается, что это – плохая примета. Я догадываюсь, что ты уже подобрал имя для... мальчика. Но вот так получилось... – Моя ненаглядная виновато улыбается.

– Даша, мальчик это или девочка, не так уж и важно. Главное – это наш ребёнок, твой и мой, – говорю чистую правду, несмотря на то что в душе есть микроскопическая капля сожаления, большей частью основанного, как я понимаю, на предрассудках. – Готов целиком и полностью принять твой вариант. Тем более что есть имена, подходящие и тем, и тем.

– Нет, милый, не всё так просто. Коль ты еще не знаешь, ребёнку дают имя при крещении в честь определённого святого, который считается после этого его небесным покровителем...

– Знаю, знаю! И про ангела-хранителя, и про всё остальное!..

– Денис, не перебивай, мне немножко трудно говорить... Так вот, крестят младенца примерно через неделю после рождения. Мы с мамой смотрели в святцах, двадцать второго августа как раз память преподобной Марии Константинопольской... Как ты смотришь на то, чтобы назвать дочку Машей?

– Маша... Машенька... Машуля... Мария Денисовна... А что, звучит красиво... Согласен. Но вот когда родится сын...

– Раньше чем через три-четыре года даже и не заикайся!.. Ты и не представляешь, каково это!.. Хотя вам, мужчинам, не понять... Дай мне договорить, несносный! Нужно еще подумать, кто будет крёстными. Если бы всё происходило в Гомеле... – Моя любимая морщится, вспоминая, очевидно, скоропалительный отъезд и события, тому предшествовавшие, и переходит на шёпот: – Денис, скажи мне честно... Ты как-то причастен к тому, что Гучков... Что его убили?

– Да. И принимал в этом самое непосредственное участие, – также шёпотом отвечаю чистую правду. – Я рассказывал тебе о его роли в развале страны. Конечно, с ним можно было бы обойтись как-то иначе, выжать всю информацию о заговоре, например, но, решив использовать в своих грязных играх тебя и... Машеньку, он тут же подписал себе смертный приговор. Который и был приведён в исполнение.

Даша довольно долго смотрит на меня пристальным взглядом, затем выдаёт свой вердикт:

– Ладно, это ваши мужские дела. Но я надеюсь, ты уверен, что поступаешь правильно... Так что же нам делать с крёстными?

– Я думаю, Келлер мне не откажет, но вот с крёстной матерью – затык.

– А почему не Иван Петрович?

– Господин академик иногда бывает чокнутым профессором и большим занудой. Да и впитает по большей части в высоких научных материях, не опускаясь до простых смертных.

– По-моему, ты несправедлив. Он для нас уже очень многое сделал. Да и мама как-то туманно намекнула, что он пообещал помочь и с крестинами.

– Ага, сбросит бороду, переоденется в женское платье и станет крёстной матерью.

– Ну тебя, болтун! Нет, я серьёзно, у нас же тут никаких знакомых...

Разговор прерывается стуком в дверь и появлением сиделки, которая дает понять, что аудиенция окончена ввиду необходимости проведения процедур. Так что единственное, что мне остается, – в режиме абсолютной тишины через приоткрытую дверь в соседнюю комнату полюбоваться на дочку. Мария Денисовна упоённо занимается одним из трёх доступных в её возрасте увлечений, в смысле – спать, есть и... время от времени практически изучать физиологию внутренних органов. Ручки, ножки, губки, носик живут пока что своей отдельной жизнью, еле заметно шевелясь во сне... Интересно, ей уже что-нибудь снится или нет?.. Минуту наблюдаю за детёнышем, потом закрываю дверь, из-за медички, уже разложившей на столике какие-то ватно-марлевые прибалбасы, посылаю Дашеньке воздушный поцелуй, прощаясь до завтра, и бегу дальше по делам...

Глава 17

Завгар Николай Адамович, несмотря на мои искренние извинения по поводу вчерашнего издевательства над его любимым детищем, решил поосторожничать и на этот раз выделил мне во временное пользование небольшой грузовичок «Рено», предупредив, тем не менее, что если опять буду лихачить, стану заядлым пешеходом, несмотря на все указания академика. Особенно этому не огорчился из-за того, что обратно предстояло ехать гружённым мебелью для самой лучшей в мире новорождённой.

Притормаживаю перед недавно сооружённым КПП и натыкаюсь на блаженно-радостные улыбки от уха до уха у всего наряда. Что уже само по себе нормальному командиру должно показаться очень странным. Причина выясняется минутой позже, когда унтер-офицер Паньшин после доклада изображает на лице такой же довольный оскал и добавляет:

– С прибавленьцем, командир!

Не понял, это каким же таким макарон новостями разносятся? Откуда прознали, черти?.. Паньшин, прочитав на моём лице вопрос, так же радостно поясняет:

– Дык разведчики мы аль телёнки какия?..

По дороге все встречные бойцы один в один копируют улыбки капэпэшников и всячески демонстрируют свою любовь к начальству, заставляя теряться в догадках. Кидаю машину возле штаба и быстренько иду в канцелярию.

– Здравствуйте, Денис Анатольевич! – На пороге меня уже встречает штабс-капитан Волгин. – От всей души поздравляю с рождением дочери!

– Денис, папаша, мои поздравления! – Анатолий Дольский на правах старого друга переводит рукопожатие в обнимашки, чего раньше за ним не замечалось, и, не дожидаясь моего возвращения из ступора, кричит в открытую дверь: – Дневальный, сообщить офицерам батальона – командир в штабе!

– Спасибо за поздравления. Кто-нибудь может мне объяснить, откуда все знают эту новость? – До сих пор тщетно пытаюсь разгадать ребус.

– Господин капитан, вы, оказывается, совсем не следите за эволюцией человеческой мысли! – Анатолий прикалывается, продолжая наслаждаться моим видом.

– Денис Анатольевич, всё очень просто. – Иван Георгиевич приходит мне на помощь и объясняет положение вещей. – У нас уже несколько дней как установлена радиосвязь с Институтом академика Павлова. Вчера дежурный радиотелеграфист Хаймин принял депешу, в которой было только одно слово – «Дочь». Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что за дочь и у кого именно она родилась. А буквально полтора часа назад радиовалили: «Папа едет».

Ну, теперь понятно, у кого словесное недержание и наплевательское отношение к нольдесятому приказу! Вернусь, скажу Фёдору Артуровичу большое спасибо... А Яша у меня весь ближайший марш-бросок на поджопниках проведёт!.. В коридоре слышится топот, и в комнату вваливается целая толпа, жаждущая добраться до виновника торжества. Серж Оладьин, Роман Берг, Николенька Бер, Дмитрий Иванович Остапец, прапора-студизусы, корнеты Дольского... С основательно отдушенной правой ладонью еле выбираюсь из восторженно галдящей толпы и с добавлением волшебного слова «пожалуйста» команду дневальным притащить содержимое кузова в канцелярию...

Да уж, у Ивана Петровича или, скорее, того, кто по его указанию собирал «подарочный набор», свои представления об оптимальном количестве алкоголя в пересчёте на одну офицерскую мор... личность. По бутылке беленькой на человека. Все присутствующие несколько недоумённо смотрят на меня, мол, с чего это вдруг командир из хронической трезвости ударился в противоположную крайность... Правда, холодных закусок тоже не пожалели, так что вкупе с Ганниным обедом будет настоящий пир. Но сначала имеет место быть торжественная

часть. Иван Георгиевич вручает мне конверт с надписью «Приданое», выведенной каллиграфическим почерком. Анатолий тут же встречается с ремаркой, что, мол, дело хозяйское, но офицерское собрание батальона рекомендует данную сумму потратить на детскую коляску, а Роман Викторович с Сергеем Дмитриевичем уже присмотрели неплохой вариант во время своих вояжей по городу. Плетённая из лозы корзина, колеса на резиновом ходу с самоцентрирующимися втулками, эллиптические рессоры и всё такое...

Поневоле краснея от накотившего неизвестно откуда смущения, благодарю боевых товарищей, затем Остапец передаёт мне второй конверт, теперь уже от бойцов. Вот это уже действительно неудобно, брать солдатские деньги. Но Иваныч вполне серьёзно убеждает меня, что, если откажусь, народ сильно обидится, и никакие марш-броски и тренировки не спасут положение. Приходится добавить его к первому. После чего дружной компанией идём в гости к нашим тыловикам, где меня уже ждёт Платоша Ковригин... Да, мастера видно сразу! Изящно-ажурная кроватка с резными завитушками на поперечинах, солидный такой комодик на шесть ящиков, всё матово поблескивает навошенными поверхностями, и как-то само по себе видно, что автор старался не ради прибытка.

– Спасибо, Феоктистыч! – От избытка чувств обнимаю смущённого всеобщим вниманием Платона.

– Да чё там, командир... Мы ж всегда... Ежели чё... – Помидорно-красный мастер не знает, куда деться. Его спасает, как и всегда положено, медицина. Доктор Паша со своей неразлучной медсестричкой отвлекают внимание на себя и, торжественно-сияющие и лицами, и свежими обручальными колечками на безымянных пальцах, преподносят общий подарок – плюшевого мишку в белом халате и докторской шапочке с крестом, вышитым красными нитками. Затем Маша исчезает и вновь появляется с Лесечкой и Данилкой, запросто бьющими Платошин рекорд по смущению. Мелкий преподносит в подарок маленькую деревянную лошадку, вырезанную из дощечки, а его сестричка, всё же отважившись достать руки из-за спины, протягивает мне куклу, сшитую из разноцветных лоскутков.

– Вось, для дачцы вашей... – малявка, волнуясь, сбивается на белорусский.

– Спасибо вам, ребятки! – Крепко прижимаю к себе малышню. – Большое спасибо от меня... и дочки.

Возвращаемся в казарму и встречаем очередной сюрприз, на этот раз, надеюсь, последний. Возле канцелярии стоят Котяра, Боря Сомов и два унтера из «кентавров». Вся компания образцово-показательно козыряет, после чего Федор выдает:

– Здравия желаем, вашбродь! Командир, поздравляем с ребятёнком! Прими тут вот от общества. Каждый старался, как умел...

Унтера выдвигают вперёд ящичек, доверху набитый игрушками-самоделками... И чего тут только нет! Глиняные куколки, коровки, собачки, уточки, раскрашенные и нет, десяток маленьких деревянных лошадок на колесиках... И куча погремушек на любой размер, цвет и вкус. Плетённые из тонких полосок кожи, берестяные, одна даже из маленькой сушеной тыковки... Кружок «умелые ручки», а не батальон спецназа!..

– Спасибо, братцы. И передайте всем мою благодарность. – Жму всем им руки и отправляю от греха подальше. Как-то подозрительно в носу свербит, не хватало ещё слезу пустить перед подчинёнными.

Перед тем как вся компания начинает рассаживаться за обеденным столом, тихонько отзываю в сторонку Остапца:

– Иваныч, тебе же недаром позывной «Батя» дали. Передай, пожалуйста, по своим каналам всем унтерам, что сегодня никого гонять не надо... И реши вопрос с каптенармусом насчет по сто грамм всем на ужин. От моего имени...

* * *

Обратно возвращаюсь довольный, весёлый и даже почти трезвый. С помощью двух вьюношей разгружаем «добычу», заносим всё в дом, оставляю их разбираться с мебелью и народным творчеством под руководством тёщи, отгоняю авто в гараж и иду искать Воронцова.

Господин ротмистр обнаруживается в своём кабинете, улыбаясь, поздравляет с благополучным прибавлением в семействе, затем переходим к более серьёзным вещам.

– Петр Всеславович, я – по личному делу. Иван Петрович сказал, что вы можете помочь относительно няньки...

– Могу, Денис Анатольевич. Только вы ошибаетесь, считая это личным делом. Особенно после действий ныне упокоенного с миром господина Гучкова. В интересах нашего общего дела безопасностью семьи Гуровых теперь будет заниматься не только глава семьи. Няньку мы вам нашли, завтра с утра она прибудет знакомиться с вашими близкими. А лично вы с ней давно знакомы. Помните горничную Оленьку?

– Да, этакая русоволосая красавица из павловских «мышек». Очень любит проверять свои женские чары на всех особях мужского пола. Хотя, не скрою, есть на что посмотреть.

– Она еще до войны окончила в Питере двухгодичные курсы нянь при Фребелевском обществе, работала в богатой семье, но после настойчивых домоганий хозяина уволилась и переехала в Первопрестольную. Мы по своей линии это проверили, там действительно та еще мразь обретается... Но не суть, главное в том, что после определённой работы около десятка горничных теперь являются нашими нештатными сотрудницами.

Ого, наш ротмистр создает свой вариант «белых колготок». Или «сладкий взвод»...

– И что, они уже выполняли какие-нибудь задания? Не жалко вам, Петр Всеславович, эти безобидные создания бросать под нож?

– Постараюсь сразу ответить на все ваши вопросы, Денис Анатольевич. Даже не высказанные. Они, как и раньше, выполняют свои обязанности, что, однако, не мешает им собирать необходимую информацию о пациентах. Причем лезть в постель от них не требуется, наше категоричное условие – агентесса сама решает, насколько далеко может зайти в каждом конкретном случае. И в случае неудачи никто её и словом не попрекнёт, что не были использованы все способы. – Воронцов понимающе улыбается. – Кроме того, несколько девушек уже успели поработать на выезде. И Оленька в том числе. Именно она с подружкой были ключевыми фигурами в операции с Урусовым... А насчет безобидности – не хочу, чтобы вы заблуждались. Все девушки прошли нужную подготовку. До ваших «призраков», конечно, Оленьке еще далеко, но защитить ребенка она сможет надёжно. Тем более что от няни никто не будет ждать активных действий.

– Петр Всеславович, если не секрет, расскажите про Урусова. Интересно, что он там наболтал.

– Для вас – не секрет. Не буду раскрывать все нюансы и подробности, но мы сумели подвести Оленьку к Урусову. Он назначает бедной и скромной барышне, служащей гувернанткой у богатенького господина из Земгора, randevu в одном более или менее приличном заведении. Чтобы услышать душещипательную историю о том, как хозяин-негодяй дал ей некую сумму денег, необходимую для лечения сестры. И поэтому она не имеет возможности уволиться, чем тот и пользуется, пытаясь склонить даму к близости. Последней каплей стала неудачная попытка изнасилования, после чего она в такой безвыходной ситуации и обращается к известному защитнику всех обиженных и несправедливо притесняемых. Дело усугубляется тем, что она весьма и весьма разделяет идеи социалистического устройства общества, а её наниматель имеет большие связи в верхах, короче говоря, явный представитель тех, против кого князь всегда боролся...

В назначенный срок Урусов приезжает полюбопытствовать на это чудо, видит двух дамочек, заказывает чаю, потом у одной из них, той самой сестры, случается приступ кашля, пока князь пытается ей как-то помочь, в его чашку падает маленькая пилюлька, не больше рисового зёрнышка... После чего уже Урусов впадает в прострацию, а дамы поднимают шум, что господину плохо и его надо к доктору...

– А что, господин масон был настолько неосторожен, что приехал один?

– Нет, конечно, как вы могли подумать такое? Накладочка получилась, посетители заведения почему-то решили, что спутники Урусова, бросившиеся на помощь, хотят обидеть дам, и немного воспрепятствовали сим господам. Используя некоторые уже знакомые вам приёмы.

– Понятно. На улице уже ждала пролетка без номеров, которая и увезла беднягу в неизвестном направлении? – стопроцентно угадываю дальнейшее развитие событий.

– Да. А когда он приходит в себя, два вежливых господина, не обращая внимания на княжеское возмущение, начинают задавать вопросы. И не получив ответа ни на один, отправляют беднягу отдохнуть и собраться с силами для завтрашнего разговора... Короче говоря, ему хватило одной ночи в «шкатулке», чтобы понять, что обычные правила тут не действуют. Потом был скополамин с кофеином, после чего мы узнали очень много интересного о российских масонах. Но, к сожалению, далеко не всё... Князь Урусов – эдакий прекраснотушный идеалист, борец с несправедливостью. Очень обижен на власть из-за четырёх месяцев тюрьмы за «Записки губернатора», в которых правдиво описал нравы и быт бюрократии. К серьёзным делам Гучков с компанией его особо не подпускали. Более того, есть вероятность, что можно будет его в некотором смысле перевербовать, несколько приоткрыв наши планы. Разумеется, в самых общих чертах.

– И где же он сейчас?

– Естественно, у себя дома. Очнулся в клинике одного врача, нашего хорошего знакомого, который поставил диагноз «обморок от переутомления на фоне нервного возбуждения». Ещё одно замечательное свойство скополамина заключается в том, что... м-м-м... допрашиваемый не помнит, что с ним происходило последние несколько дней. Так что есть над чем поработать... Возвращаясь к началу нашего разговора, хочу предупредить, что Оленька получила долгосрочное задание – обеспечить безопасность вашей дочери и супруги. Но в первую очередь – ребёнка. Малышка сейчас самое уязвимое звено...

– Спасибо, Петр Всеславович, пока они в институте, думаю, им ничто не угрожает. Более того, я распоряжусь, чтобы в случае чего, по условному радиосигналу, к вам на помощь прибыл мой батальон.

– Вы думаете, может дойти до такого?... Хотя всякое может случиться. По имеющимся у меня данным, в войсках столичных гарнизонов сейчас происходит нездоровое брожение. В офицерской среде. И работают там отнюдь не господа революционеры. Ниточки ведут наверх, в Государственную Думу и великокняжеское общество. Больше пока ничего не скажу определённого, тут надо как следует поразмыслить... Ладно, это – дело будущего, а пока нам надо начинать работать с гауптманом фон Штайнбергом. С завтрашнего дня...

Глава 18

«Резиденция» Воронцова представляла собой две смежные комнаты. Собственно кабинет, со всеми присущими атрибутами – плотно задернутыми занавесками, письменным столом, четырьмя стульями, массивным сейфом, занимавшим целый угол, и шкафом, заполненным книгами пополам с какими-то картонными папками, расставленными в понятном только одному хозяину порядке. Сразу за ним, прикрытая портьерами, была дверь в маленькую спальню, вмещавшую только никелированную кровать, тумбочку, шифоньер и табуретку, на

которой я и коротал время, слушая в режиме инкогнито разговор ротмистра и гауптмана фон Штайнберга. Гауптман начал беседу то ли с традиционно-высокомерной германской наглости, то ли с крика измученной души.

– Герр Воронцофф, может быть, вы наконец объясните мне, почему я уже столько времени здесь?! Я – офицер германской армии, и если нахожусь в плену, отправьте меня и обер-лётанта Майера в лагерь для военнопленных, как то предписано Гаагской конвенцией! Что вы еще от нас хотите?

– Скажите, герр гауптман, а похищение человека, более того, члена Царствующего дома, с целью шантажа тоже прописано в международных соглашениях? – голос Петра Всеславовича звучит вежливо и вкрадчиво. – Или всё-таки данное деяние подпадает под юрисдикцию уголовного права? И как в таком случае вас рассматривать? Как бесчестного похитителя молодых девушек? Группой лиц по предварительному сговору...

О как! Ротмистр уже взял на вооружение словечки из нашего времени. М-да, звучит неплохо... Так, а что там наш бедный Генрих вякает в оправдание?..

– Я исполнял приказ, как и положено военному служащему любой армии!..

– А вам не приходило в голову, что военный служащий, исполняющий преступный приказ, сам является преступником? Или нужно было попасть в плен, чтобы понять такую простую истину?

– ...К сожалению, герр Воронцофф, вы правы... – немец отвечает уже совсем другим тоном и после долгого молчания.

– Других претензий нет, герр гауптман? По питанию, например?.. В лагере гораздо более скудный рацион, нежели здесь. К сожалению, переводы из «Дойче банка» далеко не полностью покрывают расходы на содержание военнопленных. А мы, как сами понимаете, далеки от желания изображать радушных хозяев перед долгожданными гостями. Особенно после того, как стали известны условия содержания наших пленных в Германии. Тем более что бюджет империи не предусматривает подобной роскоши. Что же касается остального, вся корреспонденция, в частности письмо от некоей фройляйн Греты фон Ритцен, вам вручена, в газетах тоже не отказывали, нашли даже Шиллера и Гёте на немецком. Ограничения в прогулках связаны только с нежеланием снять форму и переодеться в гражданское. Общению с обер-лётантом Майером тоже не препятствуем, других людей, желающих пообщаться, до сегодняшнего дня не было... Но вот как раз сейчас вам предстоит встреча с одним человеком. Правда, я не уверен, что она будет радостной...

Оп-па, хватит прохлаждаться, мой выход. Распахиваю портьеры и выхожу на всеобщее обозрение, стараясь изобразить обаятельную улыбку в сторону бывшего противника. Осунувшийся за время пребывания «в гостях» немец тем не менее сидит в чистой, аккуратно выглаженной форме, правда, теперь уже без погон.

– Гутен таг, герр гауптман. Рад видеть вас в добром здравии. Как нога, не беспокоит?

Брови фон Штайнберга удивлённо взлетают вверх, затем он кривится в угрюмой усмешке:

– Герр Гурофф? Не ожидал вас здесь увидеть... Что касается ранения, ваши солдаты могли бы стрелять и более метко.

– Буду откровенен... Попал именно туда, куда целился. Внешняя сторона бедра, чтобы не повредить кость и артерию.

– Зачем вам это надо было? – Гауптман растерянно ждет ответа.

– Всё просто. Чтобы уменьшить количество преследователей, часть солдат ведь должна была остаться, чтобы оказать вам помощь.

Немец зло смотрит на меня, затем выдает:

– Дьявольская логика. Оставить в живых, чтобы потом вынудить пройти все эти круги ада?.. Лучше бы вы меня пристрелили!

– Не согласен. Нужно же было узнать, в чью голову пришла такая умная мысль – взять в заложницы дочь императора, чтобы потом заставить его пойти на предательство союзников и сепаратный мир.

– Да, наверное, вы правы... – Фон Штайнберг делает паузу, затем продолжает, отрешённо глядя в одну точку: – Герр Воронцов позволил нам присутствовать на допросах оставшихся в живых... революционеров, которые рассказали, что...

– Что их главарь получил задание от вашего непосредственного начальника майора фон Тельхейма, – вступает в разговор молчавший до сих пор Воронцов, затем довольно своеобразно цитирует Евангелие от Матфея: – Да не будет ведать правая рука, что творит левая...

– Генрих... Вы позволите называть себя так? В свою очередь можете называть меня просто Денисом. Полковник Николай с майором просто сыграли вас втёмную, придумали полуромантическую сказочку для рыцаря, неукоснительно следующего кодексу чести. – Пора менять кнут на пряник и втираться в доверие, пока гауптман немного не в своей тарелке. – Но вы действительно можете сделать многое для своей страны...

Гауптман недоумённо переводит взгляд с меня на Петра Всеславовича и обратно:

– И что же я могу сделать, находясь здесь?... Или вы хотите меня сделать своим шпионом?..

М-да, как-то поглупел Штайнберг, ахинею несёт. Или имеем налицо все признаки нервного расстройства. Не офицер, а девица, тоскующая по валерьянке. Логически думать у него пока получается не очень...

– Никто не собирается вербовать и склонять к нарушению присяги Генриха фон Штайнберга. Тем более что вы никогда этого не сделаете, даже под угрозой смерти, в чём я имел возможность убедиться ещё тогда, в замке. Да и шпион из вас никудышный. Всё, что знали, уже рассказали, а после плена к серьёзным делам вас не подпустят на пушечный выстрел. Скорее всего, выпнут в отставку. В лучшем случае... – Так, ниже плинтуса гауптмана опустили, теперь начинаем обмазывать патокой. – Давайте поговорим о другом. С какой мотивацией ваша группа была отправлена на задание? Оставим розовые сопли о родственных чувствах кайзера к двоюродной племяннице... Полковник Николай хотел иметь не предлог, а козырь для мирных переговоров, учитывая нежелание нашего императора о чём-то договариваться. Сейчас, как вы знаете, его величество из-за ранения передал власть своему брату, великому князю Михаилу Александровичу, назначив его регентом при цесаревиче. Так вот, у его высочества несколько иная точка зрения по данному вопросу. Сразу хочу предупредить, о сепаратных переговорах и выходе России из войны не может быть и речи, но... Но есть вероятность несколько облегчить положение Германии, при условии адекватных ответных действий. И вы, Генрих, можете поспособствовать диалогу, через полковника Николаи доведя до сведения кайзера, что есть возможность обсудить некоторые вопросы...

– Герр Гурофф... Я... Я даже не знаю... То, что я услышал... Это настолько неожиданно...

Похоже, герру гауптману срочно требуется перезагрузка и на сегодня разговор окончен.

– Никто не требует от вас сиюминутного ответа, можете как следует подумать и посоветоваться с Майером. И, если не возражаете, давайте продолжим беседу завтра в это же время...

* * *

На следующий день мы продолжили уже в расширенном составе. Хотя Майер, с которым гауптман вчера о чём-то шушукался до поздней ночи, просто изображает присутствие, сохраняя молчание и сверля нас с Воронцовым пристальным взглядом. Наверное, немцы решили разделиться, и в то время как фон Штайнберг ведёт разговор, его подчиненный пытается

понять, врем ли мы, и если да, то насколько. Детектор лжи, на хрен. Учитывая, что мы будем говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, задача у него не из лёгких...

– Мы хотим иметь гарантии, что всё сказанное вами является правдой, а не служит прикрытием какой-то провокации. – Сегодня гауптман ведет себя уверенней и позволяет себе даже немного подерзить. Хотя на его месте я делал бы то же самое.

– Генрих, как вы себе это представляете? Единственная гарантия – здравый смысл. Я могу только дать слово офицера, что всё сказанное вчера является правдой... В конце концов, вы ничем не рискуете. Мы отправляем вас и обер-лейтенанта в Германию, если начальство вам не поверит, всё останется по-прежнему. Даже не будем настаивать на обещании не воевать против нас, памятуя о нашей первой встрече.

– И не боитесь отпустить двух офицеров... особого подразделения? – О, у Майера голос прорезался! Правда, звучит в нём недоверие и скепсис.

– Конечно, определённый риск есть. Но в случае странных, скажем так, событий на каком-либо участке фронта мы будем там незамедлительно. И тогда кому-то проще будет сразу застрелиться, чем попадать в наши распростёртые объятия, – добавляю немного металла в голос, надо же поставить гансов на место. – Кстати, ваша рота не такая уж и особенная, возможности ваших солдат где-то на уровне штурмовиков капитана Вилли Рора. Не более. Даже несмотря на то, что учите их хитрым японским приёмчикам.

Воронцов рассказал, что каждое утро оба немца «дерутся с воздухом», по словам охранников. Заинтересовавшись, сегодня посмотрел через глазок двери на то, как Майер изображает бой с тенью в стиле какой-то школы дзю-дзюцу... М-да, технике худо-бедно его научили, а вот с психологией – напряг. Нельзя же так реагировать на простую подначку...

– Герр Гурофф, вы пользуетесь нашим положением пленных? – Обер-лейтенант непроизвольно сжимает кулаки и выпячивает нижнюю челюсть. – Это не очень-то благородно – оскорблять, зная, что вам не ответят!..

– Во-первых, я лишь констатирую факт, не думая никого обидеть. Во-вторых... – В голову приходит интересная мысль, но времени как следует обдумать её нет. – А во-вторых, я предлагаю вам, герр обер-лейтенант, кумитэ... тренировочный поединок. Принимаете вызов?.. Тогда давайте завтра, в одиннадцать часов. В спортивных костюмах вы с гауптманом вроде освоились, подходящее место есть неподалёку.

Ошарашенный Майер сидит несколько секунд с открытым ртом, затем, понимая, что обратного пути нет, кивает головой, соглашаясь.

– Ну, вот и хорошо, вернёмся к теме разговора, – Воронцов напоминает всем, что мы собрались здесь по делу, и довольно важному.

– Повторюсь, никаких гарантий, кроме своего слова, я дать не могу. Придется просто поверить... – приходится повторять ранее сказанное. – От вас требуется только благополучно добраться до полковника Николаи и передать ему предложение о встрече.

– Может быть, герр Гурофф придумает, как убедить герра оберста, что это не является ловушкой ни для него, ни для того, кого он может прислать вместо себя? – Майер, быстро успокоившись и окончательно забыв о своей роли наблюдателя, вписывается в разговор.

– Мы согласны, чтобы встреча проходила на вашей стороне. Конкретное место сообщим за несколько дней до самой встречи, можете прочесать там всё вдоль и поперек, – излагаю заранее оговоренные с Воронцовым условия. – Не думаю, что вы пригоните туда полк или дивизию, если хоть чуть-чуть озаботитесь секретностью randevu. И с вашей, и с нашей стороны должен быть человек, облечённый доверием августейших особ. Способ связи будет сообщен позже...

– Герр Гуров... Деннис, я не ставлю под сомнение вашу честность... – фон Штайнберг то ли мстит мне за вчерашнюю фамильярность, то ли пытается наладить доверительные отношения. – Но нам хотелось бы иметь уверенность, что ваше предложение действительно имеет

поддержку у регента Российской империи. Только убедившись в этом мы сможем дать вам определённый ответ... И вчера вы сказали, что о сепаратном мире разговора быть не может. Что тогда? Не могли бы объяснить свою позицию? Всё же оберсту Николаи нужны будут веские аргументы для принятия решения.

Ну, наконец-то пошел серьезный разговор!..

– Вы можете не согласиться с нашей точкой зрения, но Германия обречена на поражение. Позвольте я обосную свою мысль, а потом выслушаю ваши возражения, майне херен!.. План Шлиффена, на который надеялись ваши генералыштеблеры, не сработал, и теперь Германия имеет войну на два фронта, для которой не хватает ни сил, ни ресурсов. Австрийцы как союзники оказались не на высоте, так что ваше поражение – вопрос времени...

– А что вы скажете на то, что боевые действия ведутся на территории Франции и России, а не Германской империи? – довольно невежливо перебивает меня неугомонный Майер, изображая на лице язвительную усмешку. – Неужели нашим солдатам придется капитулировать, находясь в Париже или Петрограде?

– Ваши солдаты не попадут туда, протянут от голода ноги по дороге. Надеюсь, уж для вас-то не секрет, как обстоят дела с продовольствием в фатерлянде? И даже открытый грабеж мирного населения не спасает положения. Кстати, не напомним, что по этому поводу прописано в столь уважаемых вами конвенциях? Или германские военнослужащие вспоминают о них, только когда припечет?..

Обер-лейтенант катает желваки на скулах, но уже помалкивает в тряпочку, не найдя, что возразить. Продолжаю дальше, обращаясь лично к фон Штайнбергу:

– Надеюсь, то, что я сейчас скажу, не стоит передавать кому-либо, кроме полковника Николаи?.. Согласен, немецкие солдаты и офицеры обучены и дисциплинированы, и вы добились некоторых успехов. Всё это время союзников спасали только русские солдаты, которых, не считаясь с потерями, бросали в абсолютно неподготовленные наступления, единственная цель которых заключалась в том, чтобы оттянуть часть ваших сил на Восточный фронт. Но, как я однажды уже сказал вам, Генрих, неким важным господам, в основном обитающим в Лондоне, этого показалось мало, и они начали изо всех сил «помогать» нашей империи... Истекать кровью за свои барыши. Более того, в некоторых кругах Британии считают, что чем больше мы с вами будем уничтожать друг друга, тем прочнее будет их почти мировое господство. Наше прошлогоднее отступление обусловлено в основном отсутствием боеприпасов, не поставленных своевременно. И есть большое подозрение, что делалось это специально. Поэтому Россия больше не собирается выступать в роли бойцового пса, зарабатывающего своему хозяину выигрыш по ставкам... Надеюсь, вы поняли, что имеется в виду.

– Да, я понял вас, Деннис... – Гауптману потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить сказанное. – Завтра мы дадим вам окончательный ответ.

– Сразу после поединка, – Майер опять подает признаки жизни.

– Никакого поединка завтра не будет, – в голосе фон Штайнберга звучат металлические нотки. – Завтра у обер-лейтнанта Майера появится гораздо более важная задача...

Глава 19

Поединок назавтра действительно не состоялся. С самого утра судорожно и безуспешно пытался вспомнить, как надо правильно встречать жену из роддома. Собственного опыта не имелось от слова «вообще», рассказы бывших сослуживцев из будущего обычно начинались с обмывания события различными спиртосодержащими жидкостями, так что задачка стояла еще та. В голову, забитую уставами, воинскими наставлениями и учебниками по военному делу, не пришло ничего лучшего, чем скосить, пока Павлов не спохватился, клумбу рядом с

гостиницей, и теперь вот изнываю в ожидании у крыльца медкорпуса в компании будущего крёстного Келлера и огромного, в полный обхват, букета бледно-сиреневых хризантем.

Маяться, впрочем, приходится недолго, через несколько минут выходят Полина Артемьевна и две моих рыженьких девчушки – Дашенька с Марьей Денисовной на руках. Срываюсь навстречу жене, но чмокнуть её получается только после того, как тёща забирает внучку. В продолжение рокировки запелёнанный детёныш передается мне, и мы идем домой, провожаемые радостно-широкими улыбками знакомых, якобы случайно оказавшихся поблизости. Почувствовав другие руки, Машенька хмурит бровки, недовольно морщит носик, собираясь подать голос, но потом передумывает и, пару раз шевельнув ножками, снова складывает губки бантиком, решив пока не нарушать тишину.

На крыльце коттеджа нас встречает всё остальное семейство: Александр Михайлович, Сашка с Матвеем, Семён и няня Оля. Минувя эту толпу, доходим до конечной точки маршрута, где стоит уже приготовленная кровать. Очень осторожно опускаю дочку на матрасик и, как на боевом выходе, бесшумно выхожу из детской в гостиную, где шёпотом уже идет яростный спор, кому первым идти любоваться на малышку. Пока глупые двуногие спорят о чем-то непонятном, пушистая хитрюля Муня первой заскакивает внутрь, настороженно обнюхивает через деревянную решетку нового «котёнка» и, приняв к сведению увеличение своего прайда, запрыгивает на комод и начинает работать сторожем, секьюрити и церемониймейстером по совместительству.

Пока народ удовлетворяет свое любопытство, Фёдор Артурович, перекинувшись парой тихих фраз с тёщей, подходит ко мне и загадочно сообщает, что Павлов просил извиниться за отсутствие и очень желает немедленно видеть нас у себя...

В кабинете академика меня ожидают новости, скорее неожиданные, чем неприятные.

– Ну что ж, Денис Анатольевич, крёстную для вашей дочурки нашел, теперь дело за вами. Надо определиться, где будет происходить данное действие, и договориться с батюшкой. К сожалению, на территории института церкви нет, и в ближайшее время она вряд ли появится, так что придётся куда-то ехать.

– Иван Петрович, не соблаговолите ли объяснить смысл термина «нашёл» в данном конкретном случае? Хотелось бы узнать, откуда уверенность, что ваш кандидат не вызовет возражений со стороны жены и тёщи. Не получится как с няней? Оленька уже доложила Воронцову, а он в свою очередь рассказал мне, что Полина Артемьевна, оценив по достоинству её внешность, предупредила, что даже намёка на шашни со мной или тестем будет достаточно, чтобы её с треском выгнали... И кто же эта добродетельная дама, с которой вы сговорились, не имея на то, между прочим, моего согласия?

– Вы с ней знакомы, причем достаточно близко, Денис Анатольевич. И возражений со стороны вашей тёщи не будет, более того, она уже в курсе и очень хочет, чтобы всё получилось именно так, я с ней уже говорил... – Павлов, наслаждаясь моим недоумённым выражением мордочки, тянет театральную паузу, но потом выдает сенсацию: – Великая княжна Ольга Николаевна любезно и с радостью согласилась стать крёстной для Машеньки. И сегодня вместе с Михаилом Александровичем приезжают сюда...

А-х-х-ренеть! Не академик, а сваха-гешефтмахер! И всё тайком-тишком, за моей спиной, гад ползучий!..

– Иван Петрович, какого х... лешего?!.. Меня спросить или хотя бы поставить в известность нельзя было?! Где я, а где императорская фамилия?!.. Попроще кандидатуры не приходили в вашу больную голову?!..

– Всё? Выпустил пар... старлей? – Павлов переживает взрыв возмущения и спокойно продолжает: – Да пойми ты, Денис Анатольевич, одну простую истину. Нас, из будущего, здесь трое. И пытаемся мы сделать грандиозное дело... Но только порядки здесь другие. Мы с Фёдором Артуровичем по своему положению вхожи в высшие круги, а ты... Да, согласен, ты –

армейская легенда, поднялся из прапоров до капитана, выслужил все награды, какие можно было, создал батальон, за право отправить на учёбу в который многие полковые командиры готовы в глотки друг другу вцепиться. Но для какой-нибудь аристократической сволочи с длинным списком титулованных предков ты – никто. Для них все твои подвиги – ерунда по сравнению с тем, что великая княжна будет крестить твою дочку. А влияние этого закрытого клуба пока очень велико... Вот мы и стараемся в меру сил и возможностей для пользы дела подтянуть тебя поближе к высшему свету, будь он неладен...

– Простите, Иван Петрович, ляпнул сгоряча, не подумав... Но всё равно, сказать раньше можно было, зачем разводить интриги на ровном месте?

– Вот именно потому, что последнее время у вас, господин капитан, мысли за языком не всегда успевают. – Академик устраивается поудобнее в кресле и ворчит почти по-стариковски: – Какие, на хрен, поединки вы там надумали, а? Голова работает, или где? Давай рассуждать логически... Если ты выиграешь, Майера придется отправлять либо с какой-нибудь травмой, либо он озлобится, что ты его сделал, и пользы будет гораздо меньше. Если проиграешь... Я имею в виду, если поддашься, то своему начальству он так и доложит, что, мол, петушился господин капитан, петушился, а как до дела дошло, слабаком оказался. Что тоже не есть хорошо. Так что думайте, Денис Анатольевич, вы эту кашу заварили, вам и расхлёбывать. Тут я уж точно ни во что вмешиваться не буду...

Добро, перенесём удовольствие на попозже. Всё равно, не последний раз с ним видимся, будет еще возможность...

– Теперь немного о другом. – Павлов протягивает мне конверт. – Держи. Здесь полторы тысячи. Можешь считать это подарком или дружеской ссудой, отдашь, когда сможешь.

– Это еще зачем? Иван Петрович, у меня, слава богу, денег пока хватает, по миру идти не собираемся.

– Нет, ну что за человек! – Академик шутливо обращается к Келлеру: – Для него стараются, а в ответ – один негатив. Фёдор Артурович, будьте так добры, ознакомьте господина капитана с последними решениями командования.

Генерал открывает папку, лежащую перед ним на столе, и протягивает мне лист с машинописным текстом:

– Это, Денис Анатольевич, выписка из приказа об отпуске для подготовки к поступлению в Академию Генштаба. На экзаменах, конечно, гонять будут, но вами заинтересовался генерал-майор Потапов. И обещал некоторую поддержку.

– Пардон, а кто это?

– Только что назначенный начальник эвакуационного отдела Генштаба. Но это – официально, на самом деле – занимается всем, что касается разведки. Николай Михайлович хотел познакомиться лично и подробней узнать о действиях ваших «призраков». Включая методики обучения личного состава.

– И насколько ему можно доверять?

– Ну-у... В своё время появлялась информация, что Зимний был захвачен небольшой, но хорошо организованной группой офицеров, которые потом передали здание революционным матросам и исчезли так же внезапно, как появились. И что это действовали подчиненные Николая Михайловича из разведупра. Потапов был одним из первых, кто начал сотрудничество с большевиками, но не из политических убеждений, а чтобы не дать стране и армии развалиться. Особенно после приказа № 1, – Келлер выдает справку из будущего. – К нему стоит присмотреться. А возможно, он первым пойдет на контакт... Разговор сейчас о другом. И в Ставке, к которой вы уже прикомандированы, и в Академии одной полевой формы, в которой вы, господин капитан, шеголяете круглосуточно, будет недостаточно. Вот список, что вам нужно приобрести, чтобы не вызвать неудовольствия начальства.

Фёдор Артурович протягивает мне следующий листок, на котором букв напечатано значительно побольше, чем на первом... Ну ни... тра-ля-ля себе! Какой идиот до такого додумался? Две хэбэшки, гимнастерка и шаровары, это – ладно... Китель образца 1908 года с шароварами к нему – полностью шерстяной и наполовину... Долбануться!.. Куча белья, две пары сапог, две фуражки, сбруя имени мистера Сэма Брауна, полевая сумка... Охренеть... шинель солдатская, шинель офицерская со всеми прибабасами... А вот это вообще полёт военной мысли – «Лацкан пристяжной для полного комплекта наград к парадной и праздничной форме»!.. Очень нужен в повседневной службе... Дебилы хреновы...

– У вас сейчас будут большие траты на ребёнка, а тут еще самому прибрахлиться надо. Так что берите деньги, Денис Анатольевич, и не возражайте! – Павлов снова протягивает мне конверт. – Наш генерал сказал, что всё сразу не нужно, да и кое-что из своих интендантов пообещал выбить, но всё же придется раскошелиться рубликов на восемьсот золотишком.

– Угу, а вот если бы вы в гвардию собрались, господин капитан, пришлось бы несколько тысяч выложить, – Келлер подтверждает слова академика и с усмешкой добавляет от себя: – Да и служить было бы трудно. Ездить только на лихачах, в театрах билеты не дальше пятого ряда, про почти постоянные попойки и балеринок на вечер я уже и не заикаюсь.

– Нет, спасибо, ваше превосходительство, в гробу в белых тапочках я такую трудную службу видел! Я лучше к себе, в батальон, – подстраиваюсь под тон Келлера. – Там хоть на марш-бросках отдохнуть можно...

Глава 20

Красивая белокаменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Верхнее Мячково. Ехать от института – полчаса, хоть дорога местами и не очень ровная. Народу мало, все на заработках в Москве. Потому как слынут очень хорошими каменщиками. Настоятель, сорокалетний дяденька, чем-то неуловимо напоминающий благочинного отца Александра, с пониманием отнесся к просьбе провести всю церемонию в назначенное нами время, узнав, кто будет крёстной и кто пожелал присутствовать, и согласился на всё, кроме размещения вооружённой охраны внутри церковной ограды. Так что придется конвоем регента и великой княжны поскучать снаружи, вежливо перенаправляя случайных зевак по другим маршрутам, чтобы их праздное любопытство не было расценено как попытка покушения со всеми неприятными последствиями...

Утро было немного суматошным и принесло явственное ощущение раздвоения личности, когда одна половина головы размышляла, как и положено волнуемому молодому папаше перед знаменательным событием, а другая, более спокойная и рассудительная, пыталась проанализировать, всё ли предусмотрено для безопасности кортежа при следовании туда и обратно. Наконец Дашенька заканчивает кормление и убаюкивает дочку, быстренько рассаживаемся по машинам, и Михалыч, как старший колонны, дает команду на движение...

Даша остается в компании и под присмотром Митяева, ей до сорока дней в церковь, оказывается, нельзя, но и просто так отдать дочку в чужие руки она наотрез отказалась. Ну, а мы с крёстными идем дальше...

Голос отца Василия, читающего молитву, гулко и торжественно разносится по храму, священник крестит купель, дует на воду, затем идет к Келлеру, осторожно держащему спящую Машуню на руках. Мы с генералом в четыре руки быстро разворачиваем пелёнки, кисточка с елеем в руке батюшки касается лба, плеч и груди начинающей просыпаться дочери. Окончательное пробуждение наступает, когда её погружают в купель с традиционным «Во имя Отца, Сына и Святого духа», Ольга Николаевна берет нашу дочку на руки, остальные помогают обтереть и облачить маленького и возмущенно пищущего человечка в рубашечку и чепчик...

– Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мною... – Отец Василий надевает малышке на шею маленький золотой крестик и, прочитав еще одну молитву, уже другой кисточкой с чем-то ароматным начинает «крестить» ей лоб, глаза, губы и далее чуть ли не по всему телу...

Восковый шарик со срезанными кудряшками летит в купель. Таинство окончено. Марья, сообразив, что её больше не будут тревожить, возвращается к обычному занятию и сладко засыпает...

После торжественного обеда теща самозабвенно остается перебирать новые семейные реликвии. Что еще нужно новоиспеченной бабушке для полного счастья?.. Ладанка от Фаберже с изображением Богородицы с младенцем с гравировкой на обратной стороне «От М. Ф.», в смысле, от вдовствующей императрицы Марии Федоровны, серебряная крестильная ложечка с инициалами внучки и датой крещения, слегка потемневшая от времени икона пресвятой Марии Константинопольской, преподнесённая великим князем Михаилом, небольшая парусиновая сумка с клетчатым пледом и кучей детского белья, «обнаруженная» Фёдором Артуровичем в «Мюр и Мерилиз», брошка с жемчужиной в обрамлении маленьких бриллиантов, подаренная Дашеньке великой княжной...

– Вот, держи, Денис, для племянки привёз. – Михалыч протягивает мне продолговатый свёрток.

Разворачиваю обёртку, и в руках оказывается небольшая, чуть более полуметра, но самая настоящая казачья шашка. Кожаные ножны, простая деревянная рукоять на двух латунных заклепках...

– Гриш, ты, случаем, не ошибся? У меня, вообще-то, дочка родилась, а не сын. И от роду ей – неделя...

– А это ей не на сейчас. Есть у нас обычай шашку аль кинжал «на зубок» дарить. Вот через полгодика дашь Марье свет Денисовне в белые ручки и посмотришь, как и шо будет. Коль схватится да играть начнет – справный казак вырастет.

– Ага, ты хотел сказать – казачка.

– Денис Анатолич, у нас иные девки и казакам не уступят. – Михалыч довольно улыбается в усы. – Вот в гости приедешь, сам полюбишься... Батя вот с оказией шашку передал да кланяться просил, в гости звал...

Глава 21

Не то чтобы дела потом пошли как по маслу, но несколько дней после этого разговора фон Штайнберг уже учился ходить на костылях из-за «пагубных последствий пулевого ранения в бедро», как было указано в выправленных с помощью Воронцова сопроводительных документах, а Майер тренировался согласно такой же бумажке изображать донельзя контуженного близким разрывом снаряда. Всё это делалось под руководством доктора Голубева, выучившего знаменитую фразу Станиславского «Не верю!».

Сколько ни доказывал нашему «Комитету по устранению исторических ошибок», что смогу незаметно и благополучно переправить немцев через линию фронта и под белые ручки довести аж до штаба ближайшей дивизии, где окопался генералыштеблер, имеющий право прямого доклада в Берлин, большинством голосов было принято решение отправить в фатерлянд через Красный Крест пятнадцать – двадцать пленных гансов в ответ на возвращение наших Георгиевских кавалеров. И включить в их число наших «засланцев», которых сегодня этапировали в Питер.

На моё недовольное бурчание после окончания дебатов Павлов при стопроцентной поддержке Келлера популярно объяснил неразумному, что еще Суворов выдвинул не опровергнутый никем постулат о том, что пуля – дура, а штык – молодец. И что если какой ополоумев-

ший спросонья боец или зольдат влупит из винтаря по подозрительным шевелениям в кустах и грохнет того же Штайнберга – хрен с ним, другого найдем. А вот если прилетит подарочек единственному и незаменимому капитану Гурову, это будет уже непоправимая утрата. Причем у вышеупомянутого капитана есть супруга и маленький ребёнок, и рисковать по пустякам не надо, а то запас удачливости может закончиться гораздо раньше ожидаемого.

Перед отъездом у нас с гауптманом состоялся интересный разговор, точнее, мой почти монолог с редкими ремарками немца. Из которого, надеюсь, он хоть что-то поймет...

– Мы, немцы, слишком поздно осознали себя единой нацией. И вышли на старт, когда другие уже были на финишной прямой, растащив по дороге самые лакомые куски. – Время, как всегда тянущееся в ожидании очень задумчивой черепахой, и пара рюмок коньяка после обеда развязали Штайнбергу язык. – Нам остались одни объедки, которыми брезгуют другие.

– Ну, не такие уж они и объедки, если вы, Генрих, имеете в виду колонии.

– В десять раз меньше территории, чем у британцев. А населения в тридцать раз меньше. Я уже не говорю об их полезности...

– У вас была возможность поживиться за счет галльского петушка после франко-прусской войны, но Германия этого не сделала. И, насколько я понимаю, только из-за невозможности их удержать. Зато теперь, когда в немецких гаванях прописался Хох-зее-флоте, а в головах самих немцев идеи непонятно откуда взявшегося пангерманизма, кайзер решил немного подергать за усы одряхлевшего, на его взгляд, британского льва. Но не учёл, что англичане предпочитают воевать не столько своими, сколько чужими руками.

– Поэтому и создали угрожающий интересам всех немцев союз с Францией и Россией. С Парижем у нас давняя вражда, но почему Петербург стал на сторону Альянса, честно говоря, Деннис, я не понимаю. Даже в случае победы что получит Россия?

– Не «даже», Генрих. Как бы горько это ни прозвучало, всё же вам придется признать, что поражение Германии – просто вопрос времени. Об этом мы уже говорили... А Россия после войны получит ощущения гимназистки, которую заманили на сеновал шоколадными конфетками, но вместо вкусняшек предложили раздеться, расслабиться и получить максимум удовольствия. Я имею в виду согласие Британии на владение Проливами, очень невнятное и обставленное таким количеством оговорок и ограничений, что проще будет отказаться от этого «подарка».

– Зачем же вы тогда вступили с ними в союз? – Фон Штайнберг иронично усмехается. – Не проще было бы присоединиться к нам? В конце концов, по вашим же словам, настоящий противник у нас один и тот же.

– Об этом стоило бы спросить господина фон Бисмарка, который вместе с Австро-Венгрией очень здорово подгадил нам на Берлинском конгрессе, а затем приложил все силы к созданию Тройственного союза. Антанта была создана в противовес агрессивным германским аппетитам.

– И тем не менее войну начали славяне. Гаврила Принцип, стрелявший в эрц-герцога Фердинанда, был сербом...

– Бедный чахоточный студент был революционером из «Млада Босны». А эта подпольная организация, хоть и боролась за независимость от австрийцев, но, скорее всего, была на содержании всё тех же бриттов, старавшихся напакостить двуединой империи... Войну начали английские и американские толстосумы, стравив под благовидными предложениями наши страны. Могу даже назвать несколько конкретных фамилий – Ротшильд, Лёеб, Шифф. Во-первых, при условии подпитки обеих воюющих сторон, можно заработать огромные деньги. А во-вторых, есть у них навязчивая идея – похоронить континентальные монархии. С парламентариями любой партийности и национальности договариваться не в пример легче и дешевле, чем с капризными венценосными особами.

– Вы хотите сказать, что несколько банкиров способны влиять на правительства? – наивно удивляется Штайнберг.

– Ну, эти фамилии – акулы, вокруг которых выются прилипалы помельче – Варбург, Томпсон, Рокфеллер, Перкинс, Райан, Вандерлип, Дэвисон, Ламонт и так далее. Им наплевать на всё, кроме прибыли. И любое правительство любой страны им не помеха. Кто-то из Ротшильдов сказал: «Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела, кто будет устанавливать там законы». – Сказано это будет немного позже, но смысла абсолютно не меняет. – Сейчас они делают ставку на революционеров всех мастей. Своих социал-демократов вы смогли до поры до времени стреножить, но в условиях постоянного ухудшения условий жизни из-за тягот войны и в Германии могут набрать силу наиболее радикально настроенные борцы за справедливость, которые вдруг захотят свергнуть германского императора, не справившегося с бременем власти. Что же касается России, у нас этот процесс идет еще с тысяча девятьсот пятого года. И финансирование революционеров из-за границы – тоже. Причем ваша страна, Генрих, принимает в этом очень активное участие. Вам знакомо имя – Израиль Гельфанд? Он же – Александр Парвус?.. Нет? Данный господин от социал-демократии явился в ваш Генеральный штаб с подробным планом развала Российской империи путем денежной подпитки революционных и националистических партий. Самого его отодвинули в сторонку, но идею взяли на вооружение, не сумев победить нашу армию в открытой борьбе.

– Простите, Деннис, но в данный момент наши войска находятся на вашей территории, а не наоборот. И вспомните весну прошлого года. – Генрих пытается аргументированно ткнуть меня носом в очевидное.

– Не всё так просто. Давайте тогда уж вспомним наступление в Восточной Пруссии в четырнадцатом, когда ваши дивизии раскатывались в тонюсенький блин «русским паровым катком». И только преступная бездеятельность, если не сказать хуже, одного генерала превратила победу в поражение. А что касается нашего Великого отступления, оно было обусловлено в большей части специально созданным дефицитом боеприпасов, нежели слабостью русского солдата.

– Это тоже действия пресловутых революционеров? – Фон Штайнберг снова демонстрирует ироничную усмешку. – Или всё же ваш знаменитый русский... э-э-э... «бардак»?

– Ну, это смотря с какой стороны глянуть. Кто-то, пользуясь бардаком, набивает свои карманы, а кто-то, получая гораздо большие преференции, этот самый бардак организывает.

– Почему же ваш царь не прекратит это?

– Потому что эту информацию ему подают под абсолютно другим соусом. Не улыбайтесь, у вас дела обстоят точно так же, может быть, размах чуть меньше. Ни наш царь, ни ваш кайзер не получают стопроцентно правдивую информацию. Задача монархов – декларировать общее направление, а расставить акценты и проработать детали – это уже работа министров и их подчиненных. Чем, кстати, они очень хорошо пользуются.

– Так что, ничего нельзя с этим поделать? Не найдется ни одного честного человека, который смог бы открыть глаза...

– А его подпустят близко к августейшему уху? Я очень сомневаюсь... Хотя другой путь есть, пусть и не вполне законный, но тем не менее достаточно эффективный. У нас на Руси есть поговорки типа «Сколь веревочке ни виться, всё равно конец известен» или «Все мы под Богом ходим». Был у нас один известный парламентский деятель, Александр Иванович Гучков. Почти открыто выступал против императора, любил называть себя *его* личным врагом... – Дальше делаю многозначительную паузу и, насколько это возможно на немецком, перехожу на эзопов язык: – Да вот беда, любитель был за чужими женами поухлёстывать, да еще и заявил недавно, что у наших эсеров нет будущего... Выходил как-то из ресторана, да и получил пулю, для него отлитую. Говорят, то ли революционеры на него сильно обиделись, то ли муж его спутницы оказался чересчур ревнивым...

Гауптман долго и пристально смотрит на меня, вникая в смысл сказанного, затем возражает:

– Это незаконно, это – преступление...

– Согласен, но есть два пути решения вопроса. Или признать преступлением и осудить, или поменять законы. Один мысленный эксперимент... на основе вышеупомянутого вами русского бардака... Допустим, командиру дивизии приказано атаковать противника всеми силами. В первом случае он при неудаче будет отстранен от должности и откомандирован в резерв дожидаться следующего раза, чтобы «отличиться». Во втором – по некоему гипотетическому закону он подлежит суду военного трибунала, невзирая на чин, а его всё имущество – конфискации в казну. Более того, все детали процесса будут активно освещаться в прессе и очень негативно скажутся на репутации семьи. Вопрос: будут ли действия дивизионного командира одинаковыми в обоих случаях?.. Ответ очевиден?

– Конечно. Но ведь ситуации могут быть разными. Еще фон Клаузевиц ввёл понятие «туман войны»...

– Ну, а для этого нужно будет создавать, к примеру, Военный арбитраж, куда войдут честные и грамотные офицеры. Именно честные, а не преданные кому-либо... Но вернёмся к парламентариям. Принцип тот же: если его деятельность наносит вред стране, он – преступник. Или по некомпетентности, или по злему умыслу. Что на суровость приговора не повлияет...

Ну, хорошо, еще один пример. Представьте себе некий механический прибор, состоящий из шестерёнок, болтиков, шайбочек и прочих мелких деталей. Он работает, пока все они исправны и выполняют свои функции. Но если какая-то деталь ломается, прибор не действует. Следовательно, детальку изымают и ставят на её место новую... А старую – или ремонтируют, если это возможно, или выбрасывают за ненужностью...

С Майером беседа была гораздо короче и скучнее. Кто о чём, а вшивый – о бане... Единственное, что гордый тевтон соизволил сообщить русскому варвару, так это то, что наш поединок не отменяется, а переносится на неопределенное время. Пришлось заверить беднягу, что, мол, да, any time, any place, всегда к вашим услугам. Была бы вместо фуражки шляпа, как у д'Артаньяна, расшаркался бы в реверансах... Ну, и хрен с ними, будем заниматься текущими делами. Конец августа, надо Лесечку в гимназию пристроить, а то у наших медиков, взявших над ней плотное шефство, что-то туго это получается, везде вежливо посылают подальше. И проконтролировать, как втянется в учёбу новый поток фронтовиков. Приехал там один индидуум – так я чуть на пятую точку не сел, когда фамилию услышал!..

Глава 22

– Ну и загонял ты меня сегодня, Сидор Артемьевич! – лихого вида вояка с щегольскими «кавалерийскими» усами, добродушно улыбаясь, обращается к сидящему рядом в курилке худощавому унтеру. – Совсем никакого почтения к старшему по чину. Где это видано, чтоб цельный фельдфебель и Георгиевский кавалер, как мальчонка какой, по деревьям в чужом саду за яблоками лазил? И на што ето нам, така учёба?

– Так тебя ж, Василий Иванович, одразу предупредили, шо здесь вы все курсанты и должны делать то, шо инструктора накажут. Вот, к примеру, начнет тебя какой ефрейтор на кулачках учить биться, так ему шо, на погоны твои глядеть и во фрунт становиться? А крестов и у меня достанет не меньше твоего. Ты краще помиркуй: когда по лесу ходишь, много поверху глядишь? Вот то-то и оно, шо нет. И гансы тако же под ноги больше смотрят. Бредут себе, к примеру, парочкой в патруле, а тут на одного с дерева кто-сь прыгает, а второго – кочка иль кустик какой уже на травке разложил. От и нету патруля-то. И быстро, и тихо. Мы в роте давно так делаем...

– Эт-та хто ж такое придумал?

– Кто придумал – не ведаю, а в обучение наш командир ввёл. Как и всё остатнее. Хлопцы казали, шо у командира не только солдаты обучались, а и господа офицеры, да и не один десяток эту науку проходили.

– Это батальонный ваш, што ль? Какой-то он... С приба-бахами. Моё фамилие услышал, так аж в лице переменился. А потом имя, да еще и с отчеством слёту угадал. А еще и спрашивает так с усмешкой, мол, а ты, фельдфебель, хорошо плаваешь? К чему бы?..

– А хто ж его ведает, Василь Иванович? Хотя, как ты говоришь, прибабахов у него хватает... Ты-то хоть сам сюда вызвался ехать, а я... Знаешь, как сюды попал? Нет, то послухай мэнэ. Служил себе в своем родном 186-м Асландузском, к нам как-то раз дохтуры какие-то приехали, один из них мне пилюльку дал, мол, кашлять не будешь. Я и заснул, а проснулся уже в поезде. Хотел было бучу поднять, а мне прапорщик сопровождающий приказ за подписью аж командующего армией под нос тычет, мол, переведен ты, ефрейтор, в другое место... А командир, когда ему представился, тогда еще смеялся, мол, Ковпак есть, осталось Чапаева, Жукова, Малиновского и ешо кого-то там найти. Вот тебя он уже нашел.

– Да откель ему про меня знать? Я ж не персона какая важная, простой плотник... И зачем я ему сдался?

– Не знаю, то его дела странные. Тут, в батальоне, всё поначалу необычным казалось, а щас – ничего, уже пообвык.

– И што тут такого странного?

– Да много чего... То, што сюда попал, ешо ничего не значит. Вот присягу государю все давали, вроде и равны должны быть, а здесь покуда обряд не прошел, будешь чужим. Гнобить, само собой, никто не будет, но и близко к себе не подпустят, будут за дитё малое считать, хоть и грудь вся в крестах и сам ты из себя весь герой.

– Да што за обряд такой?..

– А должен каждый сходить через нейтралку и ганса в окопе одним ножом кончить и евонную винтовку забрать. Она-то его личным оружием опосля становится. Оно понятно, не один идешь, хлопцы рядом. Но горло режешь сам, и, если сплехуешь, могут и не успеть помочь. Ежели смог, ты – уже свой, за тебя весь батальон горой станет, любого порвут. Тока и сам будь любезен, чуть шо, то ж самое сделать. И офицеры нам – как братья старшие. Поначалу в диковинку было, шо никто из благородий на солдата не материт, рук не распускает. Потом тока докумекал, тут война другая, и офицер с простым солдатом должны друг друга с полувзгляда понимать, иначе – труба.

– И што, их благородия тоже обряд проходили?

– А то як же ж! Вона ротный наш, Сергей Дмитрич, пока не обучился всему наравне с солдатами, тока дневальными, считай, и командовал. А уж потом казаки его на ту сторону сводили. И другие – так же... А вообще, у нас больше половины офицеров из нижних чинов вышли, сами лямку тянули. От хоть того же Котяру возьми. То бишь прапорщика Ермошина. Полтора годика назад простым солдатом был. Глянулся чем-то командиру, тот его к себе и взял. За егое время до зауряд-прапорщика дослужился. А недавнось экзамены в гимназии сдал, и – на тебе офицерские погоны.

– А пошто его Котярой зовут?

– Хлопцы казали, были они с командиром как-то *там*... Ну, понимаешь, о чем я. И получилось, что патруль германский што-то заподозрил там, где они залегли, а шум поднимать нельзя было. Вот Федор тогда и выдал. Котом как заверещал и булыгой в кусты запустил. Ну, гансы и подумали, шо кошки там шуры-муры крутят. От с тех пор у него позывной «Кот».

– И нашто вам етии... как его... позывные, имен мало?

– На задании, когда вражина рядом, друг друга так называем – тихо и коротко. Я вот Сидом стал по имени своему, Боря Сомов – Бором, Мишка Пилютин – Усом, казаки из первого

состава, ну, те, шо с командиром с самого начала начинали, так те вообще – Рэмба, Шварц, Зингер, Гор, Змей, Гунн.

– А с их благородиями тако же? Вроде как не по уставу обращенье-то.

– Так это на задании. Вот Остапец – Батя, это у него, ещё когда он сотней погранцов командовал, прапорщик Горовой – Хим... Кто там ешо?.. Поручик Стефанов, он щас со своими под Питером, – Ян, таму, шо свою роту «янычарами» зовет...

– А у командира вашенного какой позывной?

– Гур. Это от фамилии евонной. А так – командиром и зовём... Хотя есть у него ешо один позывной, но это – так... Ребята его промеж собой Бешеным зовут.

– Чего так?

– Сам не видал, но в казарме гутарили... Как-то разведка возверталась с языком, да гансы заметили, тревогу подняли. Один казак остался отход прикрывать. А командир их на нашей стороне ждал. Как узнал про это, говорит, мол, мы своих ни живых, ни мертвых не оставляем. Свистнул нескольких человек, взяли у местных окопников лопатки и – обратно к германцам. Отбили того казака, он контуженый оказался, и обратно приползли... Так ребята говорили, командир, когда в окоп прыгнул, с ног до головы кровищей был весь заляпанный. Лохматка, сапоги, руки, лицо... а глаза такие – смотреть страшно... Вот потому и стал Бешеным. За своих хоть перед германцем, хоть перед кем не отступится.

– А с виду – вежливый такой, весёлый, улыбается всё время. Я было подумал, што и вояка он не очень штобы.

– Ага, ты наших поспрошай, они тебе много чего интересного расскажут. У него тока личный счет – под две сотни гансов. А весёлый – так дочка у него недавно родилась, вот и улыбается.

– Это когда по чарке на ужин дали?

– Ты, Василь Иваныч, об этом и сейчас потише, и опосля никому не рассказывай. У нас в батальоне, считай, сухой закон, но вот по особым случаям... Ну, там, Георгия кто получит аль медаль. И, опять же, дитёнка обмыть надобно было с господами офицерами, никак без этого. А штоб нам обидно не было, он Батю и попросил угощенье всем устроить. Ну, как бы мы сами тихонько надыбали, а командиры вроде и не заметили. Опять же с провиантом, сам же бачив, кормят от пуза. И побачь, харчуются и солдаты, и офицеры из одного же котла. Эта тож командир постановил.

– Хороший-то он у вас хороший... До поры до времени. Вот, например, прикажут ему генералы, и выведет он в случае чего ваш батальон демонстрацию аль забастовку усмирять. Как в девятьсот пятом было... Што тогда делать будешь, Сидор Артемич, в простой люд стрелять аль штык супротив своего командира повернёшь, а?

– Послужишь, Василь Иваныч, у нас поболе, поймёшь, што он не тока не поведёт нас супротив простых людей, а ешо и другим не даст того сделать... Вот ты у себя в полку слышал о гуровцах?

– Дык хто ж не слышал-то? И про дочку царскую знаем, и про Нарочь, и про Барановичи... Да ты меня с толку-то не сбивай. Он што, приказа не выполнит? Да за ето ж его...

– Не-а! Штоб ты знал, командир помимо прочего ешо и офицером по особым поручениям у регента служит. По каким таким особым – понимаешь? И миркую я, шо великий князь Михаил Александрович к нему прислушивается... Вот и прикинь, коль такая катавасия начнется, выйдет наш командир перед солдатами, коих выведут стрелять в народ, и скажет, мол, вот он я, капитан Гуров, хотите в своих стрелять, с меня начните. А то и по-другому можно... Как думаешь, трудно нам будет в чужой полк пролезть, караулы возле ружкомнат поставить, всех на плац согнать и офицеров в отдельной комнате запереть? Вона, рядом с нами донцы квартируют, бачив? Как сюда перевелись, они с нами прям через губу разговаривали. Оно понятно – казаки, не то што мужики в шинелях, пусть и гуровские. Как-то человек

десять пошутить хотели, ночью пытались наших дневальных скрасть... Потом ротного чуть ли на коленях умоляли обратно по всей форме отпустить, а не в одних подштанниках. А через недельку наши к ним в гости сходили, то ж самое сделали да на всех дверях записочки повесили со словом «Бомба»...

– Ну, может, оно и так. В окопах мужики щас о многом талдычат, да и в стране, вишь, што деется...

– Ага, талдычат, да всяких брехунов-агитаторов слушают... Ты сам-то, случаем, не из партийных будешь, а, Василь Иваныч? – Ковпак насмешливо глядит на собеседника. – Да не бойсь, не побегу жандармам жалиться.

– Да и не боюсь я ничего!.. Я – за то, штоб по справедливости для всех, особливо для простых людей. А так, было у нас много болтунов всяких, есеры там, анархисты всякие. Последние вроде толковую мысль предлагают. Надо государство поуничтожить, народ сам в общины соберётся, а там и оне промеж собой договариваться будут. Вот захотел портки новые, пошёл к портным, оне их и пошили. А ты им взамен там табуретку какую иль стол сделал.

– Общины, говоришь? Дык те ж крестьяне давно так живут, и шо, щастливы? С хлеба на воду перебиваются. А то и до лебеды доходят.

– Ето потому, што над ними куча всякой шушеры стоит. Чиновники там, помещики, буржуи, полиция... А не будет их – по-другому народ заживёт.

– Да не заживёт, Василь Иваныч. Вот гутарили мы как-то с командиром, он нам и разложил всё по полочкам. Вот какой-то мужик ему сказал, шо мог бы больше хлеба там, да и всего другого нарастить, да община не дает. Кожный год наделы по-новому раздают, и нет у мужика того интереса за землецей ухаживать, мол, всё одно, уйдёт она к соседу, а тот даж спасибо не скажет, ешо и посмеётся.

– И он с вами про такое разговоры разговаривает?

– Сейчас-то командир в отъезде, иногда на пару дней заедет, и – всё. А раньше частенько по вечерам с ним за жисть говорили. Он нам свою идею и обсказал. Надо, мол, торговлю хлебом у купцов-дармоедов забрать в государственную власть, штоб цены не взвинчивали, крестьянам дать землю, но и штоб оне оговоренный хлебушек сдавали, а не на самогон переводили. Рабочим на заводах – условия человеческие, учить их специальностям, штоб не было «подай, принеси, пошёл отсю-дова», больнички опять же при каждой фабрике штоб были...

– Да хто ж на такое согласится? Это ж для заводчика чистое разорение.

– А хто его спрашивать-то будет? Хочешь быть заводчиком – делай что сказано, тогда тебе и почёт с уважением, и заказы всякие от государства. Не хочешь – вот те штрафы за то, што работники у тебя живут хреново. А будешь с другими недовольными супротив власти умышлять, заводики в казну, а самих – на каторгу. В Сибирь там иль ешо куда. Лес валить, дороги строить... Да и щас люди посреде них есть. Тут до нас часто академик приезжает, ну генерал, только штатский. И от него нам польза великая выходит: консервы там новые, сладости, как он там их... витаминами кличет. Палатки опять же...

– Ну да, так царь и согласится. Он-то первый против народу...

– Да не против он народу, просто те ж богатеи через министров ему толкуют, што, мол, от водки да от нечего делать русские мужики бунтуют. Вона его сицилисты «сусликом царкосельским» обзывали, а он сам оружие новое да огнеметы проверял, там его и поранило жутко як.

– А командир ваш, значицца, ему правду расскажет, и всё хорошо будет, так?

– Так я ж тебе сказал, Василий Иваныч, и про него, и про регента. Думаешь, просто так всё у них?.. Ладно, пошли-ка в казарму, скоро поверка уже. Потом договорим...

Глава 23

Семейства Филатовых и Прозоровых после лёгкого завтрака покинули свои дома и двинулись к месту проведения спортивного турнира. Следует сказать, что дамы проявили чудеса скорости в подготовке к выходу в свет и затратили на это не более часа, что составило своеобразный рекорд. Даша с дочкой в сопровождении Ольги влились в небольшую, но дружную компанию молодых мам и остались на детской площадке; Саша и Матвей, оседлав тандем и азартно налегая на педали, захватили лидерство гонки среди поклонников этого вида транспорта, причём возраст велонаездников порою отличался в разы. Ольга Петровна и Полина Артемьевна, проходя мимо открытой сцены, приняли участие в музицировании и даже сорвали массу оваций, исполнив один из романсов, текст которого записал им Денис Гуров. Полученные призы вызвали полное одобрение дам, ибо это были красивые плетёные корзиночки, заполненные шампунями, экстрактами для ванн и фигурными кусочками туалетного мыла. Все эти великолепия, изготовленные на небольшом экспериментальном предприятии Академгородка, источали чудесные ароматы и, безусловно, являлись эксклюзивными образцами.

– Однако ж пора и на городошный турнир, – взглянув на часы, напомнил Михаил Семёнович. – Иван Петрович просил не опаздывать и еще подчеркнул, что специально мастера игры выписал. Лицо всем известное, в некотором роде – публичное и возвышенное, а посему в институт приехал инкогнито, не дай бог в Москве прознают – перехватят или, того хуже, сюда пожалуют и весь праздник испортят.

– Это с воронцовской-то охраной? – парировал Александр Михайлович. – Я тебя умоляю, Миша. Потопчутся перед воротами и уберутся несолоно хлебавши, пока караульные нервничать не начали. Вспомни, как к нам на стройку какой-то гешефтмахер рвался. Ребятки на КПП пару раз в воздух бабахнули, какого он после этого стрелача задал!.. Только вот Иван Петрович, старый лис, имя гостя не называет, боится сюрприз испортить. Намекнул только, что мы его знаем, а может быть, даже и видели.

На протяжении нескольких минут пути к месту игры оба инженера азартно спорили, пытаясь угадать личность этого «инкогнито». Высказанная Филатовым-младшим версия, что это кто-нибудь из великих князей, вызвала дружный смех всей компании, включая её женскую часть, который подвел черту дискуссии, тем более что они уже добрались до места проведения турнира.

Для игры заранее подготовили заасфальтированную площадку, окружённую по периметру забором из сетки, дабы обезопасить зрителей от шальной биты. Сбоку для зрителей и болельщиков была сооружена четырёхъярусная спортивная трибуна с навесом. Игроки в белых летних брюках, рубашках и теннисных туфлях, разбившись на кружки, то и дело посматривали на часы, так как до начала оставалось всего минут пять, а Павлов еще не появился. Но вот послышалось мягкое урчание электродвигателя, чуть слышный писк тормозов, и у площадки остановился электромобиль академика, который народ уже окрестил Наутилусом. Первым из открытой двери вышел Иван Петрович, который сейчас больше напоминал купца-коробейника – красная рубаха с русским узором навыпуск, опоясанная кушаком, шаровары, заправленные в мягкие сапоги. Но буквально через мгновение внимание всех присутствующих сосредоточилось на человеке почти двухметрового роста, который с некоторым трудом, пригнувшись, протиснулся наружу. Это был сам Фёдор Иванович Шалапин!

На протяжении нескольких секунд практически все присутствующие замерли в изумленном молчании, дружно и совершенно неосознанно изобразив финальную сцену из гоголевского «Ревизора». Но Павлов не дал этому надолго затянуться, произнеся с нарочитым укором:

– Ну что вы, дамы и господа, так ли следует приветствовать дорогого гостя?

Оцепенение прошло, и знаменитый бас был взят в кольцо искренними поклонниками и поклонницами таланта великого русского певца. Аплодисменты непрерывно прерывались восторженными вопросами:

– Как – это вы?!.. Какими судьбами?!.. А вы к нам надолго?!.. Федор Иванович, вы споёте нам?!..

Среди присутствующих только двое знали, каких поистине титанических усилий стоило организовать посещение института Шаляпиным. Первым был сам Павлов, который с победоносной улыбкой режиссёра наблюдал за удачно поставленной сценой. Вторым – ротмистр Воронцов, которому Иван Петрович поручил поспособствовать этому посещению и который поначалу выразил сомнение в успехе этого действия. Ибо Фёдор Иванович, как и многие иные короли сцены, обладал весьма сложным и капризным характером. Крестьянский сын, вошедший в самые высшие сферы богемы, он часто вёл себя как разбалованный ребёнок. Открывал лазареты для раненых солдат и возвращал подаренные императором золотые часы как «недостаточно дорогие», торговался в лавке с приказчиком, требуя сбросить цену на трость, и одновременно сорил деньгами в роскошных ресторанах. Бунин приписывал Шаляпину фразу «Бесплатно только птички поют», которую тот частенько повторял, согласовывая размер гонораров. Фёдор Иванович умел и любил много и со вкусом выпить и был способен в один присест съесть два фунта икры. Вот этот «человечище» и «богатырь» к сорока годам приобрел целый букет хронических болезней – от подагры и диабета до лёгочных заболеваний и нервного расстройства. Хуже всего было то, что венчало этот комплекс чувство недоверия к отечественным врачам.

Просчитать поведение подобного индивидуума было практически невозможно, а использовать любые силовые сценарии Павлов категорически запретил. Но посоветовал внимательно отслеживать все перемещения Шаляпина, начиная с августа и особенно во время пребывания в Сочи:

– Петр Всеславович, если мне не изменяют воспоминания из будущего, то у нашего артиста должны возникнуть серьёзные проблемы на даче Стаховича. Не помню точно, но что-то связанное с попыткой ограбления и сопутствующей этому стрельбой. Прошу вас, поезжайте туда лично и отслеживайте ход событий, чтобы вмешаться в нужный момент. Будем надеяться, что изменения в истории не скажутся на этом. Вот письменное приглашение многоуважаемому Фёдору Ивановичу от академика, тайного советника и Нобелевского лауреата Павлова посетить его институт. И не забудьте добавить ему на словах, что он сам и его волшебный голос – это сокровище и достояние империи, требующее соответствующего ухода.

Надежды Павлова оправдались. Вскоре московские газеты запестрили заголовками «Нападение на великого певца», «Шаляпин убил злоумышленника», «Что грозит знаменитому певцу за случайное убийство?». Но содержание репортёрских «шедевров» было практически одинаковым: «Ф. И. Шаляпин занимал комнату в доме М. А. Стаховича во втором этаже, выходящую во фруктовый сад. В первом часу ночи Ф. И. Шаляпин отправился спать, причём, по обыкновению, положил портсигар, золотые часы и бумажник на письменный стол, стоявший меж двух окон, выходящих в сад. Ф. И. Шаляпин оставил открытыми окна, погасил свет и собирался уснуть. В это время он услышал подозрительный шорох. Приподнявшись на кровати, он увидел грабителя, забравшегося на подоконник по приставной лестнице. Вооружившись револьвером, Ф. И. Шаляпин дал возможность грабителю войти в спальню, и в то время, когда грабитель собирался каким-то средством одурманить Ф. И. Шаляпина, артист произвел выстрел. Пуля попала злоумышленнику в грудь. Ф. И. Шаляпин подбежал к окну и, увидев другого, стоявшего возле лестницы грабителя, произвел второй выстрел в воздух. Сбежалась бывшая в имении прислуга. Соучастник грабителя успел скрыться. Немедленно было сообщено судебно-следственным властям и сыскной полиции, по прибытии которых с трупа граби-

теля была снята фотография. Судя по одежде, злоумышленник принадлежал к шайке местных грабителей. При обыске в кармане грабителя нашли дурман, а также отточенный кинжал».

Певец был потрясен и морально подавлен. Пусть и защищаясь, он отнял жизнь у человека. Тем более что падкие до жареных фактов местные журналисты тут же объявили, что убитым оказался безобидный юродивый. Ныло сердце, горло как будто терзали иглы, приступы подагры обострились. Шаляпин, который всегда панически боялся потерять голос, решил, что приходит расплата за грех смертоубийства, и приготовился к самому худшему. Но неожиданно в дверь его комнаты постучала горничная и доложила о прибытии его высокоблагородия коллежского асессора Звенигородского Георгия Петровича с личным письмом к господину Шаляпину от академика и Нобелевского лауреата И. П. Павлова. Первым порывом Шаляпина было отказать в посещении, но затем победила природная крестьянская смекалка и расчёт, и он отдал распоряжение впустить.

В комнату незамедлительно вошёл мужчина средних лет, в отлично пошитом гражданском костюме, но с явно военной выправкой. Почтительно, но с чувством собственного достоинства он отрекомендовался Фёдору Ивановичу и протянул ему конверт, запечатанный сургучной печатью Управления санитарной и эвакуационной части Русской Императорской армии. В последнее время информация о невероятно эффективных методах лечения и о чудесных исцелениях, которые происходили в подмосковном Академграде, с завидным постоянством стала появляться на страницах газет. Да и по слухам первые лица империи, включая самого государя и членов августейшей фамилии, прибегали к помощи Павлова как врача. Возможность показаться такому светилу медицины польстила самолюбию Шаляпина, тем более что статус пациента позволил бы ему на вполне законных основаниях скрыться от назойливого внимания газетчиков и просто обывателей, любящих копаться в чужом грязном белье. Фёдор Иванович еще раз перечитал послание, перекрестился и произнес:

– Я еду с вами, господин коллежский асессор. Когда мы отбываем?

– По возможности как можно быстрее, Фёдор Иванович, автомобиль нас ждет. И, если не возражаете, то давайте обойдемся без чинов. Дорога неблизкая, и так нам будет удобнее общаться.

Шаляпин в знак согласия кивнул и протянул руку для пожатия, ощутив крепость и силу руки своего визави.

Так как мысли о необходимости отъезда из Сочи уже не раз посещали его за последние несколько дней, чемодан с самыми необходимыми вещами был уже собран. Георгий Петрович гарантировал, что хозяина дачи Стаховича поставят в известность о причинах и цели отъезда, естественно, в самых общих чертах. В автомобиле находились еще два пассажира, рядом с водителем и на заднем сиденье. Последовало короткое представление: «Доктор Михаил Николаевич Голубев», «Помощник академика Павлова по организационным вопросам Петр Всеволодович Воронцов». Далее события понеслись в бешеном темпе. Автомобилем до Сочинского порта, небольшой парусно-винтовой шхуной до Туапсе, и далее по железной дороге со сменой нескольких поездов. На заключительном этапе они ехали в грузопассажирском вагоне, прицепленном к санитарному эшелону, и были, к удивлению Фёдора Ивановича, практически полными хозяевами вагона, если не считать шестерых солдат и прапорщика с эмблемами автомобильных войск, которые сопровождали груз в институт и одновременно отвечали за безопасность пассажиров. Условия его проезда, как понял Шаляпин, были максимально комфортными, насколько это было возможно. Наличествовал туалет и даже небольшой душ, питание поступало из вагона-кухни и в судочках приносилось в купе. По убедительной просьбе Воронцова, Фёдор Иванович не выходил из вагона днём и прогуливался по перрону только во время ночных остановок. К счастью, в чемодане Петра Всеволодовича оказалось несколько романов Жюль Верна. С особым удовольствием певец прочитал «Вокруг света за восемьдесят дней»

в переводе малороссийской писательницы М. Вовчок, который как нельзя лучше походил на их приключения...

А далее – прибытие в какую-то сказочную «крепость» и несколько дней общения «с лучшими врачами империи», как их отрекомендовал академик Павлов. Более всего Фёдора Ивановича удивил и даже немного испугал вид фантастических медицинских приборов, собранных в одном помещении, и он даже попытался задать полушутливый вопрос, не собирается ли уважаемый академик сделать из него нового Франкенштейна? Однако все страхи и сомнения пропали при виде очаровательных девушек в белых халатах, которые по команде Ивана Петровича поочередно прикрепляли к его обнажённому торсу какие-то провода с резиновыми присосками. Причём делали они это так осторожно и деликатно, что Шаляпин прикрыл глаза и расслабился, лёжа на белой кушетке. А затем пришел черёд и, собственно, самого лечения.

В институте был собран полный комплект аппаратуры для электромагнитной терапии конструкции Ижевского, но прошедший соответствующую модернизацию, основанную на познании Темина – Теслы. После каждого сеанса Фёдор Иванович ощущал прилив сил, небывалую ясность мыслей и ощущения возрастающего единства тела и духа...

Традиционные методы лечения не были позабыты, но порции пилюль существенно урезали, заменяя кислородными коктейлями, целебными чаями и морсами. Не меньше пользы принесли и вечерние беседы Шаляпина и Павлова. Может быть, впервые после детства и юности Фёдор Иванович почувствовал себя рядом с настоящим другом, в компании с которым можно выговориться и не пожалеть об этом. Через десять дней Иван Петрович, придирчиво просмотрев результаты анализов и в дуэте с доктором Голубевым в четыре руки и уха промяв, простучав и прослушав Шаляпина, вынес свой вердикт:

– Ну-с, уважаемый пациент, хочу вас обрадовать – пик ваших хворей мы немножко срезаем, теперь самое важное – это режим. А посему ближайший месяц предлагаю провести на территории нашего института. Тем более что за это время окончательно уляжется шум вокруг ваших злоключений в Сочи. С точки зрения закона вы действовали абсолютно правильно, защищаясь от вооруженного грабителя, и Фемида уже вынесла свое решение, но нужно, чтобы все эти щелкоперы из газет полностью потеряли интерес к этому делу. Кстати, попытаюсь вас развеселить... В некоторых бульварных листках напечатали информацию, полученную, само собой, «из заслуживающих доверия источников», о том, что певец Фёдор Шаляпин, воспользовавшись услугами контрабандистов, бежал в Турцию, а откуда на специально присланном цепелине улетел в Германию. Лучшим ответом подобным писакам, как мне кажется, может послужить ваш сольный концерт перед находящимися на излечении офицерами и солдатами Русской Императорской армии, а если еще при этом у вас будет обновлен репертуар и некоторые песни прозвучат впервые, то...

При этих словах Шаляпин вскочил со своего кресла и, буквально прервав Павлова на полуслове, произнес:

– Иван Петрович, я не могу оспаривать ваш авторитет врача и учёного, но в музыкальном мире я живу не первый год. Вы не представляете, какие там кипят интриги и какая борьба идет за репертуар. Поверьте, леди Макбет или окружение короля Лира – это просто невинные гимназистки по сравнению с теми, с кем приходится иной раз иметь дело. Но при этом любой свежий текст, новая мелодия становятся известными. И я боюсь, что...

На этом месте уже Павлов жестом остановил Шаляпина.

– Многоуважаемый Фёдор Иванович, как говорит старая пословица: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Но я предлагаю вам и увидеть, и услышать. Давайте пройдем в одну из наших лабораторий...

В небольшом помещении с плотно закрывающейся дверью на столе стоял какой-то непонятный прибор, возле которого манипулировал кнопками и тумблерами молодой человек в белом халате.

– Это Юрий, один из наших техников. Если помните, Фёдор Иванович, то Митрофан Ефимович Пятницкий, собирая русские народные песни, записывал на фонограф голоса крестьян, их исполнявших, тем самым сохранив их для потомства и открыв для слушателей. Мы занимаемся чем-то подобным, собираем песни, открываем новых авторов и сохраняем их труд, правда, и техника у нас чуть-чуть получше. Тем более, сейчас война, и тот, кто сидит в окопах на передовой, ходит под Богом. Присаживайтесь, Фёдор Иванович, и слушайте. На все ваши вопросы я отвечу чуть позже. Юра, запускай.

На приборе закрутились какие-то диски, перематывая тонкую стальную ленту, и в комнате негромко, но достаточно четко зазвучали звуки гитары и мужского голоса:

Пусть я погиб у Ахерона
И кровь моя досталась псам, —
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона
Все так же рвётся к небесам.
Все так же смел он и беспечен
И дух его неустрашим.
Пусть век солдата быстротечен,
Но вечен Рим! Священный Рим!

Шаляпин замер в кресле, помимо воли вцепившись руками в подлокотники. Мелодия, звучавшая в ушах, резала слух своей непривычностью, она не была похожа ни на народную песню, ни на городской романс, ни на оперную арию. И привлекала именно этим, своей непохожестью, жёсткостью, воинственностью. Так действительно мог петь только покрытый шрамами римский легионер-ветеран, прошагавший полмира во имя Рима и Тиберия Августа...

Фёдор Иванович не просто слушал песню, он внимал ей, впитывал её всеми фибрами. Глаза были прикрыты, а губы беззвучно шевелились, повторяя слова. Раздался щелчок тумблера, который прервал исполнение. Несколько мгновений в комнате стояла полнейшая тишина, затем посыпался шквал вопросов Шаляпина:

– Кто?!.. Кто это пел?!.. Как?!.. Когда?!.. Откуда?!..

– Постараюсь ответить на ваши вопросы по очереди, – не спеша и обстоятельно начал Павлов. – Это пел один из моих знакомых офицеров-фронтовиков. Еще совсем молодой, но прошёл через многое. Вся грудь в шрамах и крестах, но душа осталась чистой, вот и сочиняет между боями... А теперь представьте, как эта песня зазвучит в вашем исполнении, да еще и под хороший оркестр.

– Иван Петрович, дорогой мой, вы просто обязаны, вы слышите, – *обязаны* познакомить меня с этим человеком. Делайте что хотите, но его нужно отозвать с фронта, это просто самородок, гений, он не должен, вы понимаете, он не имеет права погибнуть!

– Федор Иванович, ну успокойтесь же, дорогой мой. Скоро вы встретитесь с этим офицером. Кстати, он почти полный тезка легендарного Дениса Давыдова, его зовут Денис Анатольевич. Давайте поступим так... Вот вам полный текст песни, в этом здании есть небольшой рояль и найдётся неплохой аккомпаниатор. Вы сможете порепетировать, потом соберём оркестр, проведём генеральную репетицию, а там можно предстать и перед публикой. У нас тут через недельку объявлен спортивный праздник, так что – милости прошу принять участие в городошном турнире. Я и сам любитель этой игры, да и вы, Фёдор Иванович, её как будто жалуete. А после него, вечером можно и вам выступить. Все это будет на территории нашего института, так что можете быть спокойным – недоброжелателей и завистников, а тем паче конкурентов и журналистов здесь нет и не предвидится. Кстати, именно здесь проживает семья Дениса Анатольевича – жена с маленькой дочуркой, тесть и тёща, которая, кстати, недурно

музыцирует и поёт. У неё целая тетрадка заполнена песнями и романсами зятя. А еще дней через десять приедет и он сам. Ну как, договорились?

Нечего и говорить, что возражений со стороны Шаляпина не последовало, а наоборот – наблюдался всплеск, или, точнее сказать, взрыв энтузиазма и желание работать, работать и работать...

Глава 24

Пока эти воспоминания проходили перед мысленным взором Воронцова, городошники приступили к разминке. Павлов снова стал центром внимания, временно оторвав его от Шаляпина, в конце разминки совершенно неожиданно для всех встав на «мостик», а потом резко вернувшись в вертикальное положение. Затем все приступили к игре, временно позабыв о знаменитостях.

Но сюрпризы на этом не закончились, после упорного сопротивления команда, противостоящая павловской, всё же признала свое поражение. Площадка быстро очистилась от игроков и городошных аксессуаров, и на ней появилось несколько гармонистов и балалаечников под предводительством «зазывалы», который зычным голосом без труда перекрыл шум возбужденной толпы зрителей:

– Дамы и господа! С давних времен у нас на Руси народ любил на праздники кулачным боем тешиться, силушку свою молодецкую показывать! Вот и мы предлагаем вам последовать примеру предков наших! Только не обессудьте, господа хорошие, правила наши от московских немного отличаться будут! Биться не доколе противник не побежит, а доколе из драки сам не выйдет по желанию, посторонних предметов в кулаке не таить, за шею не душить, в причинное место не ударять, руки-ноги не ломать, лежачего не бить!..

Музыкальная свита глашатая под аккомпанемент своих инструментов затянула задорную песню. Шаляпин, стоя рядом с Павловым, уже перестав удивляться чему-либо, вслушивался в незнакомую мелодию и старался запомнить слова...

То не грозное небо хмурится,
То сверкают в степи клинки.
Это батюшки Ильи Муромца
Вышли биться ученики...

На площадке появилось полтора десятка «добрых молодцов», одетых в народном стиле – сапоги, шаровары, косоворотки, подпоясанные кушаками. Музыканты заиграли простенькую ритмичную мелодию частушек, под которую вышедшие начали приплясывать, раскинув руки наподобие крыльев и кружа, как аисты над лугом. Не прошло и минуты, как двое танцоров якобы случайно сталкиваются плечами, и затевается поединок, неопытному взгляду со стороны кажущийся простой дракой. Пример оказался заразительным, и в мгновение ока вся площадка превратилась в «поле битвы». Немногочисленные знатоки, следившие за понравившимися им парами бойцов, затерялись в толпе зевак, азартно радующихся бесплатному зрелищу.

– Простите, бога ради, любезный Фёдор Иванович, я скоро вернусь, – скороговоркой извинился Павлов и, нетерпеливо потеснив стоящих впереди зрителей, как пловец в реку, бросился в самую гущу бойцов. Раздающий направо и налево тяжеловесные плюхи, Шаляпину он казался седатым медведем, отбивающимся от своры охотничьих лаек. Сделав «круг почёта», академик кричит что-то слышное из-за шума толпы только бойцам вокруг него и возвращается.

– Ну, каналы!.. Ну, я вам устрою взбучку!.. Предупреждал же Петра Всеславовича, что собираюсь поучаствовать!.. – Павлов с какой-то радостной злостью пояснил собеседнику: –

Устроили спектакль, понимаете ли! И мне только легкие шлёпки прилетают, и я никого как следует зацепить не могу!..

– Ну, Иван Петрович, простите великодушно, но вы уже далеко не мальчик, – Шаляпин, как мог, пытался успокоить академика. – В ваши-то годы... Да и с вашим положением...

– Эх, Фёдор Иванович, запомните, человеку столько лет, на сколько он себя чувствует... Ладно, не будем об этом. Вон, там недалеко семейство Филатовых обретается, пойдёмте к ним...

– ...Смотри, Сань, как он его! – Матвей, чуть ли не приплясывая от азарта, дёргает друга за рукав. – Подсел под удар, правой – носопырку, левой – колено подбил. Прямо как мы на тренировках!

– Помнишь, Моть, Денис Анатольевич про две силы объяснял, – Сашка отвечает менторским тоном. – Вот и живой пример. Одна сила – от себя, другая – к себе. Правильно, дядь Сём?

– Правильно. Смотрите и запоминайте, пострелята...

– Да чё тут правильно-то! Чё мальчикам головы морочишь, старый? – стоявший рядом ражий детина, одетый по последней моде городских окраин, врывается без спроса в разговор, распространяя вокруг густой пивной аромат. – Слышь, щеглы, тута главное – сила в руках. Во, как у меня...

Новый собеседник сжимает кулак размером с пивную кружку и показывает окружающим.

– Я вот у себя в деревне парней с одного удара на землю клал. А сильному – и уважение обеще, и девки любят тож... Да не зыркай на меня глазом, слышь? – «Герой» замечает пристальный взгляд Семёна и переключается на него. – А то – пошли на круг, повеселимся... А, да ты калечный... Дык я тож левой бить не буду...

Положение спасает появление Александра Михайловича в компании с каким-то дородным седобородым дядькой, по одежде похожим на приказчика.

– Что тут происходит? Вы кто, любезный? – вопрос из-за временного онемения детины повисает в воздухе, поэтому Филатов обращается к своему спутнику: – Степан Иванович, это – ваш?

– Прощеньца просим, Александр Иваныч, мой придурок, прости меня, Господи, грешного. Не извольте сумлеваться, щас всё поправим. Иди-ка сюда, голубь милый...

Отойдя на пару метров в сторону, старик меняет ласковый тон на злющее шипение:

– Ты што творишь, сучонок? Ты хоть знаешь, с кем лаяться принялся? Эта ж ево благородия главного инжанера стройки семейка!.. Да под ним работавши озолотиться можно, а ты, телок мокрохвостый, мне всё портишь! Я тебя, паскудника, для этого из твоих Малых Гавнищ в Первопрестольную вытащил?.. Ты, червяк навозный, хоть знаешь, што эта за мужик однорукий? Кресты и медальки евонные видал? Я тут к свояку на неделе заезжал, он тута в охране служит. Так ентый однорукий их иногда бою учит. И со своей культяпкой двоих-троих укладывает не запыхавшись. А ешо свояк говорил, што у него германцев на счету забольше сотни будет. И добрую половину он своими ручками да ножиком порешил... А ну-ка, гадёныш, дыхни-ка... Ты окромя пивка ешо и чекушку вылакал?.. Впрочем так, коль ево благородие тебя со стройки не погонит, неделю ток за харчи две нормы работать будешь. А таперь изыди с глаз моих. А коль чё сотворишь ешо, не посмотрю, што жёнкин сродственник, сдам в участок. А и то, коль местные прознают, навряд ли и до участка доберёшься, тута в охране почитай все фронтовики служат и за своего любого по забору размажут.

Окончательно этот инцидент был позабыт, когда к семейному кружку Филатовых и Прозоровых подошли Павлов и Шаляпин. Многие особы женского пола, стоявшие поблизости, явно почувствовали прилив ревности, ибо Фёдор Иванович вежливо раскланялся с обоими инженерами и почтительно приложился к ручкам их жён. Единственное, что немного успокаивало женскую часть общества, – это присутствие Павлова. Раз рядом их неугомонный академик, то это общение носит, скорее всего, деловой характер.

Иван Петрович по очереди представил Шаляпину оба семейства, не забыв и Семёна, назвав последнего своим личным тренером, напрямую обратился к женщинам:

– Милые дамы, мы с Федором Ивановичем обращаемся к вам с нижайшей просьбой. Ваш зять Денис Анатольевич, убывая в очередную командировку, предупредил меня, что у вас, Полина Артемьевна, хранятся тексты песен и романсов, которые он надиктовал. Заручившись его предварительным согласием, я вчера ознакомил Федора Ивановича с одной из них, а именно – с «Орлом шестого легиона». Скажу прямо, она вызвала у нашего уважаемого маэстро живейший отклик, и он...

На этом месте Шаляпин не выдержал и вмешался в разговор:

– Уважаемый Иван Петрович несколько преуменьшает то впечатление, которое произвела эта песня. Это сенсация, нет, это – бомба, которая взорвет весь наш музыкальный мир, который давно начал зарастать тиной и ряской, как стоячий пруд. Да и поэты нынешние – зажрались, право слово. Привыкли, каналы, за Пушкина прятаться...

На этом месте Шаляпин криво улыбнулся и саркастически процитировал:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв...

– И при том, что ни слово, – все высокий штиль о судьбах России и о её неразумном народе... Как вы там давеча говорили, Иван Петрович:

Утром мажу бутерброд —
Сразу мысль: а как народ?
И икра не лезет в горло,
И компот не льется в рот!

Да и сам я, признаюсь – грешен, от своих корней стал отрываться... Иван Петрович, простите ради бога, перебил, прошу вас, продолжайте.

Павлов, который во время эмоциональной тирады Шаляпина одобрительно кивал головой, подвел итог:

– Милейшие Полина Артемьевна и Ольга Петровна, надеюсь, вы согласитесь с нами, что такие замечательные песни должны звучать со сцены, зажигать сердца людей, не давая им упасть духом, особенно сейчас, когда идёт война. А посему я приглашаю вас к себе, в наш центральный корпус... И также передайте, пожалуйста, приглашение Дарье Александровне. Кстати, как её здоровье? Как Мария Денисовна? Где они сейчас?..

– Спасибо, Иван Петрович. – Полина Артемьевна уже немного справилась с шоком от внезапного знакомства со знаменитостью и более чем неожиданного предложения академика. – И у Дашеньки, и у малышки всё хорошо, они сейчас с Ольгой на детской площадке.

– Вот и замечательно... У нас в корпусе есть весьма неплохой рояль, найдётся и гитара, и мы устроим небольшой концерт. Где солировать предстоит вам, дорогие дамы, а мы с Фёдором Ивановичем выступим в роли благодарных слушателей. Тем более что сегодня ваш дуэт был вне конкуренции. Фёдор Иванович попросил меня продемонстрировать возможности нашей летней эстрады для его грядущего выступления, и мы, спрятавшись за занавесом, с величайшим удовольствием слушали совершенно незнакомые нам доселе романсы. Если бы вы знали, каких мне стоило усилий удержать его от возгласов «браво, бис!».

Естественно, дамы были не просто согласны, они были поражены и несказанно обрадованы. Ведь САМ! Шаляпин будет слушать их выступление, именно ОНИ станут в некотором

роде крёстными матерями переворота в музыкальном мире. Окончательно их сразили заключительные слова академика:

– А все остальные вопросы мы решим примерно через недельку, перед концертом Фёдора Ивановича в нашем институте, тем более что... – здесь Павлов сделал артистическую паузу и завершил: – Тем более что Денис Анатольевич, по моим сведениям, к этому времени должен приехать. И сможет спеть вместе с Дарьей Александровной, ибо кто сможет по-настоящему передать суть песни, как не её автор? Тем паче что среди песен, которые нужно исполнять дуэтом, есть и весьма необычная трактовка «Прощания славянки»...

На этом, самом интересном месте беседа была завершена. И инициативу, правда тщательно прикрытую всеми нюансами хорошего тона, проявили именно дамы, перед которыми в одно мгновение выросла гора проблем. Завтра предстоит такое мероприятие, а что им надеть, что делать с причёской, какую выбрать помаду и пудру – в общем, необходимо было решить столько вопросов, важность которых могут понять только женщины, а времени практически не осталось – вечер, ночь и утро до полудня. И ещё, как назло, мужчины с утра уезжали на стройку, так что семьям Филатовых и Прозоровых предстояла бессонная ночь...

* * *

Но несмотря на страшный дефицит времени, сразу после возвращения домой Александр Михайлович и Полина Артемьевна пригласили Дашу на серьёзный разговор, начала который, естественно, мама:

– Пожалуйста, послушай меня, доченька... Прежде всего, я должна извиниться перед тобой. Да-да, не возражай. – Полина Артемьевна остановила попытавшуюся что-то сказать Дашу. – Речь идёт о тебе и Денисе. Я снова начинаю бояться за тебя. Вначале я, как каждая мать, хотела видеть тебя замужем за обеспеченным, уважаемым в обществе человеком. И чтобы твоему супругу не пришлось, как Кербедзу, покупать на свадьбу серебряное кольцо вместо золотого. Мы ведь с твоим отцом тоже не сразу встали на ноги, и я боялась, что тебе придётся пройти этот же путь. Именно поэтому я и поощряла ухаживания Вольдемара, будучи уверенной в том, что ты сможешь им управлять. Но вдруг появляется Денис – умный, красивый, настоящий герой-фронтвик. И при этом – простой прапорщик. Что бы при этом тебя ожидало? Помнишь те гадкие куплеты? – Полина Артемьевна с горькой усмешкой продекламировала:

Нет ни сахару, ни чаю,
Нет ни пива, ни вина,
Вот теперь я понимаю,
Что я прапора жена...

Слава богу, что вы с Денисом проявили твёрдость, а Вольдемар оказался полным ничтожеством... А дальше происходит практически невероятное, я считала, что такое случается только в рыцарских романах. Твой муж делает головокружительную карьеру. Он спасает дочь самого императора Всероссийского, получает из его рук орден. Великая княжна Ольга Николаевна становится крёстной нашей Машеньки, впереди поступление в Николаевскую Академию... Наконец, наш переезд в Академгородок, этот дом, интересная и высокооплачиваемая работа для отца, а теперь еще и встреча с самим Шалапиным... Дашенька, я теперь боюсь совершенно иного – а вдруг кто-нибудь попытается увести у тебя Дениса, вскружив ему голову? И кстати, ты не опасаясь, что в нашем доме няней служит такая красавица?

– Мапочка, милая, можешь не переживать. – Даша весело улыбнулась. – Денис любит меня, и только меня. Я это чувствую. Вот академик Павлов вам сегодня сказал, что Денис при-

едет через неделю, а я уже несколько дней назад почувствовала, что скоро его увижу. Единственная особа женского пола, к которой я, может быть, буду его ревновать, – это Машуня. Что же касается Оли, мы с ней очень сдружились, она много рассказала о себе... Да, она пока не замужем, но у неё есть жених, он офицер и сейчас на фронте. И она любит его и ждёт. А ещё... А еще она – не просто няня. Оля состоит на службе у подполковника Воронцова, и сейчас её задача – защищать меня и Машеньку.

– Но что она может сделать, обыкновенная девушка и далеко не Геркулес! – От неожиданной новости Полина Артемьевна не сразу нашлась, что ответить.

– Она отлично стреляет и почти никогда не расстается с маленьким браунингом, таким же, какой подарил мне Денис...

Здесь в разговор вмешался Александр Михайлович:

– Да, Полюшка, поверь мне и дочери. Вот взгляни. – Он достал из ящика письменного стола сложенную бумажку.

– Мне эту мишень презентовал заведующий тиром. Посмотри, все выстрелы точно в «яблочко». И тренируется она в тире постоянно.

– И без оружия, папа, она многое умеет, – дополнила Даша. – Мне дядя Сёма говорил, что он её и других девушек учит приемам самообороны. А как она дротики метает? Каждый – в цель. Сегодня на детской площадке конкурс выиграла.

– Доченька, сколько раз я тебя просила не называть Семёна Ивановича так! Это неправильно и... неприлично.

– Мама, это для вас с папой он – Семён Иванович. А для меня, Сашки и Матюши – дядя Сёма. И для Оли – тоже.

– Господи, как была девчонкой, так и осталась, даром что уже сама – мать. Не говори потом, что мы тебя не предупреждали...

– Не скажу, мамочка, никогда не скажу! – Даша обняла Полину Артемьевну и нежно чмокнула её в щёку. – Пойдем лучше, я помогу тебе готовиться к завтрашнему концерту...

Глава 25

Половина сентября пролетела как-то незаметно, хоть и в рутинных заботах, в основном по подготовке к поступлению в Академию. Больше всего времени уходило на артиллерию и фортификацию, не хотелось ударить в грязь лицом перед конкурентами. Помимо этого умудрился сдать экстерном экзамены в Офицерской стрелковой школе. По совету всезнающего Келлера и принципу «запас карман не тянет».

Когда принёс рапорт генералу Филатову, он в ответ только поухмылялся в бороду и заявил, что после того, что я со своими архаровцами здесь напоказывал, экзамен будет, скорее всего, пустой формальностью. А заодно сообщил, что с неделю тому назад общался с генерал-майором Потаповым, до недавнего времени занимавшимся организацией и обучением черноморской армии, а теперь являвшимся начальником эвакуационного отделения Главного управления Генштаба, и в разговоре упомянул, какие уникалы у него сейчас квартируют. Тот очень заинтересовался данным вопросом и попросил мои координаты. Так что в ближайшее время, оказывается, надо ожидать приглашения в гости, которое не замедлило вскорости последовать. Через неделю, вечером, когда по недавно приобретённой привычке я собирался прогуляться по улицам, чтобы немного развеяться после штудирования учебников, в дверь деликатно постучали. За ней оказался незнакомый штабс-капитан. Худощавый, подтянутый, на груди – Владимир № 4 с мечами, на погонах артиллерийские эмблемы, во взгляде еле заметное предвкушение интриги...

– Здравствуйте, господин капитан. Разрешите войти?..

– Добрый вечер. С кем имею честь? – Пропускаю незваного гостя, на ходу решая, соответствует он пословице про некоего виртуального монголо-татарина или нет.

Гость проходит в комнату и только там представляется, не дав мне, впрочем, сделать то же самое:

– Штабс-капитан Киселев. Господин капитан, я уполномочен передать вам вот это... – В руке у него оказывается небольшой конверт, который он мне и вручает.

– Вы уверены, капитан, что обратились по адресу и послание предназначено именно мне? – пока последуем старой армейской традиции «забывать» про приставки перед званием.

– Уверен, Денис Анатольевич. Вы – капитан Гуров-Томский, командир 1-го отдельного Нарочанского батальона.

М-да, несколько нахально, конечно, обращаться к старшему по имени-отчеству без его на то разрешения, но сделано, видимо, с целью произвести впечатление... Достая из конверта небольшой листок бумаги, на котором размашистым почерком написано:

«Господин капитан!

Зная Вашу занятость, убедительно прошу уделить мне толику Вашего времени для личной беседы.

Генерал-майор Потапов».

М-да, кратко, вежливо... И убедительно. Мог бы, наверное, организовать и официальную бумагу с требованием явиться пред ясны очи, но решил не махать шашкой. Ну, что ж, мы давно хотели с ним познакомиться, а тут такое совпадение.

– Где и когда назначена аудиенция?

– Авто ждёт через два дома. – Штабс до невозможности лаконичен. Типа прямо сейчас отвезут, а если будешь хорошо себя вести, то и привезут обратно.

– А если бы я был занят?.. Простите, не знаю вашего имени-отчества.

– Олег Евгеньевич... Нам известно, что в это время вы обычно совершаете променады. Почему бы сегодня не соединить приятное с полезным?..

Да уж, судя по тому, как многозначительно прозвучало слово «нам!», ребята пониженной самооценкой не страдают. Рыцари, блин, плаща и кинжала.

– А если бы я вообще не захотел ехать? – можно немножко и дурака повалять, демонстративно достав люгер и проверяя наличие патронов в магазине.

– Вы же прекрасно понимаете, что от подобных предложений не принято отказываться. – Посланец многозначительной усмешкой даёт понять, что спектакль оценен и при необходимости может даже поаплодировать.

– Ну что ж, Олег Евгеньевич, я готов. Прошу... – Пропускаю вперед уверенно шагающего штабс-капитана...

Если в Питере образца девяностых я еще как-то ориентировался, то сейчас это пустая трата времени. Понятно только то, что давно уже едем по Каменному острову, имея в активе мерно тарахтящий «Бенц» с водилой-вольнопёром, молчащего штабса на соседнем сиденье и вопрос – зачем я всё-таки понадобился этому генералу? Поделиться впечатлениями о том, как были живописны разные укромные уголки Барановичского уезда этим летом, или что-то ещё?..

«Бенчик» наконец-то останавливается у скромного и неприметного особняка, наполовину скрытого старым заброшенным садом. Делаю несколько шагов по тропинке вслед за провожатым, поднимаюсь на крыльцо; входная дверь противно скрипит, наверное, специально не смазывают петли, чтобы работала сигнализацией... Небольшой тёмный коридор выводит в гостиную, где в неярком свете из-под абажура, сидя за столом, о чём-то негромко беседуют два человека, издали чем-то похожих друг на друга, только у одного – борода клинышком, а у второго – аккуратные усы щёткой и пенсне. И на плечах у обоих генеральские погоны.

Штабс-капитан демонстративно кашляет, привлекая внимание. Кто именно приглашал в гости – неизвестно, поэтому абстрактно выдаю в пространство:

– Ваше превосходительство, капитан Гуров прибыл...

– Здравствуйте, господин капитан. Поскольку наша беседа имеет, я бы сказал, личный характер, давайте обойдемся без излишней официальности. – Один из генералов, встав из-за стола и подойдя ближе, хочет осчастливить меня «демократическим» рукопожатием. Ну, ладно, немного поиграем в ваши игры, а там будем посмотреть...

– Николай Михайлович. А это – генерал-майор Батюшин.

– Николай Степанович. Кстати, заочно мы с вами знакомы, Денис Анатольевич. Подполковник Бойко рассказывал мне о ваших рейдах.

– Валерий Алексеевич мне о вас тоже говорил.

– Э-э-э... Валерий Антонович... – Батюшин сначала недоумённо поправляет меня, затем понимающе улыбается.

– Присаживайтесь, Денис Анатольевич, нам хотелось бы задать вам несколько вопросов. – Потапов приглашающе протягивает руку к столу, на котором лежит кожаная папка и несколько карандашей. Ну да, было бы странно, если бы два генерала бросились угощать первого встречного чаем или поить коньяком. То, что они кадровые военные, видно сразу. Выправка, манера держаться... Не ряженые – точно.

– Итак, ваши солдаты, насколько нам известно, сыграли достаточно важную роль в Барановичской операции. Не могли бы вы подробнее рассказать об их действиях?

– Простите, ваше превосходительство, разрешите встречный вопрос?... Почему это вдруг заинтересовало эвакуационный отдел Главного управления Генштаба, начальником которого, насколько мне известно, вы являетесь?

Генерал на несколько секунд впадает в ступор от такой наглости, затем берёт себя в руки и изображает на лице дежурную вежливую улыбку:

– Однако вы достаточно осведомлены... Хорошо, давайте начистоту. Помимо эвакуационных вопросов я имею касательство к организации разведки и контрразведки в Российской Императорской армии. Поэтому нам и интересен опыт проведения последней операции. Каким образом ваши солдаты оказались в тылу у неприятеля?

– Отчасти – случайно. – Что-то не хочется мне слишком откровенничать с этими господами. – Были пойманы два контрабандиста, которые показали тропинку через болото, считавшееся непроходимым. Отправил разведку, нашли брешу в германской обороне. Заблаговременно туда прошла одна из моих рот и батальон сибирских стрелков. В нужное время ударили с тыла, вывели из строя артиллерию, сорвали подвоз боеприпасов...

– А ваши дальнейшие действия? – Батюшин отрывается от папки, в которой делал какие-то пометки. – Я имею в виду сами Барановичи.

– Генерал-лейтенант Келлер поставил задачу уничтожить штаб генерала Войрша, чтобы дезорганизовать оборону германцев. Скрытно выдвинулись к городу, провели разведку, одновременно блокировали железнодорожную станцию и казармы, захватили штурмом штаб.

– Насколько я знаю, нечто подобное вы уже проделывали весной под Нарочью, – Потапов снова перехватывает инициативу, – но тогда генерал Гутьер был пленён. А генерал Войрш и его подчинённые погибли.

– Обстоятельства в данном конкретном случае не позволяли возиться с пленными... И германские генералы, и их подчинённые были при оружии, о сдаче в плен не кричали, так что нарушений Конвенции здесь я не усматриваю.

– Не кричали или не успели этого сделать? – Батюшин улыбается, что-то снова чиркая в папочке, а Потапов, задав вопрос, пристально смотрит на меня.

– Извините, ваше превосходительство, а это имеет какое-то значение? – Пытаюсь состроить из недоумевающей физиономии.

– М-да, наверное, никакого... Для вас... Господин капитан, мне Николай Степанович сказал, что в своём батальоне вы солдат обучаете как-то по-другому, нежели в других частях. Я до недавнего времени занимался комплектацией и обучением черногорской армии, и этот вопрос мне тоже интересен.

– А мне, в свою очередь, об этом поведал ваш бывший начальник... Я имею в виду подполковника Бойко, – продолжая портить бумагу карандашом, разъясняет Батюшин.

– Ваше превосходительство, старинная пословица гласит: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». В Стрелковой школе сейчас находится моя штурмовая рота. Я думаю, вы сможете договориться с генерал-майором Филатовым относительно визита в Ораниенбаум. Там на месте и посмотрите, что умеют мои солдаты.

– И, надеюсь, лично их командир. Слухи об этом тоже ходят очень интригующие... – Батюшин отрывается от своей папки и снова влезает в разговор.

– Умения в какой именно области вас интересуют, ваше превосходительство?

– Ну... Например, способность уничтожить или обезвредить врага, не прибегая к оружию. Что вы скажете, если я тоже приеду навестить вас в Ораниенбауме? И привезу с собой... э-э-э... своего знакомого, сведущего в этом деле?..

На любителей бесплатного цирка они не похожи, скорее, имеет место быть какая-то проверка, по итогам которой я, как какой-то библейский герой, буду взвешен, измерен и сочтён. То ли годным, то ли негодным для их превосходительств. Нью-нью, давайте поиграем... Хотя не факт, что таинственный сэнсей не уложит меня на горизонталь. Минуток на двать...

– Я не против, но хочу сразу предупредить, что действия против вооруженного противника и банальный мордобой – несколько разные вещи.

– Именно это я и имел в виду, Денис Анатольевич...

– Николай Степанович, будьте так любезны, поезжайте без меня, с начальником школы я договорюсь. Вашему мнению я всецело доверяю, а у меня, сами знаете, дел невпроворот, – Потапов пытается уговорить и без того, судя по всему, согласного Батюшина, затем обращается ко мне: – А вам, господин капитан, я предлагаю поучаствовать в одном мероприятии, которое, думаю, поможет при поступлении... Нет, нет, помилуйте, никакой протекции! Начальник Академии в преддверии вступительных экзаменов решил освежить знания в головах преподавательского состава и немного взбодрить их штабной игрой. Вот я и хочу предложить вам в ней поучаствовать и внести свои коррективы в слишком оторванные от реальности взгляды наших «академиков». Генерал-майор Камнев сам в этом заинтересован, он-то и просил меня расшевелить своих преподавателей из опасения увидеть картину времён последней турецкой кампании и сидения на Шипке. Но у вас это получится не в пример лучше. Как, согласны?

Что-то, одной точкой чувствую, обхаживают меня, как несговорчивую невесту, не к добру, однако. И чего ему из-под меня надо?.. Ладно, всё равно уже со всех фронтов к нам курсанты учиться едут, никакой тайны нет, согласимся.

– Так точно, ваше превосходительство.

– Другого ответа, признаться, и не ожидал... Спасибо за приятную беседу, господин капитан, если нет вопросов, штабс-капитан Киселев отвезет вас обратно...

Всю дорогу обратно из головы не шла мысль, что произошедшее действительно было смотринами. Знать бы еще, чего добиваются эти женишки...

Глава 26

Прямой справа в челюсть, противник вкручивается внутрь под удар, пытаюсь достать меня по печени, левая по касательной уводит бьющую руку в сторону за себя; превратить движение правой в захват воротника не удастся, пытаюсь провести удушение локтем, меня накручивают на бросок через бедро, уже в полёте левой цепляюсь за рукав, выводя оппонента

из равновесия, и каким-то чудом попадаю каблуком по голеностопу опорной ноги, соперник с произвольным хеканьем приземляется рядом со мной, ребром правой ладони – удар по горлу... Но только имитирую. Затем встаём и, довольно улыбаясь,жимаем друг другу руки, а затем подходим к зрителям – генералу Батюшину и двум сопровождавшим его офицерам.

– Браво, Денис Анатольевич, весьма впечатлён! – Николай Степанович улыбается, затем обращается к моему экзаменатору: – Что скажете, Фёдор Фёдорович? Как вам?

– У молодого человека достаточно своеобразная манера ведения боя. В основе – один или несколько казачьих стилей. Донцы, не так ли, Денис Анатольевич?

– Да, в основном, – не спешу разочаровывать Фёдора Фёдоровича, неприметного дяденьку лет основательно так за сорок, с которым только что «воевал». Возраст возрастом, а чувствуется в нём очень опытный боец. Быстрый, сильный и матёрый хищник, который сейчас, впрочем, в хорошем настроении. Честно говоря, так и не понял, работал он в полную силу или просто меня проверял...

– Но вы еще интересно работаете локтями и коленями... Что-то из японской борьбы?

– И оттуда – тоже, – снова соглашаюсь с экспертом. – Кое-что немного сам додумывал.

– И вы хотите сказать, что у вас в батальоне все солдаты вот так могут? – Батюшин снова берёт инициативу в свои руки.

– Базовые навыки даются всем, а дальше – по специализации. Штурмовикам – бой на уничтожение, зачистка помещений, разведке – бесшумные действия, снятие часовых, и так далее, тут уже больше работает тактика, а не рукопашный бой...

– А вы не слишком усложняете, господин капитан? – подает голос знакомый уже штабс-Киселев, приехавший с Батюшиным. – Зачем солдату забивать голову всякой ерундой? Научить одному, ну – двум десяткам приемов на все случаи жизни, и – хватит. А вы им еще всякие премудрости растолковываете.

– Не соглашусь с вами, Олег Евгеньевич. Унификация хороша до определенного момента. Тому же разведчику в отличие от штурмовика вовсе не нужно уметь одним ударом ломать шею противнику. А последнему вряд ли пригодятся навыки беззвучного взятия «языка», только не путайте со снятием часовых. А что касается упомянутых премудростей, я даю им то, что необходимо для войны. Например, когда у человека есть оружие, он поневоле сосредоточивает внимание только на нём и очень боится выпустить из рук. И действует только им. Я же учу своих бойцов, что если в окопной схватке германец вцепился в карабин, не надо мериться силами, пытаюсь вырвать его. Достаточно освободить одну руку, нанести шоковый удар кулаком в висок или ребром ладони в кадык, а затем спокойно забрать свое оружие... А вообще, считаю, что грамотный и думающий солдат действует гораздо эффективней, чем слепо выполняющий приказ. Еще Суворов говорил: «Каждый солдат должен знать свой манёвр».

– И как же вы их учите? Читаете вслух древнегреческих философов? – язвительно вопрошает штабс-капитан. Наверное, хочет на грубость нарваться. Ну, это – как-нибудь потом, а сейчас будем вежливы до тошноты.

– Во-первых, у меня в батальоне все солдаты грамотны, и если захотят почитать вышеупомянутых вами авторов, то сделают это самостоятельно. А во-вторых, думать и действовать в составе команды, например, очень помогает английская спортивная игра «футбол». Надеюсь, вы, господин штабс-капитан, слышали про такую? По воскресеньям проводятся товарищеские матчи между отделениями и взводами. Надеюсь, до первого снега сможем разыграть чемпионат батальона.

– Насколько я понимаю, Денис Анатольевич, у солдат достаточно напряженные занятия в течение недели, и вместо того, чтобы отдохнуть в выходной, они гоняют мяч? Добровольно? – Батюшин прекращает нашу пикировку.

– Конечно добровольно, ваше превосходительство. А уж что иной раз творится среди болельщиков!..

Ну, то, что у нас имеют место быть некоторые отступления от общепринятых правил, типа разрешаются элементы рукоприкладства (только броски и подсечки, без ударной техники), мы рассказывать не будем. Тот же штабс неправильно поймет. Дикарь-с потому что. Ладно, пора приглашать зрителей на вторую часть марлезонского балета...

– Как вы понимаете, ваше превосходительство, ситуация для демонстрации достаточно упрощена. Окна и двери открыты, чтобы потом их не пришлось ремонтировать, всё же казарма, казенное имущество. Боеприпасы не выданы по той же причине, а в остальном действия не отличаются от боевых. Задача взвода и приданной пятерки разведчиков – взять штурмом «штаб условного противника». Разрешите начинать?

Согласный кивок Батюшина, короткая трель свистка, и – началось!.. Два «вражеских часовых», разойдясь в разные стороны, попадают в руки диверсов и исчезают в кустах, несмотря на непоказное сопротивление. Двойки штурмовиков моментально появляются из кустов и в считанные секунды оказываются возле стен, в окна летят деревянные «гранаты» с вставленными в них петардами, за ними, выждав положенные четыре секунды, ныряют и сами метальщики. За казармой тоже бабахают петарды, проходит томительная для присутствующих минута, и на крыльце снова появляются бойцы. Теперь уже конвоирующие трех «германских енералов». Как и положено – с заломанными рученьками, с мешочками на головах, сопротивления не оказывающих. Дома, конечно, дело происходило бы несколько по-другому, но здесь главное – показуха, да и все секреты раскрывать не очень-то и хочется. Доведётся познакомиться поближе, почувствовать, так сказать, родную душу и единомышленников, тогда – другое дело. Пригласим к себе на базу, дадим посмотреть все реальные тренировки, поговорить с бойцами, может быть, и самим в чём-то поучаствовать. А пока – шоу маст гоу он...

– Ваше превосходительство, взвод задачу выполнил, штаб захвачен. Чтобы не было сомнений, что всё увиденное является сплошным спектаклем, прошу проследовать на стрельбище...

Стефановские «кентавры» не подвели и там. Показали сначала одиночное «стоя, с колена, лежа» на время, затем – то же в составе двойки, прикрывая друг друга и дырявя каждый свою мишень исключительно в восьмом, девятом и десятом круге. Затем, «на десерт», второй взвод изобразил уже набившую им оскомину атаку на окоп с мешками. Броневик привлекать не стал, должны же остаться у нас какие-то маленькие секреты, а гости и так были впечатлены по самое «не могу». Батюшин со своей свитой уехал донельзя довольный, напомнив на прощание, что в следующий вторник я должен быть у Потапова и вместе с ним отправиться в Академию ломать стереотипы в мировоззрении у господ преподавателей. В том числе и тех, кто будет меня экзаменовать... Эх, не наломать бы дров вместо этого. По Пикулю, там не преподы, а драконы, так и режут без ножа. Якубович со своим Полечудесными вопросиками – сущий младенец по сравнению с ними...

* * *

Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Уже целую вечность торчу возле ограды очень красивого и интересного зданьица и время от времени машу рукой, отдавая честь старшим и младшим чинам, причем последних наблюдается на пару порядков меньше. Потому как располагается в этом двухэтажном П-образном строении Императорская Николаевская Академия Генерального штаба. Рядом с которой и назначил мне встречу его превосходительство. А сам, как и положено начальству, не опаздывает, а задерживается... О, видать, стыдно стало, вот он, знакомый «бенчик» подкатывает.

– Добрый день, господин капитан! – Потапов вылезает из машины и быстрым шагом подходит ко мне. – Прошу извинить, пришлось задержаться в отделе. Пойдёмте, мы как раз вовремя...

Притормаживаем на входе, дежурный, узнав о цели нашего прибытия, провожает в нужную аудиторию. А там, наверное, ждут только нас. Столько полковников в одном месте встречал только в Ставке. Нет, это, конечно, приятно, когда штаб-офицеры приветствуют тебя первыми. Ну, пусть и не меня, а Потапова, но всё равно – приятно... А генерал подкидывает очередную заподлянку, негромко выдав мне «Ждите здесь» и исчезая за дверью. Как там, в Уставе?... Обращение к старшим – согласно правилам почтительной вежливости? Добро...

Тянусь в струнку и жизнерадостно рапортую в окружающее пространство:

– Господа! Честь имею представиться: капитан Гуров-Томский. Командир 1-го отдельного Нарочанского батальона.

У двоих или троих на лице мелькает что-то такое, очевидно, слышали про мою очень скромную персону. Остальные полученную информацию отнесли к категории «до лампочки», но вежливость должна быть обоюдной, поэтому один из офицеров, худощавый подвижный полковник с Георгиевским оружием и очень неплохим «иконостасом» на груди отвечает на мой глас вопиющего в пустыне:

– Полковник Богословский, преподаватель тактики. Очень приятно познакомиться, господин капитан. Наслышан о ваших действиях...

Намечающийся диалог прерывается чьим-то возгласом «Господа офицеры!», в аудитории появляется аж четыре генерала. Какой-то усато-бородатый дяденька, шествующий впереди, наверное, генерал-майор Камнев, начальник Академии, за ним – Потапов и два незнакомца. Один похож на испанского идадьго своей эспаньолкой, второй – с интеллигентным лицом, которое не могут испортить даже небольшие усики щёткой.

– Итак, все в сборе? – Начальник Академии окидывает взглядом присутствующих. – Тогда не будем мешкать. Господа офицеры, сегодня мы проводим тактическую штабную игру. Тема – прорыв эшелонированной обороны противника стрелковым корпусом при армейской наступательной операции. Согласно жребию вы разделитесь на две партии. Наступающая сторона – «синие» под командованием генерал-майора Маркова; оборону будут держать «красные», их возглавит генерал-майор Иностранцев. Посредниками при сторонах назначаются полковник Антонович и подполковник Касаткин. Сразу хочу предупредить, что в предстоящей игре будет присутствовать... м-м-м... некая интрига. Посему попрошу очень внимательно прислушиваться к любой вводной посредников и не пытаться их оспаривать. Ответы на все вопросы вы получите позже, при разборе игры. Сейчас полковник Антонович озвучит все детали. Александр Трифонович, прошу вас...

– Господа офицеры, после жеребьёвки вы пройдёте в отведённые вам аудитории, где наличествуют комплекты одно-и двухверстных карт выбранного участка Европейской части России, необходимые бланки боевых документов – журналов военных действий, донесений, распоряжений для исполнения боевых задач и приказов, а также наборы чертёжных и иных инструментов для нанесения обстановки. На картах уже обозначена условная линия фронта с необходимыми вводными данными.

Напоминаю, что согласно Уставу при перемещении войск скорость пешей колонны должна составлять четыре версты в час, суточный переход – не более двадцати пяти вёрст. Для кавалерии – пять-восемь верст в час, суточный переход – до тридцати пяти вёрст. Обозные колонны двигаются со скоростью три версты в час. Эти цифры могут меняться посредниками и руководителем игры в зависимости от характера предшествовавших действий и степени утомления войск. Если нет вопросов, прошу приступить к жеребьёвке.

Господа полковники по очереди тянут конверты, разложенные на столе вторым посредником, и в зависимости от цвета находящейся в нем карточки подходят к «своему» генералу. Синие – к «испанскому идалго» Маркову, красные – к «интеллигенту» Иностранцеву...

– Господин капитан, вы будете принимать участие в игре на «синей» стороне, – генерал Камнев приказным тоном не оставляет мне выбора. – Займите свое место.

Щёлкаю каблуками и присоединяюсь к команде «Дон Кихотов», следующих в свой «штаб». Пока повезло только в том, что только что ставший знакомым полковник Богословский тоже играет за «синих»...

Пока не появился наш посредник, генерал Марков проводит краткий инструктаж:

– Итак, господа, как вы поняли, нашей задачей является разработка наступательной операции корпуса. Скажу сразу, лично меня интересует в первую очередь инициатива и нетривиальность ваших действий. И особенно – ваши, господин капитан, – последняя фраза адресована лично мне.

Пока все рассматривают неизвестно откуда взявшегося выскочку, делаю мордочку кирпичом, демонстративно не замечая бросаемых на меня взглядов, и оглядываюсь по сторонам. Паркетный пол натёрт до почти зеркального блеска, два ряда даже не парт, а довольно массивных столов на красивых точёных ногах, стулья из того же гарнитура, одна стена полностью занята книжными шкафами, и через стеклянные дверки видно, что они отнюдь не пустуют... Перед столами небольшой подиум, на котором стоит пяток обычных школьных досок и на специальной подставке повешена карта, на которой, скорее всего, мы и будем «воевать»... Над ними в резных золоченых рамах висят портреты двух императоров Николаев, Первого и Второго. Дальше – весь цвет российского генералитета, начиная чуть ли не с петровских времен.

Появившийся посредник объявляет начало игры:

– Ваше превосходительство, господа офицеры, можете приступать к анализу обстановки и разработке документов. Если появятся какие-либо вопросы, буду рад на них ответить.

Ну, как минимум один уже имеется, причем достаточно для меня важный:

– Господин полковник, разрешите вопрос?.. Прошу уточнить время года и погоду за месяц-два до проведения операции.

– Будем считать – июнь... – с некоторой задержкой посредник выдает ответ. – Жарко, сухо, воды в колодцах немного... Чтобы ваша кавалерия не сильно разрезвилась.

Ну, проблемы индейцев шерифа не волнуют, в смысле, о кавалерии пусть думают те, кому это по должности положено. А меня всё вполне устраивает, тем более что уже присмотрел на карте интересное местечко. Воюем мы к северу от окрестностей древнего и славного города Слонима, который сейчас виртуально под условным неприятелем из соседней аудиторрии. Полоса ответственности нам определена от Гворской Руды до Задвордже, верст в двадцать. Условная линия фронта проходит близко к реке Щара, несколько сглаживая замысловатые виражи последней. Местность лесистая и местами заболоченная, особенно в пойме вышеупомянутой «водной артерии»... Так, не отвлекаемся, начинается самое интересное!..

– Итак, господа офицеры, доведу до вашего сведения исходные данные, – по знаку Маркова только что назначенный начальником штаба полковник оглашает список «нажитого непосильным трудом». – В состав корпуса входят две пехотные дивизии, кавалерийская бригада, конно-артиллерийский дивизион, мортирно-артиллерийский дивизион, сапёрный батальон. Помимо этого корпусу приданы еще одна кавалерийская бригада, тяжёлый артиллерийский дивизион с прикомандированным воздухоплавательным отрядом, понтонный батальон, телеграфная рота и... отдельный батальон капитана Гурова.

– Прошу извинить моё невежество в некоторых вопросах, – с явно сквозящим сарказмом подает голос один из «коллег». – Господин капитан, не сообразовали ли объяснить... м-м-м... а чем, собственно, занимается ваш батальон?

– Если позволите, Гавриил Алексеевич, я отвечу на ваш вопрос, поскольку господин капитан в некотором роде мой коллега, – меня опережает, если правильно запомнил, полковник Рябиков, подтянутый крепыш с аккуратными усиками. – Первый отдельный Нарочанский батальон специализируется на разведывательной и диверсионной работе в тылу неприятеля, а также на штурме укрепленных оборонительных полос.

– В таком случае, Петр Фёдорович, будьте любезны вместе с капитаном Гуровым разработать план разведывательных мероприятий и представить мне и посреднику, – генерал возвращает разговор в конструктивное русло, не давая разгореться ненужной болтовне. А посему, отделившись от компании, усаживаемся с полковником за отдельным столом.

– Денис Анатольевич, если не возражаете, обойдемся без чинов. Еще недавно, будучи начальником разведотделения штаба Северного фронта, занимался организацией разведки и контрразведки, поэтому в вопросе разбираюсь. Кстати, у нас тоже был создан отряд, подобный вашему, который возглавил поручик Пунин. Думаю, было бы неплохо, если бы появилась возможность устройства вашего с ним randevu.

– Так в чём же дело, Петр Фёдорович? Сейчас на базе батальона развернута... скажем так, учебная команда, где проходят подготовку прикомандированные из различных полков. И, насколько я знаю, телеграмма об этом была разослана по всем фронтам.

– Да? Странно, мне об этом ничего не известно. Надо будет связаться со штабом, пусть посодействуют... Хорошо, давайте вернёмся к нашим делам. Расскажите, как вы планируете организовать разведку неприятеля. – Рябиков передаёт мне восковку с копией карты.

– Линия фронта проходит в должной мере используя естественную преграду, но не копируя русла в точности. Поэтому должны оставаться участки берега, которые можно будет использовать в качестве небольших плацдармов для высадки. Поэтому задача номер один – скрытное форсирование реки, обнаружение таких участков и детальная разведка первой линии обороны с определением огневых точек и возможных отсечных позиций для организации неприятелем огневых мешков.

– Каким образом будет достигнута скрытность?

– Солдаты умеют маскироваться на местности, к тому же в наличии имеются специальные накидки. Бесшумное передвижение по заболоченной местности также отработано. Что касается реки, думаю, что плывущее по течению сломанное дерево или подмытый куст особых подозрений не вызовут... После этого через слабые места в обороне – на том берегу достаточно заболоченных участков, по которым невозможно протянуть траншеи, группы проникают дальше в тыл и разведывают вторую, а при её наличии, – и третью линии обороны, расположение штабов, артиллерийских батарей, парков и складов с боеприпасами и продовольствием, шоссе и железных дорог.

– М-да, кратко, но по существу. – Полковник испытующе смотрит на меня. – Больше ничего не хотите добавить?

– Насколько я понял, в распоряжении штаба корпуса есть авиаторы и радиотелеграфисты. Задача для пилотов – проводить разведку с категорическим приказом не вступать в воздушные бои, сопоставление их данных с нашими важнее личного геройства. Искровиков я бы посадил на постоянное прослушивание и перехват радиogramм, а при возможности – для определения хотя бы приблизительного азимута на неприятельские радиостанции. Это также может здорово помочь.

– Сколько времени понадобилось бы вашим разведчикам на всё это?

– От семи до десяти дней, Петр Фёдорович. Если, конечно, они у нас есть.

– Я думаю, что – да, может быть и поболее. Генерал Марков не будет пороть горячку. Хорошо, пойдёмте на доклад...

Его превосходительство, весь остальной «штаб» и посредник воспринимают свалившуюся на них информацию вполне адекватно, последний исчезает за дверями, спеша поделиться

впечатлениями с остальным генералитетом, а мы превращаемся в заинтересованных слушателей дебатов между двумя «полководцами», защищавшими свои планы побоедения супостата...

– Ваше превосходительство, я считаю, что будет целесообразным планировать наступление в направлении Явор – Малые Озерки, – авторитетно вещает тот самый полкан, не знавший, в какое место засунуть мой батальон. – Местность не заболочена и благоприятствует скорейшему развертыванию артиллерии и понтонной переправы. Также считаю нужным обратиться к самому последнему опыту союзников и осуществлять прорыв обороны противника методом «методичного продавливания», как это делали британцы и французы на Сомме. Расставив все три батареи мортирного и две гаубичные батареи тяжёлого дивизионов в непосредственной близости предполагаемого места переправы, мы можем создать плотность огня, необходимую для беспрепятственного наведения моста понтонёрами и переправы войск первого эшелона на тот берег. Оставшуюся тяжёлую батарею и артиллерию переправляющейся дивизии использовать для контрбатарейной борьбы. После прорыва первой полосы укреплений наступающие закрепляются на захваченных позициях и пропускают через себя второй эшелон, имеющий целью следующую полосу обороны неприятеля и наступающий за огневым валом. Далее в прорыв вводится кавалерия и конно-артиллерийский дивизион, которые расходящимися ударами в направлении Деречина и Слонима довершают прорыв.

– Ваше превосходительство, разрешите? – в дело вступает Богословский. – Осмелюсь заметить, что при таком раскладе обеспечить скрытность будет практически невозможно. Противник, проводя разведку, быстро определит место удара и сможет заблаговременно подтянуть резервы к месту прорыва. Поэтому считаю необходимым наносить не один, а два удара, каждый из которых может оказаться главным. То есть применить к нашей ситуации опыт Луцкого прорыва, осуществленного генерал-лейтенантом Брусиловым. Один удар будет там, где указал полковник Леонов, второй – к северу от слияния Щары и Трицевки. Местность местами заболочена, но, судя по карте, проходима. Поблизости находится большой лесной массив, сапёрный батальон сможет заблаговременно заготовить материал для переправы, облегчив тем самым работу понтонёров.

– Извините, Борис Петрович, но у нас может просто не хватить тяжелой артиллерии на два направления. А это значит, что корпус сразу понесёт большие потери и не сможет выполнить свою задачу. – Наконец-то слышу что-то умное от этого полковника. – Вы уже в курсе, каковы потери у британцев? Только в первом штурме шестьдесят процентов, из них двадцать – убитыми.

– Гавриил Алексеевич, я тоже читал доклад, представленный союзнической миссией. Мне кажется, гордые бритты пытаются завуалировать своё неумение воевать восхвалением германской обороны. Дольше имевшие дела с тевтонами французы понесли меньшие потери, добившись больших результатов. Мне недавно довелось общаться с коллегой из Франции, он объяснил истинное положение дел. Большинство английских дивизий – китченеровские добровольцы, имеющие большой запас патриотизма и совсем мизерный – военного опыта. То же можно сказать об английской артиллерии. Французы потому и добились впечатляющих успехов, что их пехота умеет наступать за огневым валом, а артиллеристы – соизмерять перенос огня со скоростью пехотинцев.

– Вы считаете, что наши деревенские Ваньки будут воевать лучше? – М-да, тут уже не сарказм, тут уже язвительность в полной красе из полкана лезет. – Я в этом совсем не уверен.

– А вы посмотрите результаты нашей операции под Барановичами. И у генерал-лейтенанта Келлера, и у сибиряков потери совсем незначительные. Почему так, надеюсь, капитан Гуров нам объяснит. – Богословский обращается ко мне: – Вы же, кажется, принимали самое непосредственное участие в этом?..

– Так точно... – Вопрос застает врасплох. Черт, надо собраться с мыслями и выдать что-то членораздельное. – Во-первых, две роты моего батальона заранее просочились во фланг

противнику и в назначенное время ударили вдоль всех трёх линий траншей, парализовав тем самым германскую оборону. Во-вторых, одновременно с этим была выведена из строя почти вся их артиллерия. Дееспособными оказались три или четыре батареи, что уже не могло ни на что повлиять. В-третьих, наши артиллеристы создали этакий... коридор для штурмующих, очень быстро корректируя огонь по командам наблюдателей, шедших в боевых порядках пехоты и имея постоянную телефонную связь со своими батареями. И наконец, в-четвертых, внезапный налёт на Барановичи позволил уничтожить штаб армии генерала Войрша, командиры германских полков промедлили в принятии самостоятельных решений и потеряли драгоценное время. Помимо этого сохранилась возможность оперативно погрузить наши войска в эшелоны и перекинуть их в глубь территории по исправной железной дороге...

– Интересно, каким образом вы умудрились вывести из строя немецкие пушки? – интересуется один из «коллег».

Ответить не успеваю, появляется посредник, принесший карту и хорошие новости:

– У вас на руках план обороны «красных», вскрыто до семидесяти процентов сил и средств условного противника. Генерал-майор Потапов заверил, что разведчикам отдельного Нарочанского батальона это вполне по силам. Прошу приступить к разработке операции.

– Господа офицеры, мы построим наши действия, учитывая всё, что только что было сказано, – генерал Марков даёт понять, что он принял решение и время демократии кончилось. – Господин капитан, определите на карте наиболее удобное место для действий вашего батальона...

Глава 27

Четыре следующих часа были заняты нашими попытками одолеть супостата и беганьем посредников между воюющими аудиториями с невозмутимо-непроницаемыми лицами...

– Итак, разбор тактической игры практически закончен, и у меня остался только один вопрос, адресованный вам, господин капитан. Думаю, остальным он тоже будет интересен, поскольку кое-кто из присутствующих всё еще сомневается в том, что ваши действия имеют под собой реальную основу. Доложите подробней штатное расписание и вооружение вашего батальона. – Начальник Академии, испытующе глядя на меня, ждет ответа...

Мы победили, причем не всухую, но с разгромным счетом. Несмотря на то что количество потерь у каждой из сторон определялось по очень оригинальной методике бросания костей. Но мадемуазель Фортуна и тут была на нашей стороне. Из почти тридцати тысяч человек мы «потеряли» убитыми две тысячи и ранеными пять. У «красных» же потери дошли до шестидесяти процентов, хотя при традиционных способах ведения боевых действий всё должно было быть с точностью до наоборот. Потом еще некоторое время спорили относительно малонаучной фантастики, представленной неким командиром отдельного батальона на всеобщее обозрение. Но в конце концов поверили официальной статистической сводке по Барановичской операции и моему честному слову о том, что пушки без прицелов не стреляют, что немецкие часовые по ночам очень любят спать и курить, выдавая свое местоположение, что пара гранат, заброшенных в вентиляционную трубу блиндажа, гарантированно выводит из строя всех, кто там находится, что любую транспортную колонну можно намертво тормознуть, выбив первую и последнюю телегу или авто, а потом вдумчиво и со вкусом перевести все остальные из категории «реально» в «виртуально», да и еще о многом другом, что господам «академикам» даже и в голову не приходило. Под конец почти все, за исключением язвительного скептика Леонова, смотрели на меня как на оракула, прорицающего будущее... Ладно, всё это в сторону, надо отвечать на вопрос...

– Ваше превосходительство, господа офицеры! Организационно батальон состоит из управления и четырёх рот, не считая нестровой. Первая – разведывательно-диверсионная

рота. Включает в себя управление и четыре взвода по пятьдесят три человека. Взвод делится на два отделения, которые в свою очередь состоят из пяти боевых групп. На вооружении каждой пулемет Мадсена, винтовки Маузер 98, револьверы Нагана или пистолеты Люгера. Управление – командир, два младших офицера, ротный фельдфебель, три телефониста. Всего – семь офицеров, пятьдесят три унтер-офицера и фельдфебеля, сто шестьдесят три рядовых...

– Господин капитан, откуда такое количество офицеров и унтеров? – недоумённо интересуется один из бывших «красных» полковников. – По штатному расписанию их положено иметь гораздо меньше.

– Командир взвода – офицерская должность, его заместитель, командиры отделений и боевых групп – унтер-офицеры. Штатное расписание Высочайше утверждено при формировании батальона, – предвосхищая следующие вопросы, не объяснять же им все тонкости и нюансы нашей службы. – Далее, вторая рота – пешая штурмовая. Также состоит из управления и четырех взводов, каждый из которых делится на четыре отделения по десять человек. Всего – семь офицеров, двадцать один унтер-офицер и сто сорок семь рядовых. В настоящее время рота проходит перевооружение на автоматические и самозарядные карабины полковника Фёдорова в Ораниенбаумской стрелковой школе.

Третья рота – конно-штурмовая. Создана на базе драгунского эскадрона и в целом соответствует его штатному расписанию. Отличие в том, что, опять-таки, командиры взводов – офицеры и добавлен пулемётный взвод. В строю восемь офицеров, двадцать унтер-офицеров, сто шестьдесят девять рядовых...

– Господин капитан, сколько пулемётов в эскадроне и как они перевозятся? На выюках? – один из полковников, заинтересовавшись, прерывает мой монолог.

– Шесть трофейных МГ-08, установлены на тачанках... – Вижу недоумение на лицах и соображаю, что ляпнул что-то не то. Черт, сейчас такого термина нет и в помине! Надо как-то выкручиваться...

– Прошу извинить за вульгаризм, данное название родилось в роте. Тачанка представляет собой обычную пролётку с усиленной рамой и задним сиденьем, переделанным под установку пулемета. Запрягаются тройкой лошадей, поэтому пришлось переделывать упряжь и притачивать много ремней. Отсюда и название.

– А зачем всё это? Неужели нельзя перевозить их на штатных пулеметных двуколках? – подает голос еще один любопытствующий.

– Подрессоренных ход... пролёток позволяет двигаться на рысях, не отставая от эскадрона, и в любой момент иметь пулемёты готовыми к бою. Им достаточно прибыть на угрожающий участок, развернуться и открыть огонь. Шесть стволов на фронте в сотню шагов могут остановить любую атаку. Отработана даже тактика ложного отступления для заманивания неприятеля под массированный огонь...

Если не возражаете, я продолжу. Далее – рота огневой поддержки. Состоит из управления, четырех взводов и батареи трофейных стопятимиллиметровых гаубиц. Автоброневой взвод – на вооружении три броневых автомобиля, один с 47-миллиметровым орудием Гочкиса, два пулемётных. Гранатомётно-миномётный взвод, на вооружении десять ружейных гранатомётов разработки штабс-капитана Мгеброва и шесть надкалиберных миномётов собственного изготовления. Далее, ружейный взвод. Имеет на вооружении десять ружей Крка-Гана...

– Простите, но зачем вам это старьё? – не выдерживает еще один «зритель». – Кучность отвратительная, дымный порох демаскирует позицию, да и зацепить его за что-либо прочное не всегда представляется возможным.

– Дело в том, господин полковник, что они показали высокую эффективность в борьбе с пулемётными точками, артиллерийскими орудиями, автомобилями... Был даже удачный опыт стрельбы по дирижаблю и паровозу. Что же касается недостатков – они сведены к минимуму. Переснаряжение патронов на бездымный порох позволило избежать демаскировки и, самое

главное, – улучшить кучность стрельбы. А нынешний командир взвода придумал складную треногу с пружинным амортизатором для установки ружей. Расчёт из трех человек обладает отличной мобильностью и без труда переносит ружьё, треногу и боезапас.

– Где и каким образом производилось переснаряжение? – Вот настырный какой попался...

– В Офицерской стрелковой школе. Теперь на каждый ствол есть запас в пятьсот патронов... Но я не договорил. Также во взводе наличествует снайперское отделение, восемь человек, вооружены трофейными винтовками Маузера, снабжёнными оптическими прицелами.

Далее, саперный взвод. Обеспечивает все виды инженерных работ, а также минирование, разминирование и все остальные действия со взрывчаткой. По штату один офицер, три унтер-офицера и сорок рядовых...

Артиллерийский взвод состоит из расчётов трёх револьверных 37-миллиметровых пушек Гочкиса. Орудия поставлены на самодельные колёсные лафеты... – Краем глаза вдруг ловлю торжествующий блеск во взгляде Потапова, и молнией в голове мелькает догадка. Ах ты, хитрож... премудрое чучело в мундире!.. А я, лох педальный, мог бы и догадаться!.. Значит, вся эта затея со штабной игрой – способ поймать «на слабо» и разговорить тупенького... Ладно, посмотрим, кто кого нагнёт под плинтус, а пистолеты-пулемёты, зенитная батарея «фон Абихт», «Неуловимый мститель» и другие маленькие радости жизни останутся до поры джокером в рукаве...

– Батарея трофейных гаубиц – четыре орудия, два офицера, шесть унтер-офицеров, тридцать девять рядовых. Нестроевая рота имеет установленный штат, поэтому не имеет смысла подробно на ней останавливаться... Капитан Гуров доклад закончил.

Вопросы как из дырявого мешка посыпались...

– С кавалеристами и этими вашими... как их... тачанками всё понятно. А каковой вы видите тактику применения пехотно-штурмовой роты? – спокойно и рассудительно, видно, ничуть не огорчившись проигрышу, интересуется бывший «красный комкор» генерал-майор Иностранцев.

– Рубеж атаки назначается за сто – сто пятьдесят шагов от неприятельских окопов. До этого штурмовики двигаются, следуя в колонну по два за бронемашинами и прикрываясь их корпусами. Достигнув рубежа, разворачиваются в цепь и броском преодолевают это расстояние. Броневики при этом следуют в цепи, поддерживая атаку пушечно-пулемётным огнем.

– Сами до этого додумались? – генерал продолжает развивать тему.

– Никак нет, ваше превосходительство. Первым озвучил эту идею штабс-капитан Поплавко. Если не ошибаюсь, он сейчас воюет на Юго-Западном фронте.

– А вы, значит, решили на практике проверить его теорию? – Иностранцев одобительно кивает, услышав мой ответ, и задает следующий вопрос.

– Да, только в несколько измененном виде. По замыслу Поплавко, бронеавтомобили должны транспортировать группу гренадёров, вооружённых револьверами, бебутами и гранатами. По достижении неприятельских окопов те должны начать бой и продержаться до подхода основных сил. То есть атака разбита на два этапа. Я же предлагаю осуществлять непрерывное, возрастающее по мощи воздействие на врага до полного его разгрома.

– Поясните, пожалуйста, господин капитан, в чем же различие, – в разговор вписывается Богословский, предоставляя возможность дать более развёрнутый ответ. Скорее всего, из желания помочь.

– В предлагаемом мной варианте вся огневая мощь атакующего подразделения концентрируется на узком участке обороны, возрастая по мере приближения к линии обороны. Артиллерия, своя либо приданная, в это время обеспечивает огневой вал и огневой коридор, отсекая подход резервов. Позади боевых порядков следуют миномётчики, расчёты крепостных ружей, 37-миллиметровых пушек и корректировщики артогня, имея телефонную связь со

своими батареями. Это позволяет в считанные секунды уничтожить уцелевшие огневые точки противника. После развертывания на рубеже атаки штурмовики двигаются не цепью, а перебежками, прикрывая друг друга...

– Господин капитан, да будет вам известно, русский солдат во все времена славился своей храбростью. И пулям не кланялся! – возмущается молчавший доселе грузный полковник с прямо-таки тараканьими усищами.

– Извините, господин полковник, но я думаю о том, как уничтожить неприятеля в минимальное время и с максимальной эффективностью, а не об уходящей в прошлое лихостью и удалью солдатушек – храбрых ребятушек. Принятие на вооружение пулемётов делает подобные маневры бессмысленной бойней!..

– Господин капитан, давайте не будем горячиться... Вы упомянули миномёты, можете подробнее рассказать об их устройстве и эффективности? – генерал-майор Марков пресекает перепалку.

– Изготовлены кустарным способом в обычных железнодорожных мастерских. Представляют собой металлическую плиту-опору, на которой вертикально крепится градуированный сектор. Если позволите... – продолжая говорить, рисую на доске эскиз, всё же проще один раз увидеть, чем путаться в технических деталях. – ...К направляющей прикреплен обрезанный ствол охотничьего ружья со спусковым механизмом, на него надевается мина...

– Что они собой представляют? – теперь интерес проявляет молчавший до сих пор артиллерист.

– Пока что мы используем переделанные унитары от 47-миллиметровок. – Рисую рядом еще один чертежик. – Гильза обрезается вот здесь, и делаются продольные пропилы, чтобы сделать оперение и присоединить трубку, надеваемую на ствол.

– Устройство очень похоже на миномет капитана Лихонина. Вы с ним знакомы?

– Не имею чести. Но с удовольствием бы побеседовал.

– У него используется ствол от вышеупомянутой вами пушки. Выстреливает 180-миллиметровые мины на четыреста шагов, – продолжает новый собеседник. – Заряд – около полпуда аммонала.

– Я считаю, что для штурмовой роты это излишне. Нам вполне хватает полуторакилограммовых гранат на дистанции до двухсот пятидесяти шагов.

– Сколько человек в расчёте и какова скорострельность?..

– Три человека без труда переносят миномет и боезапас. Скорострельность – до пятнадцати выстрелов в минуту...

– Господин капитан, и всё-таки, зачем вам такое большое количество офицеров? – Полкан, ратовавший за удаль и храбрость русского солдата, мешает дальнейшей беседе двух почти единомышленников. – И это в то время, когда на фронте их явный недостаток. Приходится в качестве крайней меры даже давать погоны прапорщиков отдельным нижним чинам.

– Простите, господин полковник, но у меня подавляющее большинство прапорщиков и корнетов – бывшие унтеры, вахмистры и фельдфебели, и со своими обязанностями они справляются отлично. А что касается количества – при боевых действиях роты делятся на большое количество малых групп. И каждой из них должен командовать офицер, как имеющий право принимать самостоятельные решения в случае изменения обстановки...

Судя по всему, присутствующим надоело слушать мою скучную и нудную болтовню о всякой ерунде (судя по выражению их лиц за редким исключением), поскольку вопросов больше не последовало. Посему начальник Академии поблагодарил всех за личный вклад каждого в общее дело и разрешил откланяться. Потапов, жестом попросивший меня задержаться, появился через пару минут и озвучил оригинальное предложение устроить коллективную пьянку:

– Денис Анатольевич, если не возражаете, давайте продолжим наше общение вечером в более непринуждённой обстановке. Как вы посмотрите на предложение посетить вечером ресторацию?.. Отношений подчинённости у нас нет, так что вашему реноме это ничем не грозит.

Ну, что ж, ваше превосходительство, раз вы так желаете, давайте пообщаемся более непринуждённо...

Глава 28

Поскольку любопытный генерал пообещал заехать за мной в семь вечера, оставалось еще достаточно времени, чтобы, отдыхая от трудов праведных, погулять по питерским улицам, заодно и связаться с одним своим знакомым. Конспиратор в городе из меня никакой, это в лесу я могу спрятаться где угодно, а среди толпы сделать то же самое или обнаружить за собой «хвост» – задача еще та. Поэтому и доверяю решать её людям поумнее и посноровистее. В четвёртом по счёту магазине, куда захожу от нечего делать, телефон всё же находится, и приказчик, получив определённую мзду, великодушно разрешает им воспользоваться. Называю барышне намертво въевшийся в память номер и, когда абонент отвечает, прошу позвать к аппарату Порфирия Дормидонтовича. Когда в трубке раздаётся голос ротмистра Бессонова, выражаю сожаление, что не смогу сегодня перекинуться в картишки с честной компанией из-за приглашения одного очень важного господина отужинать с ним в ресторане «Гранд-отель» в семь вечера. В ответ меня заверяют, что расписать пульку на этой неделе можно в любой день, и желают приятно провести время. После чего, устав от столичной суеты, решаю испить кофейку и располагаюсь за столиком в подвернувшейся кафешке. Не спеша выпещаю маленькую чашечку, глаза тем временем на фланирующую публику. Кофеёк оказывается очень даже ничего себе, вполне соответствует заявленной цене, но всё же Дашиным шедеврам не ровня... Так, лирику пока в сторону! Расплатившись, возвращаюсь на квартиру и готовлюсь к предстоящему ужину...

На этот раз Потапов не опаздывает, и мы едем на казённом авто вкусить ресторанных деликатесов, а также принять участие в занимательной беседе.

– Никогда прежде здесь не доводилось бывать, Денис Анатольевич? – интересуется задумчиво молчавший всю дорогу генерал, когда водила останавливает «бенчик» во внутреннем дворе, служащем парковкой и ресторану, и гостинице.

– Не могу однозначно ответить, ваше превосходительство. В ресторации – точно нет, а так – люблю иногда побродить по петроградским улочкам. – То, что врать нехорошо, помню еще с детского садика, но сейчас не тот случай. Именно в этот дворик спускался по верёвке с крыши отеля, куда в свою очередь попал с чердака Императорского яхт-клуба. А туда забрался, чтобы полюбоваться крыльцом ресторана «Братья Пивато», возле которого некий господин Гучков именно в тот момент скоропостижно помер от внезапного переизбытка свинца в организме. И, чует моя интуиция, не последний раз вспоминаем мы сегодня об этом человеке.

– Ну, что ж, пойдёмте. И попрошу вас, Денис Анатольевич, давайте обойдемся сегодня без чинов.

Потапов, не найдя на моем лице проявления никаких подозрительных эмоций, возглавляет шествие ко входу в ресторан.

Посетителей пока не так уж и много, основное веселье должно начаться часиков в десять, но знакомые лица уже можно встретить. Не очень приятный мне лично штабс-капитан Киселев в компании троих сослуживцев занимает столик перед входом в один из отдельных кабинетов. Судя по всему, в нём нам и предстоит утолять физиологический и информационный голод... Традиционная в таком месте и в такое время веселая компашка неутомимых энтузиастов Земгора, за соседним с ними столиком кучка еще каких-то подозрительных гешефтмахе-

ров, которых уже всю своим присутствием и бархатным хихиканьем охмуряет стайка ночных бабочек. Еще одна группка «погибших, но милых созданий» ждет своего шанса под присмотром «родственника мужского полу», являющегося, скорее всего, кассиром, администратором и сутенёром... Псевдорумынский оркестр убаживает слух присутствующих скрипичными звуками в стиле «меланхолия а-ля романтик»... Ага, а вон там, почти в углу, устроившись в легком полумраке, весело проводят время ротмистр Бессонов в штатском и, дай бог памяти... Аполлинарий Андреевич в компании двух симпатичных дам...

В кабинете нас ждет уже полностью сервированный стол на три персоны. Ну, правильно, на Руси водку принято на троих употреблять, и я даже догадываюсь, кто будет этим третьим.

– Прошу простить меня за задержку, господа! Надеюсь, я не заставил себя долго ждать. – Батюшин появляется почти сразу после нас и незаметно, как ему кажется, кивает своему негласному начальству...

– Ну, что ж, Денис Анатольевич, предлагаю первый тост за вас, – Потапов, отпустив официанта, берет управление застольем в свои руки. – Сегодня вы показали себя с самой лучшей стороны, хотя и были персоны, недовольные услышанным.

– Вы имеете в виду полковника Леонова? – Первая порция водки, горячим шариком скатившись в якобы пустой желудок, по идее должна была способствовать установлению доверительных отношений «невзирая на чины» и развитию словоохотливости. Что и пытаюсь изобразить в меру сил.

– И его в том числе. Гавриил Алексеевич будет заведовать обучающимися в Академии офицерами и читать им лекции по военному администрированию и статистике. Тактика – не его конёк... – генерал многозначительно улыбается, открывая секрет Полишинеля и пытаясь тем самым убедить в своей откровенности.

– Тем не менее экзамены придется сдавать и ему в том числе.

– На вашем месте я бы особенно не переживал. Насколько я понял из сегодняшней игры, по предметам вы подготовлены хорошо, к тому же у самих «академиков» появилась заинтересованность заполучить вас в ряды своих слушателей... Тем более что и мы в некотором роде этому поспособствовали, дав возможность изложить очень интересные мысли в кругу специалистов. Думаю, могу без опаски предложить выпить за ваше поступление... – Опять многозначительный взгляд и желание «быть родной мамой», как говорил Карлсон.

– Благодарю вас... Николай Михайлович.

Пока мы болтаем, Батюшин «заряжает» рюмки по-новой и даёт понять, что не вовремя выпитая вторая – загубленная первая. Лошадей гнать изволите, господа? Хотите посмотреть, насколько я во хмелю буен? Не дождетесь, однако...

– Но мы хотели поговорить немного о другом... Эх, хороша рыбка!.. – Николай Степанович с явным удовольствием поглощает дары моря под соусом «Провансаль».

– Да, согласен, кухня здесь отменная, иным более знаменитым заведениям не уступит. – Потапов следует его примеру, но вдруг вливается в меня пронзительным взглядом и подкидывает провокационный вопросик: – Тут, кстати, в двух шагах от нас ресторан «Пивато», но туда до сих пор не пробиться после убийства Гучкова. Знаете об этом что-нибудь, Денис Анатольевич?..

Рыбка, говорите, хорошая? Обычный лосось с майонезом, не больше, не меньше... Сейчас быстренько дожужу и ответим...

– Конечно, все газеты писали про сие прискорбное событие. Скажу откровенно, сам в некотором роде к этому руку приложил... – Оп-па, а господа генералы с чегой-то вдруг ушки наострили, глазками засверкали. – Помог убедить великого князя Михаила Александровича отправить более искреннее и сердечное соболезнование семье невинно убиенного. Не секрет же, что сей господин был, в своем роде, врагом императорской фамилии и отнюдь этого не

скрывал. К тому же распространял письма, якобы написанные великими князьями к Гришке Распутину. С компрометирующими их признаниями.

– Да, он чуть ли не в открытую называл себя личным врагом государя. Поэтому я не удивлюсь, если нашёлся верноподданный, решивший отомстить за сюзерена. А уж если приложить к сему порыву личную обиду... – Потапов продолжает «рентгеновским» взглядом буравить мою черепушку насквозь. – Как вы полагаете, Денис Анатольевич, могло такое произойти? Особенно, если в одном из городов Могилевской губернии незадолго до этого произошел... прискорбный инцидент с семьей некоего офицера-фронтовика, в котором принял участие один из ближайших помощников господина Гучкова. И, предположительно, по прямому указанию начальства... Кстати, с тех пор бесследно исчезнувший...

Интересно, откуда протекло? Хотя помимо жандармов в расследовании должен был принимать участие Департамент полиции, скорее всего оттуда сквознячком тянет...

– Я полагаю, Николай Михайлович, что такое вполне могло иметь место. Потому что верю, что в стране еще остались люди, могущие встать на защиту и своего императора, и своей семьи... А еще могло случиться так, что руководители партии эсеров, тот же Борис Савинков, например, были сильно обижены на господина Гучкова за его пренебрежительное высказывание о том, что у них нет будущего. А посему решили показать свои возможности... А еще в тот вечер убиенного сопровождала некая дама, об этом писали в газетах. И у ревнивого супруга таинственной красавицы не оказалось алиби... А еще это могли организовать вездесущие германские шпионы, дабы дезорганизовать работу нашего Центрального военно-промышленного комитета, где слишком многое зависело от личных связей его председателя.

– Денис Анатольевич, Николай Михайлович отнюдь не желает выступить в роли полицейского следователя или прокурора, – Батюшин, поддерживая разговор, продолжает втихаря работать «аналитиком». – Просто нам хотелось бы уяснить для себя...

– Николай Степанович, давайте пока оставим эту тему. Помянем великого борца за благо России и – бог с ним, поговорим о чем-нибудь более приятном. – То ли мне послышалось, то ли Потапов даже и не пытается скрыть циничную иронию. Какая там по счету уже? Пятая или шестая?.. Водка потихоньку делает своё дело, но заранее съеденные бутерброды с маслом, не считая ресторанной лососяны, прочно держат оборону. Хотя подстраховаться не мешает... Ага, официанты притащили что-то, торжественно именуемое «Филе де беф с гарниром и соусом Шомпи». Пока они возятся с сервировкой, извиняюсь перед собутыльниками и беру курс в туалетную комнату. Где и употребляю пару пилюлек, сделанных «алхимиками» Павлова как раз для таких случаев, затем возвращаюсь к приятной компании...

– Денис Анатольевич, насколько я знаю, вы присутствовали при сдаче Ново-Георгиевска. – Вместе с очередной рюмкой беседа вливается в новое русло.

– Да, Николай Степанович, имел, так сказать, неудовольствие видеть всё своими глазами. – Насколько понимаю, господа генералы поменялись ролями, теперь Батюшин будет подкидывать вопросы, а Потапов – пытаться накачать бедного капитана разнообразными растворами этилового спирта. – Но появился там слишком поздно... Да и бесполезно было что-то предпринимать.

– Это почему же? – Генерал, без сомнения, прекрасно зная подробности, всё же пытается косить под дурачка. Ладно, подыграем немножко.

– Потому что начинать надо было бы с расстрела главного инженера, сделавшего всё, чтобы еще до осады планы крепости оказались у германцев. И мне лично было бы без разницы, предательство это или преступная халатность. Сам бы и пристрелил...

– А коменданта крепости – тоже? За бездарную организацию обороны? – Потапов опять глазками сверкает, надо постараться не переиграть и не выйти из роли слегка набравшегося головореза-фронтовика.

– Если бы это принесло пользу, то – да. Но крепость была обречена, можно было только потянуть время... Между прочим, со слов командира 249-го Дунайского полка полковника Асташева, среди остальных генералов были настроения арестовать Бобыря, но потом все сошлись во мнении, что уже слишком поздно, гарнизон морально разложен и подавлен, в плен солдаты сдаются чуть ли не тысячами и поделаться ничего уже нельзя.

– Кстати, Денис Анатольевич, вы знаете, что вас прозвали «Смерть генералам»? – Батюшин мило улыбается, сообщая эту новость. – Из всех встреченных германских генералов в живых вы оставили только Гутьера, а вот весь штаб Войрша ничтоже сумняшеся отправили на тот свет. И Гинденбург с Людендорфом не избежали печальной участи.

– Что касается Барановичской операции, задача была поставлена – уничтожить штаб. Не взять в плен, не обезвредить, а уничтожить. Что и было выполнено... А герр Гинденбург с герром Людендорфом оказались не в то время и не в том месте. Не сунулись бы внутрь крепости, не попали бы под взрывы складов, отделались бы легкой контузией.

– Лукавите, Денис Анатольевич, ох, лукавите... – Потапов шутиливо грозит пальцем. – Из донесений нашей агентуры доподлинно известно, что причиной смерти данных господ послужили не осколки снарядов, а винтовочные пули. И что кайзер Вильгельм, находившийся рядом, не получил ни царапины... Впрочем, нас в данном случае интересует только ваше желание «воздать каждому по заслугам его», невзирая на чины и должности. Единственное, что хотелось бы уточнить, считаете ли вы человека, поставившего свои личные интересы превыше интересов Отечества и наносящего ему вред в лихую военную годину, таким же врагом, как германские генералы... И готовы ли поступить с ним так, как он того, по вашему мнению, заслуживает? Ну, например, как тот же ново-георгиевский полковник-инженер?

– Ваше превосходительство, вам что, нужны кандидатуры для участия в таинственном заговоре с благородной целью спасти империю? Я – только за, но при обязательном условии, если требуемые действия не пойдут вразрез с присягой и Уложением о наказаниях уголовных. – Похоже, подобрался к главному вопросу, можно немного и обострить диалог.

– Денис Анатольевич, мы же договорились – без титулования! За этим столом сидят... пусть пока и не друзья, но единомышленники. – Батюшин укоризненным тоном пытается меня образумить. – Посмотрите, что сейчас творится за дверями этого кабинета! Пир во время чумы!..

– И хуже всего то, что эти люди всерьёз считают себя хозяевами положения, – Потапов не столь эмоционален. – Поскольку существующие законы бессильны против них... Более того, для вас, скорее всего, тоже не секрет, что они сами эти законы и пишут. Да, буду откровенен, я имею в виду пустобрёхов из Государственной Думы, которые, прикрываясь изящными словами о благе Отечества, озабочены лишь набиванием своих карманов... Пойду еще дальше и скажу, что император Всероссийский тоже не в силах сделать что-либо путное. Когда генерал Маниковский был на докладе у царя, он попытался обратить высочайшее внимание на то, что цены на снаряды завышаются вдвое, втрое, даже впятеро. И что услышал в ответ?.. «Пусть, лишь бы не воровали!..» И это – самодержец?!..

– Ну, сейчас-то страной фактически правит регент, великий князь Михаил Александрович...

– Пока что он никак себя не проявил, разве что быстро и не слушая возражений Алексеева, своей властью развернул 2-й Гвардейский корпус к Барановичам во время прорыва. А внутри страны всё осталось как прежде. Если раньше многие дельцы и фабриканты готовы были чуть ли не ноги целовать Гришке Распутину, чтобы тот замолвил за них словечко перед императрицей, то сейчас они очень настойчиво ищут возможность пробиться в салон супруги великого князя Михаила, которая давно привыкла, что он исполняет любые ее прихоти...

Ну, то, что на этой почве между ними пробежала даже не кошка, а небольшое кошащее стадо, знают очень немногие. Михаил Александрович решительно не стал путать личное с

государственным, что явно пришлось не по вкусу графине Брасовой, наверное, уже получившей определённые авансы, которые надо было отработать...

– Россия уподобилась кораблю, на котором во время шторма команда ринулась опустошать трюмы и провизионки, а капитана разбил паралич.

– Николай Михайлович, в целом я согласен с той картиной, которую вы так красочно нарисовали. Ответ на вопрос «Кто виноват?» мы нашли, осталось найти ответ на второй вопрос: «Что делать?»

– Искать решительных людей, которые в нужный момент смогут переложить штурвал и увести корабль от рифов. – Что-то потянуло генерала на морские аллегии, почувствовал море по колено? Или он тоже пытается играть подвыпившего собеседника?..

– Теперь хотелось бы понять, где их, таких замечательных, искать и насколько далеко в своей решимости они могут пойти? – Ну, давайте, господин генерал от разведки, сказали «А», говорите и «Б», не тяните кота за интимные места.

– Как вы понимаете, искать таких людей в думских партиях не имеет смысла... Остаются радикально настроенные революционеры, которые бесконечной говорильней и мышинной возне смогут противопоставить конкретные действия... – По мере объяснения Потапов несколько воодушевляется, вон глазки как загораются. Да, в принципе он прав, но вот друзей ищет не там, где надо. – Национализация всей оборонной промышленности, введение железной дисциплины в войсках и на заводах, выполняющих заказы для армии, жесткий контроль за фабрикантами, в крайнем случае – установить фиксированные цены на их продукцию...

– Простите, Николай Михайлович, но почему вы уверены, что они будут лучше, чем заводчики и деляги? Потому что декларируют борьбу с угнетателями народа и построение светлого будущего? А позвольте полюбопытствовать, на чьи деньги господа из, если я вас правильно понял, РСДРП(б) шикуют в той же Швейцарии? Своих сбережений – кот наплакал, партийные взносы – капля в море. Я так предполагаю, что либо проедают награбленные, то бишь экспроприированные рублики, либо субсидируются теми же капиталистами-эксплуататорами, «сочувствующими» их идеям. А коль они – буржуа, то каждый франк и каждый фунт стерлингов эти борцы за народное счастье должны будут отработать. Простите за грубое сравнение, но кто платит, тот и имеет удовольствие с барышней... К тому же, чем закончилась революция во Франции? Правильно – монархией. Первый консул, или кем он там числился, Наполеон Бонапарт в один прекрасный день решил вдруг стать императором и стал им. Зачем огород городить, чтобы вернуться к тому же, с чего начали?

– Почему вы сделали вывод о большевиках? – Батюшин неожиданным вопросом на несколько секунд ставит меня в тупик. Честно говоря, думал, что они вместе будут в прямом смысле агитировать за Советскую власть, а Николай Степанович большей частью молчит и наблюдает за нашими дебатами.

– Потому что только они имеют четкую структуру, упомянутую железную дисциплину и даже военную организацию, действующую в основном в Петрограде. Но их ошибка в том, что крестьянство, составляющее подавляющее большинство населения, они и за людей не считают. У них только пролетарии в дело годятся. Мол, они не имеют ничего, кроме своих цепей, стало быть, высокие понятия им чужды, и поэтому ими легче управлять. А у землепашцев наших надо из головы еще всякую дурь, типа вековых обычаев и уклада жизни, выбить. Вспомним Пугачёва, стоило ему назваться Петром Третьим и от его имени обратиться к народу, полыхнуло так, что еле затушили.

– Денис Анатольевич, если вы намекаете на идею «крестьянского царя», то... – Потапов задумывается на несколько секунд, затем вдруг очень внимательно смотрит на меня, – или в ваших словах есть что-то от офицера по особым поручениям при регенте?..

– Николай Михайлович, вы же прекрасно понимаете, что я не имею права честно ответить на этот вопрос... Но могу посоветовать повнимательней присмотреться к составу Регент-

ского совета. На этом позвольте откланяться, благодарю покорно за приятный вечер. Честь имею, господа! – Хотя это и противоречит всем канонам вежливости и этикета, достаю из портмоне деньги и кладу на стол. Уверен, что так будет правильней...

Глава 29

Моего терпения стоически хватило на полчаса спокойно-философского созерцания того, как моя любимая мечется, будто угорелая, между трюмо и гардеробом, подбирая «хоть что-то приличное» для очередной встречи с суперзвездой. После чего пришлось состроить мрачно-решительную мордочку и заявить, что все эти прихорашивания моей дражайшей супруги перед randevu с чужим мужиком вызывают неконтролируемые приступы ревности и могут привести к резкому ухудшению самочувствия одного очень знаменитого певца. В ответ на что был обозван очень многими ласковыми словами и облобзан... в смысле облобызован... короче, горячо расцелован Дашенькой. Нет, оно, конечно, понятно – Шаляпин есть Шаляпин. И ныне, и присно, и во веки веков. Когда в день приезда попал с корабля на бал, то бишь с поезда на концерт, ощущения были еще те! Особенно при исполнении «Орла 6-го легиона» в сопровождении рояля и двух диапроекторов, синхронно проецировавших слайды на экраны по обе стороны сцены. Кое-кто, кого я, кажется, хорошо знаю, с прямо-таки иезуитской хитростью подобрал исторические аналогии. Римские легионеры и русские богатыри, античная крепость и Московский Кремль, прочие «совпадения» – еще куда ни шло, но когда под финальный куплет слева появился римский орел с лавровым венком, а справа – двуглавый герб России-матушки, меня помимо могучего голоса, исполнявшего песню без каких-либо «фанер» и микрофонов, буквально в прямом смысле торкнула энергетическая волна присутствовавшей здесь публики и очень сильно захотелось достать из ножен что-нибудь очень острое и помахать железякой, вопя во всё горло «За Веру, Царя и Отечество! Вперед, на Берлин!». Впрочем, в сём порыве я был абсолютно не одинок, все дамы насквозь пропитали слезами восторга свои кружевные платочки, а мужчины, независимо от возраста, комплекции и состояния здоровья выпятили грудь колесом и сжали кулачки, кулаки и кулачищи, чтобы тут же идти воевать супостата за только что названные идеалы.

Потом, после концерта, наступила очередь самого Шаляпина побывать в нашей шкуре. В моё отсутствие дамы уже исполнили для него всё, предназначенное для женских голосов, теперь наступила моя очередь.

«Плесните колдовства...», «Я уеду, уеду, уеду...», «Любовь и разлука» Малинина произвели очень сильное впечатление, а когда мы с Дашей исполнили дуэт графа Резанова и Кончиты Аргуэльо, Фёдор Иванович пристал с очень настойчивыми расспросами о происхождении шедевров, и по его глазам я понял, что никакая спецподготовка и рукопашный бой сейчас не помогут. Пришлось, скромно потупясь, внаглую наврать знаменитости, что после контузии мне по ночам иногда снятся очень яркие сны, сопровождаемые такими вот песнями. И что я, как автор, не имею ничего против, а наоборот, буду очень польщён и безмерно счастлив, если сам великий Шаляпин включит их в свой репертуар. А о доходах с концертов (бесплатно же только птички поют!) его агенты всегда могут договориться с павловскими адвокатами, любезно согласившимися оказать мне небольшую услугу. Причем с очень прозрачным намёком я тут же пылко заявил, что свои дивиденды буду перечислять в недавно созданный великим князем Михаилом Фонд помощи семьям фронтовиков, к чему Фёдор Иванович отнесся скептически, не зная, правда, о том, что эта благотворительная организация будет под колпаком и тотальным контролем Отдельного корпуса. В конце беседы пришлось, правда, добавить певцу в его бочку мёда небольшую ложку дегтя, поставив условие, что все договоренности будут иметь силу, только если маэстро примет личное участие в концертах для фронтовиков,

для чего уже подобраны песни из «приснившихся», и я обязательно покажу их уважаемому Федору Ивановичу.

Назавтра Шаляпин, ожидавший услышать, наверное, что-то в стиле «Соловей, соловей, пташечка» и «Взвейтесь, соколы, орлами», снова хлебнул «арт-шоковой терапии» полной ложкой, прослушав казачьи песни Розенбаума, «Коня» и еще несколько шедевров «Любэ». Ну, и, естественно, скребущие душу песни Великой Отечественной – «Землянку», «Тальяночку», «Тёмную ночь», «Синий платочек».

Посидев от услышанного полминуты в молчании, Федор Иванович от ступора перешел к активным действиям и, грохнув кулаком по столу, согласился на всё, более того, попросил разрешения привлечь к этому делу «друга Лёньку», которым оказался служащий в данный момент прапорщиком Леонид Собинов...

Гудок паровоза и лязг вагонных буферов вырывают меня из приятных воспоминаний и возвращают к действительности. Поезд замедляет ход, несколькими тусклыми огоньками в ночной темноте светятся окошки домов, а вот и вокзал. Где это мы уже? Ага, Погодино, значит, скоро приедем... Михалыч что-то невнятно бормочет во сне и переворачивается на другой бок. Надо и мне немного покемарить, а то буду с утра как сонная муха ползать. А дел – невпроворот. Добраться до места, связаться с Остапцом, уехавшим искать «окошко» для перехода, еще раз проговорить со всеми варианты действий и связи и, наконец, благополучно переправиться всей нашей веселой компанией через линию фронта. Причем сделать это так, чтобы никто ничего, ни сном ни духом.

Наша веселая компания – это штабс-капитан, подпоручик и полтора десятка прапорщиков, едущих на фронт пополнить штат всяких там пехотных полков. А если серьезно, это мы с Михалычем и три пятерки из первого состава, отпущенные регентом. На время операции резиденцию великого князя взял под охрану и оборону взвод разведроты, клятвенно пообещав, что мимо них даже мышь сможет проскочить только имея при себе спецпропуск с тремя печатями и десятком подписей. Сам Михаил Александрович отказался передислоцироваться в батальон или институт и тоже пообещал никуда из резиденции носа не казать. А началось всё с того, что радиостанции Западного фронта приняли с той стороны непонятную телеграмму «МУСТИ» с несколькими цифрами в конце и доложили по команде в разведотдел, а тот, уже оповещенный о важности этой белиберды, тут же снёсся со штабом Особого корпуса генерала Келлера. И всё это означало, что полковник Николай согласился на встречу, а посему будет ждать в указанное время в оговоренном месте.

Выхожу в коридор и тихонько приоткрываю дверь в соседнее купе. С нижней полки на меня смотрит дежурный, показывающий большой палец в ответ на вопросительный кивок, типа всё в порядке? Выхожу в тамбур покурить, и в голове всплывает последний разговор с великим князем Михаилом и то, что я могу сказать гансам, а что – нет...

* * *

Керосинка освещает неярким светом землянку, выделенную, по легенде, для «нового пополнения», которое изображают Остапц и его пятерка, посланные найти лазейку в немецкой обороне. Ради такого дела пришлось всем поснимать свои кресты, медали и вензеля с погон, а первому составу еще и переодеться из казаков в пехтуру. Даже я, с особого разрешения, естественно, временно разжаловал себя из капитанов в штабсы и стал офицером оперативного отдела, приехавшим с проверкой. С подачи главнокомандующего такие рейды на фронтах стали обыденностью. Отслеживалось в основном оборудование окопов и прочей фортификации согласно всем последним веяниям военной мысли, благо после Барановичской операции аж целая комиссия из Ставки ездила осматривать германскую оборону. И сделала достаточно

правильные выводы. Так что теперь не редкостью были сумбурно-внезапные визиты полковых и батальонных командиров в роты после недоуменных звонков дивизионного начальства, которое в свою очередь было хорошо «взбодрено» вышестоящим на основании докладов оперативников корпусных и армейских штабов.

– ...в общем, командир, в трёх местах побывали – дохлый номер. – Иваныч прихлебывает чай из кружки, затем неторопливо продолжает: – А здесь, кажись, можно попытаться. Надо только с человеком одним потолковать правильно.

Раз он говорит, что существует возможность, значит, шансы есть. Следуя примеру остальных, тоже делаю глоток круто заваренного чайку, затем интересуюсь:

– И что за человек? Кто таков?

– Унтер тут есть один, четвёртым взводом командует. Фамилия – Куцевич.

– И что с ним не так?

– Во взводе куча разных германских побрякушек. У самого Куцевича прибор для бритья, бритва простенькая, но новая. А так, фонарик, зажигалки, ложки с вилками, еще какая мелочь. Где взяли – не говорят, отбредиваются, мол, трофеи.

– Так, Глеб, смотайся к этому сказочнику и скажи, что прапорщик Остапец его на чай и разговор зовёт, – отсылаю одного из «призраков» в качестве вестового и, пока он бежит, стараюсь разузнать общую обстановку. – Кстати, как вас тут приняли? Проблем не было?

– У нас – нет, – один из диверсов, улыбаясь, присоединяется к разговору. – Хотя приходили тут вчера... борзые. Типа раз новенькие, проставиться не мешало бы перед старенькими. Мол, полфунта махорки с вас да фунт сахару.

– И?... – У меня возникает чисто гипотетический интерес – в приютившей нас роте уже появились небоевые потери или нет?

– Договорились, что завтра утром принесут. Типа как извинение за беспокойство. – Боец изображает самую довольную из своих улыбок.

– Денис Анатолич, Тимоха вон вдвоём с Глебом этими придурками минут пять по окопу в футбол играли. Пока не притомились маленько, – кивая на только что говорившего, добродушно усмехается Остапец. – Обошлось без крови, даже зубы никому не выбили. Так, по паре синяков каждому, но это – не в счет.

– Понятно... А что – ротный, как он тебе глянулся? А то мне к нему еще с инспекцией идти.

– Да вроде нормальный, дело требует, но без закидонов всяких... Любит словечки разные, прям как наш батальонный командир. Типа здесь вам – не тут и потому что это не оттого. – Иваныч прикалывается, пользуясь случаем. – Но до вашего высокоблагородия ему еще далековато будет...

Скрипит, открываясь, дверь в блиндаж, и беседа прерывается с появлением гостя, того самого унтера:

– Дозвольте, вашбродь... – немного развязный тон меняется, когда он замечает еще одного офицера и, как-то странно глянув на меня, рапортует уже вполне официально: – Унтер-офицер Куцевич...

– Присаживайся, унтер-офицер, гостем будешь. Разговор к тебе есть... Чаю хочешь?

Тимоха наливает не успевшую еще остыть заварку в чистую кружку и придвигает к унтеру.

– Благодарствую, ваше благородие... – Куцевич делает из вежливости пару глотков и вопросительно смотрит на нас.

– А позвали мы тебя вот зачем... – правильно поняв его поведение, перехожу к сути дела: – Не расскажешь, откуда у тебя и твоих солдат интересные вещички? Только, чтобы не тратить время, сразу прошу – честно. Про трофеи можешь даже и не начинать – не верю.

Куцевич со вздохом отставляет в сторону кружку, молчит какое-то время, видно, перебирая варианты, затем поднимает взгляд на меня:

– Ваше благородие... Как на духу всё обскажу... Тока дайте слово, что – никому...

– Слово офицера, что всё, сказанное здесь, наружу не выйдет. Этого достаточно?

– Точно так, ваше благородие... Я ж вас знаю... Иначе б и разговору не было... С годик назад вы у нас были, лопатки брали... Ну, штоб своего выручить...

Стоп!.. Это когда Оладыин своего первого языка брал?.. Нам тогда пришлось Митяя отбивать...

– Это ты с Пашкиным тогда был? Всё жаловались, что ни винтовок, ни патронов нет?

– Точно так... Прокопыч, виноват, ефрейтор Пашкин сказал, што вас солдаты «Бешеным» окрестили... А щас такие сказки говорят... И про княжну, и про Барановичи, и ешо про многое...

– Ладно, про сказки мы потом поговорим, ты нам лучше скажи, откуда всё это богатство у тебя.

– Тут какое дело-то... Нас, когда сюда определили, народ обжигаться начал. Ну, и окрест шастать, мало ли что где осталось опосля германцев... Впрочем, нашли мои архаровцы неподатку в рощице две повозки, видать, бросили их впопыхах колбасники, когда драпали...

– И там все эти побрякушки и лежали? – скептически ухмыляется Остапеч. – Милай, ты нас за детей неразумных не держи, а? Сами врать умеем почище твоего.

– Никак нет, ваши благородия... Там тока консерва была, две полные телеги... Вот и решил я оставить всё это во взводе, подкормить своих... А потом как-то раз пошёл к ручью, постираться надобно было. Тут недалече, как раз меж нами и колбасниками. Там даже окопов не рыли, сплошное болотце, так, колючки кинули три ряда, и всё... Так вот, тока принялся, слышу – шаги, да с той стороны. Я бельишко-то мигом собрал, и – в кустики, в самое время притаился. Германец подошёл с кучей фляжек, воды набрать хотел... Вот... Стрелять неможно, винтовку отставил, решил его тихонько ножиком кончить, да не смог... Уж больно он нашего дядьку Афанасия напомнил... На фабрике когда работал, был у нас слесарь один...

– Ты, что же, из рабочих будешь? – Иваныч ведёт разговор, оставляя мне слушать и анализировать информацию.

– Ага... То есть так точно, вашбродь... Так тот германец воду набирает, по сторонам оглядывается, видно, пугается. А тут под ногой у меня ветка треснула. Он за винтарем дернулся, да я, из куста высунувшись, уже в него целюсь. Он на меня смотрит и просит, мол, не стреляй...

Ага, почти как у Маугли – водяное перемирие. Ну-ка, ну-ка...

– Не, он по-русски, правда, еле понять можно было, говорил... Ну, не смог я прибить его... Рука не поднялась... Так и подождал, пока он не уйдёт, собрал свои манатки и давай дёру оттудова. А на другой день всё ж пошёл туда, к ручью-то. А на берегу – фляга лежит на самом видном месте. Я к ней подхожу, а из кустов этый же германец высунулся и опять негромко так: «Солдат, не стреляй». А потом выходит, берёт флягу и мне протягивает – подарок, мол, говорит.

– А не побоялся, что отраву подсунут?

– Не, он крышку открутил и глоток сделал, мол, не бойсь. Ну, и я потом. Шнапс там ихний оказался...

– А дальше что? – Тут уж я не выдерживаю и сам влезаю в беседу.

– А дальше... Выпили мы с ним ту фляжку и поговорили малость. Он раньше в Польше жил, тож слесарил, мастерскую свою держал. Керосинку там кому починить, лисапед тот же... Потом, перед войной уехал в Германию, а потом снова к нам попал, на фронт. Говорит, кайзер – дурак, начал с вами воевать, а надо торговать было... У него три дочки, одна замужем была, да вдовой стала, а двух еще выдавать надоть...

– Вот мы на них и поженимся всем обществом, когда в ихний фатерлянд придём, – подает голос молчавший доселе Тимоха, но тут же осекается под взглядом Остапца.

– Боец, если хочешь что-то сказать, сиди и молчи, – ставлю окончательную точку в определении правильного понимания текущего момента. – Тимофей, думать надо верхней головой, а не нижней. А то одно неловкое движение, и ты – отец... В общем, я так понимаю, что подружился ты с этим гансом.

– Так точно... И стал потиху менять ихние же консервы на разные мелочи...

– Угу, и на шнапс. Да не делай такие честные глаза... И как часто вы собираетесь?... Так, я ж тебе слово дал, что никому ничего? Нам эти ваши игры без интереса, мы в свои играем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.